

ЛЕВ КВИН

БЫЛО

ОТЧА
НЕ

БЫЛО—НЕ БЫЛО

СОВЕРШЕННО НЕВЕРОЯТНАЯ ИСТОРИЯ,
ПРОИСШЕДШАЯ С ДВУМЯ ЗАКАДЫЧНЫМИ ДРУЗЬЯМИ
НЕ В ДАЛЕКИЕ СКАЗОЧНЫЕ ВРЕМЕНА,
А В НАШИ ДНИ,
И ДОСТОВЕРНО ЗАПИСАННАЯ С ИХ СОБСТВЕННЫХ СЛОВ

ЛЬВОМ КВИНОМ,

С ЕГО КРАТКИМИ ПОЯСНЕНИЯМИ И ТОЛКОВАНИЯМИ,
БЕЗ ЕДИНОЙ КАПЛИ ВЫДУМКИ

БЫЛО— НЕ БЫЛО

АЛТАЙСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1974

ПРЕДИСЛОВИЕ?

Нет!

Предисловия

никакого

не будет.

Почему!

Да потому, что я знаю: ребята не любят читать ПРЕДИСловия. Им бы скорее добраться до самого СЛОВИЯ: необычайных происшествий, веселых приключений, дух захватывающих походов...

А тут еще какое-то предисловие! Да не станут его ребята читать, хоть как их заманивай.

Хоть так:

ОБЯЗАТЕЛЬНО ПРОЧИТАЙТЕ!

Или так:

ЭТО ОЧЕНЬ ВАЖНО!

Или так:

**НУ, РЕБЯТКИ, НУ, ПРОЧИТАЙТЕ,
НУ, ЧТО ВАМ СТОИТ!**

Или даже так:

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО!

Все равно предисловия, хоть самого что ни на есть секретного, никто читать не станет. Поэтому

предисловия

никакого

не будет!

Все, о чем следовало бы сказать в предисловии, я сообщу по ходу самой повести.

А чтобы вам, ребята, легче было разобраться, где эти кусочки ненаписанного предисловия, они будут стоять вот так, столбиком справа.

Тогда, кто сильно спешит и читает книги через пятое на десятое, сможет их пропустить — они будут сразу видны. Только предупреждаю заранее: пропускать не стоит!

Почему?

Этого я не скажу. Прочитаете — узнаете сами...

Ну, хватит! Пора начинать невероятную историю.

Ведь предисловия

никакого

нет!

ЧЕТЫРЕ ВСТРЕЧИ, НЕМНОГО СТРАННЫЕ, НО ОТНЮДЬ НЕ НЕВЕРОЯТНЫЕ

С мамой...

Наша невероятная история началась самым обычным образом.

Самый обычный, ничем не примечательный человек по имени Гешка, по фамилии Ромашов, по школьному Ромашка, возвращался домой после уроков. На затылке кепочка, на носу ссадина, на указательном пальце правой руки — портфель. Самый обычный ободранный портфель с густо намотанной бечевкой вместо бывшей ручки. В портфеле — выдавшие виды учебники, тетради, одна авторучка без колпачка, два полусжеванных карандаша и шесть с половиной бумажных голубей; седьмой Гешка не успел доделать — прозвучал звонок.

А еще в портфеле была двойка по русскому. Самая обычная, ничем не выдающаяся двойка. За «карову» и «сабаку».

В голове у Гешки бродили мысли. Самые будничные мальчишеские мысли.

Хорошо бы двойку из дневника изъять...

Хорошо бы в космос слетать ненадолго и открыть там мирок-другой...

Хорошо бы марки объемные раздобыть на зависть всем школьным коллекционерам...

А лучше всего заболеть ветрянкой дней этак на десять. Или гриппом. Да, да, грип-

пом — говорил же папа, что в школе на Западном поселке, где он директором, вспышка какой-то новой формы гриппа: не то А с плюсом, не то Б с минусом.

Или нет, не ветрянкой, не гриппом, а какой-нибудь такой болезнью, чтобы в школу нельзя, а на чердак можно и даже нужно, если хочешь поскорей выздороветь. Да, именно на чердак, потому что там, на чердаке...

— Гешка!.. ГЕШКА!.. ГЕШ-КА!!!

Вот теперь он услышал. Когда вся улица обернулась и посмотрела в его сторону. Мама!

Запыхалась, покраснела. То ли от быстрой ходьбы, то ли от того, что неудобно ей бежать вслед и кричать так громко.

— Уже домой? Что-то рано.

— Нас отпустили, Анна Семеновна заболела... Ой, мам, я так есть хочу! — затараторил Гешка.— Бабушка уже сварила обед? На второе пельмени, да?

Отвлекающий маневр не удался.

— Что получил сегодня?

Гешка ничего не ответил, лишь потупился и тяжело вздохнул.

— Так! Ясно! Давай сюда! — Мама отобрала у него портфель, вытащила дневник.— Опять по русскому? Ну, Гешка, ну, Гешка!

— Придирается...— безнадежно проныл Гешка, не поднимая глаз.— Другим так ничего...

Но мама не слушала.

— А хламу-то, хламу!

Ее быстрые руки потрошили портфель. Полетели в урну шесть с половиной голубей, два недоеденных карандаша. Гешка встревожился. Сейчас она доберется, сейчас...

— А это что? — Мама извлекла из недр портфеля потрепанную книжицу со странного вида креслом на обложке.

Добралась!

— «Машина времени», писателя Герберта Уэллса.— Он судорожно сглотнул и добавил торопливо: — Не моя, Саньки Зубавина.

— Опять за фантастику! Дома запретили, так теперь на уроках читаешь? Все, больше ее до каникул не увидишь! — Мама положила книжку к себе в сумку.

— Отдай, отдай! — Теперь, когда непоправимое уже случилось, Гешка вдруг ощутил прилив отчаянной храбрости.— Ну и не отдавай! Я и так все наизусть помню. Не веришь? — Он стал в позу, выпятив грудь и расставив в стороны локти.— «Освещенная трепетавшим пламенем лампы, приземистая, безобразная и погнувшаяся, перед нами, несомненно, находилась та же самая машина времени, сделанная из бронзы, черного дерева, слоновой кости и прозрачного блестящего кварца»...

— О-о! — простонала мама.

Курносая девчонка, пробежавшая мимо со стаканом сметаны в руке, вдруг затормозила так, что каблучки, шоркнув по асфальту, выбили искру.

Гешке не понравилось:

— Что уставилась? ТЮЗ тебе здесь, да?

Ответа он не дождался. Мама схватила его за руку и молча поволокла за собой.

Сзади с раскрытым ртом бежала все та же курносая девчонка, оставляя за собой на тротуаре сметанный ручеек. К нему, держа на весу ободранный хвост, уже неся со всех ног черный кот Бармалей, известный всей улице забияка и вор.

Гешка ничего этого не замечал. Он обреченно тащился за мамой. Ближайшее будущее представлялось в самом мрачном свете. Громоздились багрово-черные тучи, яростно полыхали молнии, гремели раскаты родительского гнева...

С бабушкой...

Гешка вышел из подъезда, осмотрелся по сторонам.

Двор был почти пуст, если не считать двух малышей-карандашей и их дедушки. Малыши копались в песочнице, возводя кривобокий сказочный замок, а дедушка стоял рядом, опираясь на палку, и зычным уверенным голосом подавал команды по строительству.

Нет, эти не опасны.

Гешка юркнул обратно в подъезд и уже через секунду появился снова с круглым, накрытым тряпкой предметом в руках. Домой он за ним явно не поднимался — для этого потребовалось бы гораздо больше времени. Видно, таинственный предмет стоял, дожидаясь, за дверью подъезда.

Почему же Гешка не вынес его сразу?

И что это за предмет?

Держа неудобную пошу впереди себя в вытянутых руках, Гешка тенью скользнул вдоль стены дома к соседнему подъезду. Но, не дойдя нескольких шагов, внезапно резко повернул обратно.

Поздно!

Бабушка, правда, еще только входила во двор, и, будь у нее нормальное человеческое

зрение, Гешка вполне мог бы уйти незамеченным. Но бабушка страдала дальностью, почти ничего не видела вблизи, зато на расстоянии укрыться от нее не было никакой возможности.

Вот и сейчас орлиные бабушкины глаза засекали Гешку побыстрее самого совершенного электронного прибора.

— Гешечка! — пропела она, направляясь в его сторону.— Виучочек! Что это у тебя там?

— Где?

Гешка сознательно тянул время. Что ей сказать? Он лихорадочно перебирал в уме вариант за вариантом.

Воры украли, а он гнался, отбил?.. Не поверит!

Обнаружил брак и понес в магазин обменивать?.. Не поверит!

Нужно что-нибудь такое — с учебой, с учителями...

Между тем, как Гешка ни вертелся, бабушке все-таки удалось заглянуть под тряпку.

— Батюшки! — всплеснула она руками.— Шаровой аквариум! Только купили, а он сразу на улицу! Зачем?

Что же сказать? Что же ей сказать?.. Где-то в одной из клеток мозга зажегся спасительный огонек. Есть!

— В школу! — обрадованно выкрикнул Гешка.— Не на улицу, а в школу! В школу велели принести!

Магическое слово «школа» подействовало безотказно.

— В школу? — озадаченно переспросила бабушка.— Ведро туда отнес. Два бидона отнес. Теперь еще аквариум потащил... Зачем там, в школе, вдруг аквариум понадобился?

— Я откуда знаю? Очень нам говорят! Сказали — принести, и все. А не принесешь — сразу четверку по поведению.

Четверки по поведению бабушка боялась больше всего, даже больше двойки по русскому. «Главное — поведение, — с первого класса твердила она Гешке. — Почему, думаешь, отметка по поведению в четверти ниже всех стоит? Потому что она, как фундамент в доме, все на ней держится».

— Ну, раз надо, так надо. Иди, внучек, иди! Осторожно только, не разбей...

Если бы бабушка не пошла сразу домой, а тайком понаблюдала за Гешкой, она бы немало удивилась.

Потому что Гешка направился вовсе не в школу, а исчез вместе с аквариумом в соседнем подъезде. Там он пропадал довольно долго, а когда, наконец, снова появился во дворе, аквариума у него уже не было.

С чемоданом...

По улице, мимо ряда высоких окон зубчатой поликлиники, шагал голенастый сутуловатый юнец в свитере с огромным воротником, из которого длинная тонкая шея торчала, как стебель из цветочного горшка. Он тащил необычного вида чемодан.

Был чемодан когда-то, лет пятьдесят назад, нарядным и красивым. Теперь, к старости, бока ободрались, покоробились. Застежки утерялись, и кожаные ремни, которые когда-то стягивали чемодан, уныло волоклись по земле, как хвосты очень грустных собак. Ручки тоже не было, вместо нее служила подкова, прикрученная проволокой.

Словом, печальное зрелище.

Голенастый с чемоданом был известен среди малого простонародья под именем Шлепы.

Знаете, кто такой Шлепа?

Не знаете? Быть этого не может!

Кто сидит второй год в вашем классе? Устроился поудобнее на задней парте, вытянул ноги на всю их километровую длину и, кажется, не прочь так просидеть еще годик или два?

Это и есть Шлепа.

Что за дылда носится с малышкой вашего двора, подбивая ее на всякие пакости? Кто щедро раздает пинки и тычки всем поменьше и послабее себя?

Это тоже Шлепа.

Кто в темном углу торопливо досасывает брошенный кем-то окурок? Кто вдруг загогочет по-жеребьячи в притихшем зале кинотеатра?

И это Шлепа.

Теперь знаете?

Ну вот...

Шагает по улице Шлепа со своим обычным чемоданом, а навстречу ему Гешка. Как увидел чемодан, так не может оторвать от него глаз. Вот это чемодан! Если прорезать сверху отверстие для шеи, снизу для ног, а сбоку для рук...

— Здорово, Шлепа!

— Салют двадцатью залпами из двадцати орудий, — важно пробасил тот в ответ.

— Какой здоровущий! — Гешка осторожно потрогал чемодан. Картонный? Нет, что-то покрепче. — Зачем он тебе?

Голос у Гешки протяжный, заискивающий. Со Шлепой нельзя как равный с равным. Либо безоговорочно признать его превосходство и покорно ждать милостей, либо показать ему свою силу, и тогда он сам будет перед тобой ходить на задних лапках.

Гешка намного моложе Шлепы, ниже на целую голову. Оба его кулака, может быть, чуть побольше Шлепиного одного. Так что на силу рассчитывать ему не приходится.

— Ну, скажи-и...

Шлепа улыбается, довольный. Нравится ему, когда вот так канючат.

— Вместо портфеля. Сегодня с ним в школу ходил. Вот смеху-то! В парту не влазит, так я под ноги.

— Слушай, Шлепа! — Гешка не отводил от чемодана алчного взгляда. — Дай его мне, а?

Безнадежная затея! Шлепа сложил внушительную фигу и молча сунул ее Гешке под нос.

— Дай, а? — не отставал Гешка. — Ну, Шлепочка? Хочешь, я всю неделю буду тебе задачки решать?

— Э, не! Месяц!

— Ну, месяц, — тотчас же согласился Гешка.

Шлепа буравил его своими маленькими глазками, пытаясь постичь непостижимое: зачем пацану понадобился чемодан?

— А для чего тебе?

— Ну... Нам в школу велели принести.

Тут Гешка совершил тактическую ошибку. Что хорошо для бабушки, на то Шлепа не клюнет. Школа для Шлепы — пустой звук.

— В школу? — в голосе Шлепы появились нотки опасного недоверия. — Иди ты!..

— Ну... ну... летом... в турпоход, — быстро поправился Гешка. — Лямки к нему приделаю...

Чем дурнее он будет выглядеть в глазах этого дурня, тем больше шансов на успех.

И верно, тот как захохочет на всю улицу! Очевидно, представил себе, как чемодан верхом на Гешке вползает на вершину горы.

— Приделывай к своему! — Шлепа поднял чемодан.

— погоди! — Гешка одной рукой ухватился за чемодан, другой извлек из кармана сверкнувшую на солнце бляху. — Хочешь?

Шлепа заинтересовался.

— Что это?

— Это? Японский орден, — без малейшей запинки ответил Гешка.

— Иди ты! — Шлепа попробовал бляху на зуб. — Золотой, — уважительно сказал он, сплюнув.

— Еще какой золотой! — обрадованно подтвердил Гешка. — Самый высший японский орден. «Харакири» называется. Они его из чистого золота шпарят. Так берешь или нет? — осмелел он. Шлепа не выпускал бляху из руки.

— А еще что у тебя там? — Шлепа хлопнул по Гешкиному карману. — Давай, давай, не жадничай!

Гешка вытащил двадцать копеек.

— Все! Больше ничего нет.

— Э, пропадай моя телега! — Шлепа взял деньги. — Бери! На три дня. В срок не вернешь — берегись!

Счастливый Гешка схватил чемодан, обнял его, как самого близкого друга.

— погоди, дай выгребу свои шмутки.

И Шлепа открутил зубами проволоку, заменявшую замок.

В черном брюхе чемодана, таком же ободранном, как и его бока, лежали двести замусоленные тетрадки и множество конвертов. Гешка уставился на них недоуменно.

— Для чего тебе столько?

— Мне?! — опять захохотал Шлепа, тряся модными нестриженными лохмами. — Не мне, а ей... Ну, язычнице!.. Ну, англичанке!.. Ну, учительнице английского, лопух банановый! У нее завтра день рождения. Так я ей сразу сто поздравлений — три дня писал. И все без марок. Доплатные, пусть раскошеливается. Сто доплатных писем. Ха-ха-ха! Здорово, а? — он смотрел на Гешку, ожидая дани восхищения. — Есть у меня в голове серая начинка, а?

— Еще какая серая! — похвалил Гешка.

Он опустился на колени, сунул голову под крышку, стал оглаживать и ощупывать чемодан со всех сторон. Деревянный каркас! Ремни!..

Как раз то, что нужно!

С рыжей кошкой...

Собственно, какая это встреча! Один человек идет себе, тихо-мирно, как все нормальные люди, несет кусок водосточной трубы, ничего плохого не подозревая, а другой злодейски крадется за ним по пятам. Улучит подходящий момент и как ошарашит.

— Гешка!

— Ох!

Гешка от неожиданности выронил свою ношу. Жестяная труба загремела по тротуару.

Перед ним стояла младшая сестренка, вреднющая, ехиднейшая Катька. Жидкие рыжие косички оттопырились в обе стороны, рот до ушей, хоть завязочки пришей, глаза сияют — довольна!

— Ага! Испугался! Испугался! — запрыгала на козий манер.

— Как дам! — Гешка замахнулся на нее. — А ну марш домой, рыжая кошка! — Он нагнулся за трубой.

Но Катька не тронулась с места — эта хитрющая девчонка отлично умела отличать пустую угрозу от настоящей опасности.

— А я знаю! А я знаю! — снова запрыгала она. — Ты трубу в том доме сломал — я видела!

Это была наглая ложь. Водосточная труба держалась на честном слове, и стоило Гешке стукнуть по ней кулаком, как она отвалилась сама собой. Но кому поверят: ему или Катьке?

Вот она уже выпалила, приплясывая, самое неприятное:

— А я маме скажу! А я маме скажу! «Шпионка! Предательница! Доносчица!» — мысленно обругал ее Гешка. Но вслух обозвать не посмел: это лишь осложнило бы положение.

Нет, с Катькой надо иначе. Вот, например, секреты. Эта дрянь-девчонка обожает секреты. Секреты — ее слабое место.

Гешка сразу напустил на себя таинственный вид, прижал палец к губам:

— Тсс!

Катька еще не поверила, но уже заинтересовалась.

— Почему — тсс? — Она, невольно следуя его примеру, тоже перешла на шепот.

— Потому что люди могут услышать.

— А почему им нельзя?

— Потому что это тайна!

Теперь, когда было сказано «тайна», инициатива перешла к Гешке. Но надо еще уметь ею воспользоваться. Катька не просто вредная, она — опасно вредная, на ерунде ее не проведешь.

— Сказать, труба для чего?

— Ой, скажи, скажи!

Катька уже сгорала от любопытства, и он, закончив предварительную подготовку, шепнул:

— Понесу завтра в школу. Тогда наш класс выйдет на первое место по металлолomu!

— А вот и врешь! А вот и врешь! — заверещала Катька на всю улицу.

Гешка сделал отчаянную попытку спасти положение:

— Хочешь, поклянусь?

— Все равно не поверю! Все равно не поверю! — торжествовала Катька. — Ты что Ленке в тот раз говорил? Не буду я с металлоломом возиться, говорил. Три консерв-

ные банки принес — и ладно, говорил. Есть у меня дела поважнее, говорил...

Слово в слово!

Сколько раз Гешка давал себе зарок ни о чем не говорить при ней с друзьями! Сидит в углу со своими бумажными куклами, спиной повернулась, вроде и не слушает, а у самой уши, словно звукоуловители.

Оставался только один выход.

— Ну, ладно. Это я, правда, соврал, — признался Гешка. — А вот теперь не совру. Знаешь, зачем труба? Иди сюда... Иди ближе, не бойся.

Он зашептал в подставленное ярко-пунцовое ухо. Зашептал чистую правду. Немыслимую! Невероятную!

Представьте себе: поверила! На бабушкин манер всплеснула руками:

— Батюшки! Как наши космонавты?

Теперь, когда удалось, Гешка сразу заважничал.

— Что космонавты! Они только вблизи шарика. А я... — Набрал воздуха в легкие. — «Биллионы километров, световые годы поглощались в стремительном темпе. Молниеносно пролетали мимо десятки галактик. Мчалось время, часы и столетия».

— Бульоны километров! — восторженно запрыгала Катька. — И я, и я тоже! Возьми меня с собой! Ну, Гешенька, ну, миленький!

— Посмотрю на твое поведение... Самое главное — маме чтобы ни слова! И сейчас же домой!..

Обнадеженная Катька перечить не стала, побежала вприпрыжку к дому. Гешка обождал, когда за ней захлопнется дверь, подошел, проверил, не подглядывает ли, и в несколько гигантских прыжков оказался у соседнего подъезда.

Словно влекла его туда неведомая сила!

ВОСЬМОЕ ЧУДО СВЕТА

Ни одна невероятная история не может обойтись без чудес.

В нашей истории чудо случилось именно там, в соседнем подъезде.

В Гешкином доме всего пять этажей. Пять этажей и чердак. Так считали строители. Так считали в жилуправлении. Так считали все жильцы.

Гешка считал иначе: чердак и пять этажей. С некоторых пор чердак стал для него самым главным местом во всем доме.

А самым главным подъездом в доме стал третий. Именно там находилась дверь на чердак. Не труднодоступный люк, как в других подъездах, а самая настоящая, обитая жестью дверь. И пусть на ней постоянно висел амбарный замок, не беда! Скоба, на которой держался замок, легко вытаскивалась из гнезда — это Гешка обнаружил уже давно.

Здесь, на чердаке, и произошло восьмое чудо света.

Знаете ли вы, ребята, что такое семь чудес света?

Так в древности назывались сооружения, поражавшие своих современников грандиозностью и красотой. Давайте их перечислим:

египетские пирамиды,
висячие сады Семирамиды в Вавилоне,
храм Артемиды в Эфесе,
скульптура, изображавшая бога Зевса, работы греческого ваятеля Фидия,
гробница Мавзола, властителя Карики в Галикарнасе,
украшенная барельефами и статуями,
медная статуя Гелиоса, греческого бога солнца, у входа в гавань Родоса, более семидесяти метров высотой,
мраморная башня маяка на острове Фарос, около ста семидесяти метров высотой.

Итого семь.

А вот восьмое чудо света еще официально не названо, и каждый волен выдвигать свои предложения на этот счет, в том числе и ребята. Один из вас назовет телевидение, другой — космическую ракету, третий — лазерный луч...

Что касается Гешки, то он твердо уверен, что восьмое чудо света свершилось одиннадцатого мая тысяча девятьсот семьдесят... года, в двенадцать ноль-ноль часов московского времени, в географической точке со следующими координатами: $83^{\circ}33'27''$ восточной долготы, $55^{\circ}06'21''$ северной широты.

То есть, на Гешкином чердаке.

Можно соглашаться с Гешкой или не соглашаться — это дело хозяйское. Но одно надо признать: в современном мире трудно отыскать место, более приспособленное для чудес, нежели чердаки. Полная тишина, таинственная полутьма, никто не пошлет ни в булочную, ни в хозяйственный магазин за стиральным порошком.

Нет, чудо в наше время может свершиться только на чердаке!..

Что Гешка делает с чердачной дверью? Ничего особенного, просто выдергивает из косяка скобу с висячим замком на ней. Весь фокус состоит в том, чтобы, проскользнув на чердак, аккуратно и точно прикрыть дверь с другой стороны. Тогда заостренные концы скобы снова войдут в свои гнезда и снаружи будет казаться, что все заперто прочно и надежно.

В чердачной полутьме, у массивного кирпичного дымохода, что-то шевельнулось.

— Гешка, ты? — раздался свистящий прерывистый шепот.

— Нет, моя бабушка.

Вздых облегчения: наконец-то!

Невысокая фигура отделилась от дымохода и приблизилась к Гешке.

Представляю вам эту фигуру. Ленька Мохов — сосед Гешки по парте и его закадычный друг. Можно было бы еще добавить — и единомышленник, если бы ребята так часто не спорили по делу и по пустякам.

Вот и несколько дней назад они снова крепко поцапались, как раз здесь, на Гешкином чердаке. Ленька после этого дулся, пыхтел, отодвигался на край парты. А Гешка к нему как ни в чем не бывало: «Стиралка есть?» «Подскажи!», «Дай списать»... Он всегда так. Накричит-накричит, а потом первый же и заговаривает, будто ничего не случилось.

А сегодня Гешка подошел к Леньке на последней перемене и сказал: «Встретимся

после обеда, ну, сам знаешь где», — кругом были ребята. А когда Ленька, все еще дуясь, пробубнил: «Зачем?», ответил коротко и многозначительно: «Увидишь!».

Как тут не пойти! Хотя день был, прямо скажем, совсем неподходящий. Папа обещал взять Леньку с собой на завтрашний футбол, при условии, что все уроки будут сделаны заранее. А послезавтра сочинение сдавать — «Как мы будем жить при коммунизме». Так что сегодня надо закончить обязательно...

— Что так долго? — упрёкнул Ленька. — Я уж уходить собрался, думал — не придешь.

— Катька! Еле отвязался — возьми ее с собой да возьми.

— Все они настырные!

В вопросе о младших сестрах Гешка с Ленькой были на редкость единодушны. Ленькина чернявая Сима по вредности не уступала рыжей Катьке.

— И кто только этих сестер выдумал! Были бы на свете одни братаны — о!.. Ну, давай на пульт управления. — Гешка, размахивая трубой, первым двинулся в полутьму по скрипучему шлаку.

Как удивились бы жильцы дома, если бы узнали, что в глубине чердака, между дымоходом и стояком центрального отопления, находится пульт управления космического корабля! От посторонних глаз пульт надежно укрыт несколькими досками, уложенными на угол невысокой кирпичной

кладки. Но стоило только нырнуть под эти доски и, соединив проводки, подключить к батарейке маленькую лампочку от карманного фонарика, как тотчас же дом переставал быть домом, а становился гигантской космической ракетой, все сложное управление которой сосредоточивалось вот здесь, в этом потаенном уголке. Тускло отсвечивал выброшенный кем-то старый кинескоп от телевизора, с крана стояка свисал на проволоке старый рубильник, змеился клубок перепутанных проводов, снятых во время ремонта Гешкиной квартиры...

Сколько замечательных путешествий было уже совершено на этом межзвездном корабле! Жильцы жили себе в своих квартирах, ели, пили, спали, веселились, ходили на работу, в школу, делали уроки, и даже не подозревали, что вместе с домом побывали далеко за пределами солнечной системы, встречались с представителями не земной цивилизации в туманности Андромеды, терпели бедствие в созвездии Орла, а в последний раз даже чуть не погибли в районе Большой Медведицы.

Да, это был поистине героический рейс! Вышло атомное топливо, и космический корабль вместе со своими ничего не подозревавшими обитателями превратился бы в вечного странника мирового океана, если бы не находчивость командира, прославленного звездолетчика Геннадия Андреевича Ромашова. Вот разглядел же он на им самим составленной звездной карте контейнер с ядерным горючим! А ведь его помощник (кто именно — не важно) принял этот контейнер на карте за обыкновенное чернильное пятно, отчаянно спорил с командиром космического корабля и даже покинул свой пост.

Страшно подумать, что произошло бы с домом, его обитателями, если бы командир не был твердым до конца и, оставшись в

полном одиночестве, не вернул бы благополучно корабль к месту старта — в этот город, на эту улицу...

Ленька не был на пульте управления со времени того злополучного полета и сразу приметил новшества. Например, лампочек теперь стало две. Новая, красная, очевидно из слочной гирлянды, включилась, когда Гешка нажал на фанерной дощечке кнопку с надписью карандашом вокруг нее: «Опасность!».

Этот прибор Гешка смонтировал сам, без участия друга. Поэтому Ленька, ощутив острый укол самолюбия, спросил довольно резко:

— Говори, зачем звал?

Как будто одной уже этой красной лампочки не было достаточно для того, чтобы позвать его сюда!

Но Гешка приготовил еще и другие сюрпризы.

— Хочешь стать космонавтом или не хочешь? — Он поглядывал на Леньку с едва сдерживаемым торжеством. — Может, начнем тренировки?

— Тренировки?..

Быть космонавтами хотели оба. Правда, по-разному. Ленька относил это желание к неопределенному будущему: взять да и взлететь бы когда-нибудь в космос. А Гешка действовал активно. Не взять бы — а взлететь! И не когда-нибудь — сейчас! И не откуда-нибудь — с чердака! И не чердак это вовсе никакой, а головная часть межзвездной ракеты...

Он горел сам и зажигал Леньку. И они отправлялись в небывалые путешествия по неведомым мирам, где светило сразу по десять солнц и где бродили невиданные чудовища с двадцатью ногами и тринадцатью хвостами — Гешка с ходу наделял их неслыханными именами: злогад, шприцехвост, ползучка...

Но на этот раз Ленька не воскликнул радостно: «Давай!». Может, впрочем было сочинение, может, завтрашний футбольный матч. А, может быть, не прошло еще чувство обиды, подогретое вдобавок и тем, что Гешка, как видно, не слишком скучал здесь один...

— Тренировки? — повторил Ленька. — Нет, сегодня не могу.

Гешка уговаривать не стал:

— Тогда я сам.

Он вылез из-под досок и стал тащить из-за дымохода один за другим странные предметы, которые были там тщательно запрятаны.

Скоро возле пульта управления образовалась целая горка.

Бывшее мусорное ведро, сильно укороченное, без дна.

Два двухлитровых бидона, тоже с вышибленными или отпиленными доньями.

Знакомый уже нам чемодан, изуродованный со всех сторон большими дырами.

Аквариум. Целехонький. Даже придирчивый бабушкин глаз не обнаружил бы на нем никаких следов Гешкиного насильственного вмешательства.

И кусок водосточной трубы — точно такой же, какой приволок с собой Гешка.

Гешка положил на верх горки принесенную трубу, поглядел очень довольный на Леньку.

— Теперь все.

Открыл чемодан, приподнял и одним ловким движением — чувствовалась многократная тренировка! — просунул обе руки в отверстия по сторонам.

Молча, как на фокусника, занятого приготовлением к номеру, взирал на него Ленька.

— Помоги, чего рот разинул! — приказал Гешка. — Скафандра, что ли, никогда не видал?

Вдвоем они пристегнули кожаные ремешки. Теперь чемодан, оставляя свободными руки и ноги, элегантно прямоугольником заключал все Гешкино туловище. Сверху укрепили то, что когда-то было мусорным ведром, — оно широким обручем опоясало шею и часть головы. Затем Гешка с Ленькиной помощью продел ноги в бидоны без дна. На руки пошли оба куса водосточной трубы — по длине они оказались в самый раз, точно Гешка предварительно ходил к жестянщику на примерку.

— Ну как?

Гешка, широко расставив ноги в бидонах, не отрывая подошв от пола, сделал два шага. Он походил на робота с человеческой головой.

И сердце Леньки не выдержало. Все обиды и ссоры, уязвленное самолюбие и уколы зависти показались мелкими и несерьезными перед лицом такого выдающегося события.

— Красотища! — он искренне восхищался. — Дай теперь я надену.

— Сначала я подвешусь.

— Еще и подвешиваться? — Ленька пришел в полный восторг.

— А ты думал! Состояние невесомости и камера безмолвия — сразу два испытания. Я выработал свой, ускоренный метод.

— А камера безмолвия где?

— Вот! — Гешка обвел рукой вокруг себя. — Ну-ка послушай!

Оба стали вслушиваться в густую чердачную тишину. Где-то капала вода, звонко шлепаясь о жесь.

— Тихо? — спросил Гешка.

Словно отвечая ему, неподалеку тонко мяукнула кошка.

— Мяу! — Ленька рассмеялся.

— Ну, это случайно — я ее разыщу и выволоку. А так тихо?

— Ничего,— согласился Ленька.

— А это для камеры безмолвия самое главное, чтобы тихо было. Космонавты говорят, страшнее этого испытания нету. Вибростенды, центрифуги — все ерунда. Камера безмолвия — самое страшное. Вот я с нее и начну. Надевай на меня шлем!

Гешкина голова без труда пролезла внутрь круглого стеклянного аквариума. Нижней своей частью он опирался на край бывшего мусорного ведра, и доступ воздуха оставался свободным — тут все было продумано.

Ленька отступил на шаг. Перед ним стоял самый настоящий звездолетчик из неведомых космических миров.

К чемодану была привязана сложенная вдвое крепкая бельевая веревка из капрона. Теперь только найти за что ее зацепить, и можно начинать тренировку. Острые Гешкины глаза быстро нашарили на стропилах подходящий крюк. Но высоковато, веревки не хватало. Ленька суетился, бегал по чердаку — хоть какой-нибудь ящик найти или кругляк! Гешка стоял недвижно возле пульта управления в своем громоздком наряде, торопил его, покрикивал, вновь, до следующей ссоры, обрета над Ленькой командирскую власть.

Как назло, нет ничего подходящего! Ни ящика, ни кругляка!

Солнечный лучик, пробившийся сквозь отверстие в крыше, словно дразня, осветил недосыгаемый крюк. Изогнутая тень от него упала на кирпичную стену поперек чердака.

— Пошарь там, у стенки. Может, кирпичи какие.

— Есть! — донесся мнунтой спустя обрадованный Ленькин голос. — Тут дыра, и они почти сами прямо из стены вынимаются.

Он притащил два кирпича, побежал еще.

— Скорей! Скорей! — торопил Гешка; ему уже порядком надоело под стеклянным колпаком — тяжело, душно, стенки запотели.

Ленька появился не скоро — и без кирпичей.

— Там кто-то стоит за стенкой, — сообщил он взволнованным шепотом. — Я заглянул в дыру, а он стоит, смотрит и молчит. Черный такой, в балахоне, как ку-клукс-клан.

— Врешь!

— Ч-честно пионерское!

— Пойду сам посмотрю.

— А может, не надо, а, Геш? — Ленька робко поглядывал на темневшую за стропилами стену, перегородивающую чердак. — Давай лучше мотанем отсюда потихоньку, а?

— Снимай с меня скафандр! Снимай, тебе говорят!..

Гешка быстро сложил в чемодан бидоны, трубы и прочие составные части своего космического наряда.

— Ну, показывай!

И они двинулись к кирпичной стене. Впереди Гешка. За ним, осторожничая, Ленька.

У самого ската крыши в брандмауэре — так называются поперечные стены на чердаках; в случае пожара они не дают распространяться огню — зияла дыра почти до самого пола. Рядом сложены кирпичи — Ленька навывнимал их изрядно.

Гешка прыгнул и сунул голову в дыру.

Там царил такой же полумрак, как и на этой половине чердака; свет проникал из единственного слухового окна. Только помещение было поменьше, огороженное стенами. «А, — догадался Гешка, — комната под шпилем!»

Про эту комнату во дворе среди ребят одно время ходили легенды. Утверждали,

что там живут воры, что полы устланы краденными коврами, на стенах развешаны золотые часы, транзисторные приемники, фотоаппараты и прочее награбленное добро. Гешка тоже верил, до тех пор, пока дворник дядя Федя не попросил его и других ребят помочь перетаскать в комнату под шпилем зимний дворницкий инструмент. Комната оказалась совершенно пустой, если не считать лопат, ведер, ломов и прочего хозяйственного инвентаря.

— Где же твой ку-клукс-клан? — повернувшись к Леньке, насмешливо спросил Гешка.

— Тише ты, тише! — зашипел тот и, тоже пригнувшись, но все же не решаясь приблизиться к отверстию, показал пальцем: — Влево загляни, влево!

Там, и правда, виднелось что-то непонятное, приземистое, темное, с острокопечной макушкой.

Гешка попятился. Ленька принял это за команду к отступлению и сразу же рванул от стены на безопасное расстояние. Но он ошибся. Гешка и не думал бежать. Нашарил на замусоренном чердачном полу комки глины, кирпичные осколки и стал обшвыривать то самое, приземистое и темное.

Оно не реагировало ни движением, ни звуком. И тогда, осмелев, Гешка пролез в дыру. Подобрался осторожно к непонятному предмету, сорвал с него балахон, оказавшийся самой обычной мешковиной...

— Ленька! — крикнул он. — Ленька, иди сюда!

Короткая, но ожесточенная схватка между страхом и любопытством — и Ленька тоже появился в комнате под шпилем. Настороженный, с округлившимися глазами, готовый в любую минуту задать стрекача.

— Смотри — ку-клукс-клан! — Гешка смеялся. — Вот это дает так дает!

В углу чердачной комнаты стояло зубо-врачебное кресло. Видимо, его временно выставили сюда из стоматологической поликлиники на первом этаже; в прошлую пятницу им привезли на грузовике другое. Такое новое, белое, сверкающее, манящее — для тех, кто еще не имел удовольствия познакомиться с ним поближе.

— Зубодралка! — удивился Ленька и тут же воскликнул обрадованно: — Ага!

Он страстно увлекался конфетами, особенно «Мишками» и «Трюфелями», и расплачивался за это свое увлечение ужасными минутами на таком вот кресле. Как Ленька его ненавидел, как боялся, как трясся перед ним! А теперь оно стояло здесь, одиноко, беззащитное, без доктора, без своего свирепого союзника — бормашины. Ленька мог делать с ним все, что угодно, кресло находилось в полной его власти.

Он походил вокруг, пнул для начала ногой, потрогал какие-то рукоятки с никелированными шариками, присел на корточки:

— Вот эту штуку нажму, кресло поднимется. Не веришь?

Собрался уже нажать, как вдруг Гешка, все время присматривавшийся, схватил его за руку:

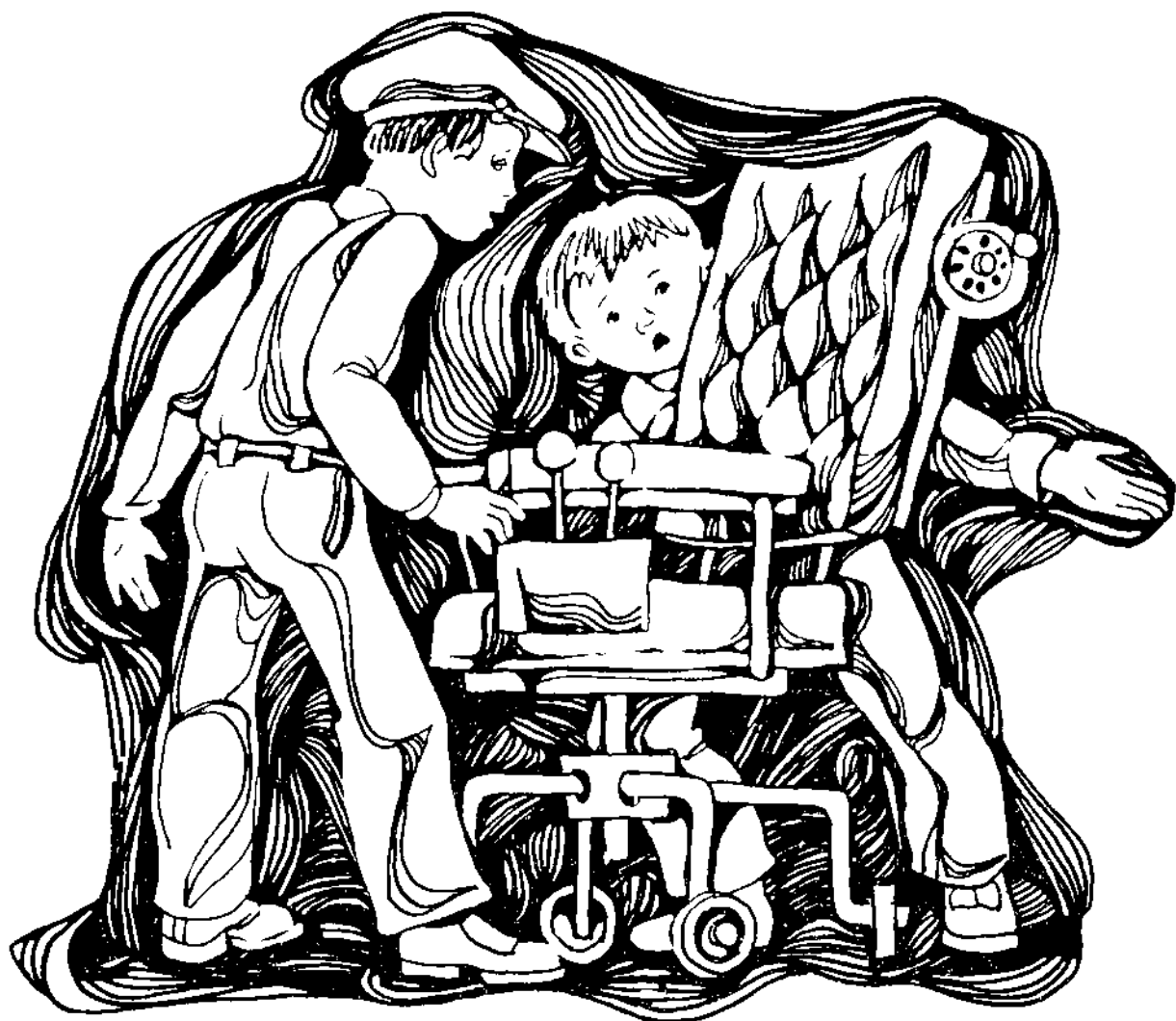
— Стой! Не прикасайся! Ни к чему не прикасайся!

Что такое? Встревоженный Ленька на всякий случай отодвинулся от кресла.

Гешка повел себя в высшей степени странно. Круг за кругом описывал он, то приближаясь к креслу, то удаляясь от него, то низко наклоняясь, то, наоборот, поднимаясь на цыпочки и разглядывая кресло сверху. При этом он что-то непрерывно бормотал, как колдун из волшебной сказки.

— Черное дерево... Ага! — слышалось Леньке. — Слоповая кость... Угу!

Наконец непонятное хождение вокруг кресла прекратилось. Гешка остановился,

скрестив руки на груди. Лицо его было серьезным, сосредоточенным.

— Никакая это не зубодралка, — торжественно объявил он.

— Да что я — не знаю? Мне самому на таком кресле недавно зуб выдрали. Вот! — Ленька сунул в рот палец, оттянул щеку и показал дырку между зубами.

— Не на таком. На похожем, но не на таком.

Шутит Гешка? Нет, кажется, серьезно...

— Слушай, Лень, нам с тобой неслышно повезло. Знаешь, что это за штука? Вот послушай. — Он прокашлялся, оставил локти и заговорил низким пугающим голосом: — «Некоторые части машины были

сделаны из никеля, другие из слоновой кости».

Память у Гешки особого рода. Он мог часами сидеть за учебником, даже читать вслух из него, и ничего не запомнить. Потому что мысли у него в это время работали совсем в другом направлении. Зато когда он брался за книги с космическими кораблями на обложке, в голове словно включался магнитофон и начиналась запись — ни одно словечко не выскочит из памяти.

Ленька вспоминал, наморщив лоб. Откуда это? Из книги какой-то. А вот из какой?

— «Путешественник во времени», — подсказал Гешка.

И тогда Ленька вспомнил:

— Да ну!

Гешка кивнул, объявил напыщенно:

— Вот она, перед тобой, знаменитая машина времени!

Ленька сомневался. Ленька требовал доказательств.

— Откуда ты знаешь?

Но Гешка не стал разъяснять. Оглянувшись сосредоточенно:

— Значит, и он где-то тут поблизости...

Он?.. Леньке сразу стало как-то не по себе.

Вон там, за выступом стены, не темный ли плащ Путешественника во времени?

Да нет же, всего лишь мешковина, которую Гешка снял с кресла и бросил на прислоненную к стене доску.

Не глаз ли Путешественника во времени блеснул там, в углу?

— Нет, просто стеклышко...

— Хотя вряд ли. Скорее всего, в город подался. — Гешка возился с машиной, пробуя всякие рукоятки и стержни. — Будет он здесь на чердаке сидеть, зря время терять! И нам тоже надо побыстрее, а то еще вернется.

Ленька насторожился. Уже задумал, задумал что-то его беспокойный друг! И когда Гешка начал: «Послушай, Лень...», он сразу замахал руками:

— Нет!

— Только попробуем, и все.

— Нет!

Но Гешка знал, как заставить его согласиться:

— Я ведь могу и один.

— Нет!

— Тогда давай вместе.

— Нет!

— Да ты что, говорить разучился? Все нет да нет... Мы ведь на минуточку. Слетаем быстрехонько — и обратно. Ну?

Гешка уселся в кресло, показывая всем видом, что если Ленька и сейчас не согласится, то он испробует машину времени сам.

И Ленька сдался.

— Подвинься!

И тоже сел в кресло. Места вполне хватало на двоих. Путешественник во времени был, по всей видимости, крупным мужчиной.

Гешка опустил ногу и осторожно нажал на педаль. Еще, еще... Сидение заметно поднялось над полом. Ясно! Значит, это подъемник.

А вот две ручки. Какую из них крутить? Одна, вероятно, для полета в прошлое, другая — в будущее. А какая куда? На них ведь ничего не написано.

— Сейчас узнаем. — Гешка как-будто всю жизнь только тем и занимался, что испытывал всякие фантастические машины. — Повернем чуть-чуть какую-нибудь из них, скажем, правую, и посмотрим, что будет.

Гешка крутнул правую рукоятку.

Оба друга зажмурили глаза и стали ждать.

Ничего не произошло.

Ленька приоткрыл один глаз, потом другой. Поинтересовался робко:

— Где мы теперь?

— На чердаке.

— Да нет! Где мы — во вчера или в завтра?

В самом деле, как узнать? Чердак есть чердак. Здесь, что вчера, что сегодня, что завтра — все так же: и полумрак, и паутина, и кошачья возня.

Первым сообразил Гешка:

— Выгляни в слуховое окно...

Окно высоко, к нему надо еще подобраться. Пришлось подтаскивать кирпичи, укладывать в столбик, а уж с него подтягиваться на руках.

— Ну? — торопил Гешка. — Что ты там видишь?

— Ничего. Небо вижу, дом, двор... А, Шлепу вот вижу. Стоит за углом. — Ленька держался на одних локтях, ноги болтались в воздухе. — Подкарауливает кого-то, что ли?

Он больше не мог висеть, руки не держали. Сорвался на развалившиеся под но-

гами кирпичи, помахал онемевшими кистями.

— Так, ясно! — уверенно сказал Гешка. — Правая ручка — в прошлое.

— Как ты узнал?

— Очень просто. По Шлепе. Он меня **вчера** караулил — я ему вместо японского ордена бляху с собачьей выставки всучил... Ну, что, летим в прошлое? — У Гешки загорелись глаза. — В какое-нибудь героическое время. В гражданскую? Во-во — в гражданскую!.. Несемся с тобой на тачанке! По белякам из пулемета: та-та-та-та-та!

Ленька ткнул его в бок:

— Тише ты! Весь дом услышит.

— Все! Кручу!

— Ой, погоди! У нас ведь оружия никакого.

Но Гешку уже нельзя было остановить.

— А у беляков на что? Возьмем в бою! — И стал вертеть рукоятку. — Поехали! Кресло под ними дернулось, задрожало... Свершилось чудо.

Началось необычайное, небывалое, невозможное путешествие.

ЧТО БУДЕТ ВЧЕРА

Что? Ошибка? Какая ошибка?

«Что **будет** вчера?»

А как надо?

«Что **было** вчера?»

А вот и нет! Как раз это и будет ошибкой.

Ведь Гешка и Ленька только отправляются в прошлое. Они еще не знают, что там с ними будет. И мы с вами тоже.

Нет, все верно! Именно так:

ЧТО БУДЕТ ВЧЕРА

...И машина времени с Гешкой и Ленькой на борту плавно, без толчков и дерганья, опустилась с небес на землю.

Стояла тишина.

Как на чердаке.

Гешка открыл глаза первым. За ним и Ленька.

— Ну, что?

Чердака не было. Машина стояла на опушке леса. Далеко впереди, за редкими деревьями, просматривались холмы и перелески. Позади хмурой стеной высились вековые сосны. Их темные морщинистые стволы струились прямо в небо.

— В прошлое! В прошлое попали! — завопил Гешка и от радости сделал неудачную попытку пройтись на руках.

А вот Ленька еще не знал, что ему делать: радоваться вместе с Гешкой или совсем наоборот.

— А от-куда т-ты знаешь, что в прошлое?

— Откуда?.. Где наш город? Нет города — еще один только лес кругом. Теперь ясно?

Ленька начал уже было радоваться потихоньку — вот попали в прошлое, и ничего такого не случилось. Но тут новая мысль подняла в нем волну смутения.

— А куд-куда м-мы все-таки попали? В гражданскую или не в гражданскую?

Гешка потянул носом воздух:

— Похоже, в гражданскую. Чуешь — порохом пахнет.

— Ой, тогда не надо отходить далеко от машины, — забеспокоился Ленька. — В случае чего прыгнем на нее — и будь здоров!

Но Гешка не согласился:

— Что ж теперь, ходить вокруг машины, как коза на веревочке? Так ничего и не увидим.

— А если ее кто найдет? Как тогда домой вернемся?

Будь они в настоящем, наверняка разгорелся бы приличный спор. Но здесь, в прошлом, Гешке не хотелось терять времени на пустяки. Да и Леньке при всей его осторожности тоже не терпелось хоть одним глазком глянуть на мир, знакомый только по книгам и кинофильмам. Глянуть — и ходу!

Поспорили на скорую руку и решили: машину надо хорошенько замаскировать. Оттащили ее волоком подальше в кусты, наломали веток, прикрыли.

Отошли на несколько шагов — не видно.

Вот теперь можно было со спокойной душой начинать разведку местности.

— Знаешь что, — предложил Гешка, — разделимся для быстроты. Ты иди вон к тому холму, а я поглубже в лес. Если что увидишь...

Ленька завопил чуть ли не в голос:

— Нет, нет!

— Давай тогда ты в лес, я к холму, — с готовностью уступил Гешка.

— Нет, нет!

Ленька ни за что не захотел разделяться. Только вдвоем! Так безопаснее.

Затопали вместе вдоль опушки.

Кругом — никого!

— А вдруг мы далеко проскочили, и люди совсем даже еще не родились? — Гешка сделал большие глаза. — Бродят одни эти... бронтозавры. Сам ростом с девятиэтажный дом, зубки — каждый по метру.

Ленька оглянулся. Не то, чтобы он сильно испугался, а все-таки...

Лес. Один только лес, и никакого подозрительного движения в нем. А ведь если пробирается по лесу такой вот зверюга, то деревья должны качаться, как в бурю.

— А ч-что они ели, не помнишь?

В школе по истории у Леньки железобетонная пятерка, а тут сразу свои знания порастерял.

— Все подряд! — продолжал пугать Гешка. — Гам — и нет тебя!

Но Ленька уже успел кое-что заметить — и на сердце у него сразу полегчало.

— Какие там бронтозавры, когда люди всю землю пашут.

— Где ты видел?

— Вон, у холма.

— Заплатки эти?

— Не заплатки, а пашни. — Стоило только Леньке успокоиться, как к нему опять вернулись его отличные знания по истории. — Маленькие — бедняков, большие — кулаков... Ой, кажется, мы правда в самую гражданскую угодили!

Чтобы не бродить вслепую, было решено забраться на дерево и хорошенько осмотреться по сторонам. Нашли одиноко стоящую сосну. Гешка с Ленькиной помощью ухватился за первый сучок, а уж там быстро вскарабкался чуть ли не на самую верхушку.

— Ну? — торопил снизу Ленька. — Что ты там видишь?

— Деревню вижу. Церковь... Слушай, — завопил Гешка радостно, — так это же наш спортклуб «Спартак»! Купол точь-в-точь. Только с крестом и сильно блестит.

Значит, деревня эта — их город в прошлом. Ничего себе вырос!

Они посоветовались: идти в деревню или не идти? Ведь неизвестно, кто там? Вдруг не наши, а белые? Скажешь: «Здравствуй-

те, товарищи!» — и прямым ходом на виселицу.

Решили идти не в деревню, а дальше по дороге, ведущей из деревни в лес. Залечь где-нибудь в чаще и наблюдать незаметно, кто проедет или пройдет.

В лесу было сумрачно, хмуро. У солнечных лучей не хватало сил пробиться через двойной заслон: вверху им преграждали путь могучие сосновые шапки, внизу — густая листва молодых осин и берез. Ребята примолкли, то и дело опасливо озирались по сторонам.

— Давай здесь, — предложил Гешка тихо. — Мох, мягко, и дорога рядом.

Залегли у подножья толстой ели, тесно прижались друг к другу.

Сколько они так лежали? Минут десять? Двадцать? Никто не ехал мимо, никто не шел. Лишь один скворец, вызывающе поглядывая на друзей, нахально прыгал по песчаной колее, отыскивая жучков. Наконец ребятам надоело — сколько можно без движения. Гешка поднялся первым, отряхнулся.

— Так всю гражданскую пролежим. Пошли в деревню.

— А если белые?

— Что-нибудь наврем. Мой папа — царский генерал, твой — поп.

— Умник! — пробурчал обиженно Ленка. — Давай лучше наоборот.

Гешка спорить не стал:

— Пожалуйста! Еще неизвестно, кто из них хуже.

Они зашагали по усыпанной сосновыми иглами тропинке, петлявшей между деревьями чуть в стороне от дороги.

Но далеко уйти не удалось.

— Эй, хлопцы!

Из густых зарослей вблизи тропинки наполовину высунулся рыжебородый дядька. И хотя вид у дядьки был совсем не страш-

ный, Ленку сразу словно ветром сдуло. И чего он только испугался? Неужели сучковатой дубины в руке у дядьки? Так ведь это же не пулемет и даже не ручная граната...

— Куда побежал? — Бородач, тяжело опираясь на дубину, выбрался из кустов. — Вы чьи?

— А вы? — на всякий случай Гешка отступил подальше.

— Ишь чего захотел!

Дядька хитро сощурился. И без того маленькие глазки потонули в набежавших снизу и сверху складках. На лице остался один лишь красный, с фиолетовыми прожилками, нос да окладистая рыжая борода.

— Вот попробуй угадай. Небось грамоте учен.

— Я и так уже угадал.

Гешкин взгляд скользнул по ветхой рубашке, по выцветшим, потерявшим всякую форму штанам и задержался на босых, черных от пыли ногах. Да, угадать нетрудно. Бедняк из бедняков, сго-то опасаться нечего. Зря Ленка сбежал.

— И я угадал. — Бородач подошел вплотную, но теперь Гешка его уже не опасался. — Нетутошный ты, верно? — Он грубыми потрескавшимися пальцами пощупал Гешкину курточку. — Добротная одежда, не нашему рванью чета. А башмачки! — он восторженно зачмокал. — Уж не нового ли гарнизонного сынок? Сказывают, всем домом пожаловал.

— Угу, — неопределенно промычал Гешка, не очень понимая, о каком «гарнизонном» толкует дядька; просто решил уйти от дальнейших опасных расспросов.

— Фу! — шумно выдохнул бородач. — Не иначе, господь бог тебя послал. Вот что, паренек, беги скорей в село, — мне самому отсюда никак не отойти... Хотя нет, — передумал он, — уж больно ты видный, еще

перехватят; их тут шныряет вокруг... Как же быть-то?

Гешка сторал от любопытства. Что-то интересное! Что-то оч-чень интересное!

Бородач стоял в раздумье, морщины прорезали коричневый лоб. Потом вдруг двинулся в сторону от дороги, припадая на левую ногу и кривясь от боли, и жестом поманил Гешку за собой.

Гешка пошел — отчего не пойти? Страх он не чувствовал совсем. Да и кого бояться? Этого чудного дядьку со щелочками вместо глаз? А с чего, спрашивается, его бояться надо? Идет себе впереди и даже ни разу не обернулся. И потом, он хромой, от него убежать ничего не стоит.

Вот Леньки нигде не видно — это хуже. Еще заблудится, ищи его в лесу до вечера.

Бородач остановился.

— Вот.

— Что? — не понял Гешка, озираясь по сторонам.

— Да не здесь, не здесь! Ты туда, на сосну, погляди.

И только теперь, посмотрев в сторону, куда указывал дубинкой бородач, Гешка увидел совсем близко от себя обвитый кругами веревки толстенный сосновый ствол. Он несмело, маленькими шажками обошел дерево.

К стволу был привязан человек. Руки, ноги, туловище — все крепко-накрепко схвачено веревками.

— Кто это? — Гешка наконец обрел дар речи.

— Бандитка, известное дело!

Девушка! Совсем еще молоденькая. В изодранном сереньком сарафане. На лице, на руках кровоподтеки. Боролась, видно, с ним, с таким здоровым. По ноге, наверное, стукнула — оттого он и хромает.

— Бандитка? — переспросил недоверчиво. — Она — бандитка?

— Бандитка и есть! — подтвердил бородач.

Вот, оказывается, какие бывают бандитки. А Гешка думал — все они старые, злые, крючконосые, вроде Бабы-яги. А эта... Эту даже жалко немножечко.

— Такая молодая! — Он подошел к пленнице вплотную. — Совесть у тебя есть?

Ответить девушка не могла. Рот был заткнут тряпкой. Но она шевельнулась угрожающе, и Гешка отскочил от дерева.

— Ух ты!..

— Прихвачено намертво, — усмехнулся бородач, расчесывая пятерней бороду. — Не бойсь!

— Грабила или убивала?

— Шпионка ихняя.

— Шпионка?!

С новой силой вспыхнул интерес к пленнице. Так она еще не просто бандитка — белобандитка! Вот гадина! Шпионить, вредить, предавать... Чтобы потом вот таких бедняков, как рыжебородый, мучили, вешали, расстреливали...

— Ну как, паренек, постоишь тут возле нее, покараулишь, не побоишься?

Гешка решительно затряс головой:

— Не побоюсь... А вы сами куда?

— За нашими сбегаю, в село. Меня-то не перехватят, я тут свой, все кругом знаю.

Бородач стал торопливо наставлять Гешку. В его обязанности вменялось следить, чтобы пленница не вытолкнула тряпки изо рта или, хуже того, не освободила рук.

Затянув напоследок веревку потуже и пообещав через час вернуться с подмогой, бородач захромал по направлению к селу и быстро скрылся из вида. Гешка, как и подобает настоящему караульному, зашагал возле дерева, ни на секунду не выпуская девушку из поля зрения. Десять шагов

туда, десять шагов обратно. Десять туда, десять обратно...

Очень скоро появился Ленька. В руке палка, сам улыбается смущенно.

— Я тут рядом был. Если бы этот дядька тебя... я бы его — во! — Он угрожающе потряс своей палкой.

— Герой! — Гешка хмыкнул. — Он свой!

— А она? — Ленька не сводил глаз с дерева.

— Шпионка!

Ленька сразу осведомился:

— Крепко привязана?

— Будь здоров!

— Может, допросим ее, а?

— Не подходи! — крикнул Гешка, хотя Ленька и так не подошел бы ни за какие коврижки. — Дядька сказал, я за нее головой перед нашими отвечаю!

Но не прошло и нескольких минут, как он сам стал томиться от одолевавших его вопросов. Интересно, кто она: переодетая княжна или графиня? Интересно, как она: добровольно или заставили? Интересно, лет ей сколько? А звать как?..

Ответить на все эти бесчисленные вопросы могла только она сама. Но для этого нужно было вынуть кляп.

А если, как вынешь кляп, она сразу заорет на весь лес, призывая к себе на помощь?

Ну и что?

Во-первых, вблизи никого нет — это они установили точно.

Во-вторых, можно сразу же заткнуть ей рот.

Хм...

А как думает Ленька?

Ленька, как всегда, боится. Вдруг то. Вдруг это. Вдруг то и это. Но и ему тоже интересно. Еще как интересно!

— Ну, давай. На одну только секундочку вытащим — и все.

— За секунду ничего не спросишь.

— Ну, один только маленький вопросик — и все!

Ладно, там будет видно, один вопросик или два. Важно, что Ленька тоже не прочь участвовать в допросе шпионки.

Они вдвоем подступили к дереву. Гешка одним рывком выхватил тряпку.

— Ну, спрашивай.

— Нет, ты! — Ленька укрывался за его спиной.

Так получилось, что первой заговорила сама девушка.

— Тьфу, щенки колчаковские!

— А? — опешил Гешка.

— Ишь, расфуфырились! — взгляд, которым его смерила девушка, был красноречивее всяких слов. — Ничего-ничего, скоро пошерстят вас всех, толстопузых!

— Кто толстопузый? Я — толстопузый?

Гешка оглядел себя растерянно, увидел вельветовую куртку на молнии и все понял.

— Вот это дает так дает! Думаешь, я капиталист? Слышишь, Ленька, она решила, что я капиталист.

— Заткни ей рот поскорее, — посоветовал Ленька. — Сейчас заорет, вот увидишь. Уже приготовилась!

Но Гешка не стал затыкать ей рта. Забеспокоило другое. Ну не странно ли получается? Она бандитка, шпионка — и обызвает их колчаковскими щенками. Она переодетая графиня или княгиня — и говорит ему: толстопузый.

Что-то тут не так. Что-то не так...

Девушка по-прежнему смотрела на него ненавидящими глазами. Кого же она ненавидит? Колчаковского щенка?

Гешка сообразил. Быстро расстегнул куртку, вытащил концы пионерского галстука.

— Это видишь?

— Красный! — она, обрадовавшись, рванулась вперед. Веревки еще сильнее впились в тело. — Так развязывай, развязывай же поскорей! Воротятся — в контрразведку утянут!

Но не решался еще Гешка ее освободить. Разве тот, рыжебородый, в тряпье босиком, — за белых?

— А он, этот дядька, тоже наш?

— Иуда он! Предатель! Меня в Николаевку от ревкома послали о карателях предупредить, а он тихонько вслед подался и вот тут, в лесу, перехватил. У-у, гад! — она опять рванулась от дерева, но веревки держали крепко. — Ну, развязывай же!

— Сейчас, сейчас...

Правильно! Дядька этот бородатый принял его за богатого белогвардейского сына — то-то он все про одежду да про ботинки.

Гешка обежал дерево, стал распутывать тугие узлы. Подавалось плохо. А тут еще Ленька цеплялся за руки, горячо нашептывал в самое ухо: «Ты сначала подумай, ты сначала подумай хорошенько. Вдруг врет? Пусть партбилет покажет или справку от партизан».

— Да отстань ты! Какая у нее справка! — разозлился Гешка. — Беги к машине, если боишься!

Ленька надулся, запыхтел — он за Гешку беспокоится, ведь не ему, а Гешке головой отвечать, и на него же еще и орут.

Но Гешка не обращал на его пыхтение ни вот столечко внимания, и Леньке не оставалось ничего другого, как тоже приняться за веревку. А то будет потом Гешка кричать на всех перекрестках, что освободил девушку сам, без Ленькиной помощи.

Помогая рукам еще и зубами, ребята наконец распутали все узлы. Девушка, освободившись от веревок, бессильно опустилась к подножию дерева.

— Ох, ноженьки затекли, совсем не держат... — Она потирала ладонями то онемевшие ноги, то руки с глубокими синими следами от врезавшихся в тело веревок. — Ничего, посижу вот так минутку — пройдет.

Гешка присел на корточки, не сводя с нее умиленных глаз. Смотри-ка, живая партизанка гражданской войны! И он с ней рядом!.. Правда, бабушка тоже партизанкой была, но ведь она старенькая, семьдесят скоро. А эта совсем молодая. Ну разве что чуть их с Ленькой постарше...

— А вы бегите, бегите, хлопчики! — вдруг забеспокоилась девушка. — Ведь поймут — уконтрапупят! — Они недоуменно переглянулись. — Ну, убьют!.. Что это вы? — Партизанка переводила взгляд с одного на другого. — Вроде ненашенские какие-то.

Они не знали, что делать. Сказать ей или не сказать?

— Нет, мы нашенские, — осторожно начал Гешка. — Только мы другие нашенские. Из другого времени, понимаешь?

Ленька вставил:

— Из светлого будущего. — Ему показалось, так ей будет понятнее.

— Во-во, — поддержал Гешка, — из социализма. Вы завоевываετε, а у нас уже построили.

Но девушка не понимала:

— Где это уже построили? В Москве, что ли?

— Да нет же, здесь, здесь! В нашем городе, — убеждал Гешка.

— Что мелешь-то? У нас тут и города никакого нет на двести верст вокруг.

— Сейчас нет, а потом стал, понимаешь?

Нет, она так и не могла понять. Больше того, улыбалась недоверчиво, словно Гешка плел невесть какие небылицы. Да он и сам чувствовал, как невероятно должны звучать для нее его слова. Вот подошел бы

к нему на перемене пацан из второго класса и стал бы уверять, что только сейчас прилетел с Марса.

— Лень,— обратился он за помощью к другу.

Но тот стоял, вытянув шею, и настороженно прислушивался к странным, никогда прежде не слышанным звукам, долетавшим со стороны села.

— Что это? — спросил обеспокоенно.

— Палят,— коротко пояснила девушка, не выказав при этом никакого волнения; видно, для нее стрельба была делом привычным, повседневным.

А вот Ленька за всю свою жизнь слышал выстрелы только дважды. Один раз на улице, когда рядом пальнуло так, что он в испуге несся без оглядки два квартала, пока, наконец, не сообразил, что это выстрелил мотор проезжавшей мимо автомашины. Второй раз — в детском тире, куда его однажды в выходной день сводил папа.

Но там, в тире, стреляли из крохотных, почти игрушечных духовых ружей по жестяным зверушкам. Выстрелы звучали не громче щелчка, зверушки смешно опрокидывались, когда в них попадали, и Леньке было совсем не страшно, а, наоборот, очень весело.

Здесь же стреляли из настоящих боевых винтовок по далеко не игрушечным мишеням. И стоит ли после этого удивляться, что у Леньки по спине медленно поползли мурашки.

Скорее, скорее отсюда, опять в свое время! Но как уговорить Гешку? Ведь его теперь от этой девушки-партизанки трактором не оторвешь. Если только захватить ее с собой,— пришла ему в голову спасительная мысль. Тогда и Гешке незачем будет здесь задерживаться.

— Знаешь что,— торопливо предложил

Ленька,— давай полетим с нами. У нас знаешь как хорошо!

— Ага, давай! — сразу подхватил Гешка.— У нас правда очень здорово. Спутники советские над всем миром летают.

Девушка откинула со лба светлую прядь, повторила заворуженно:

— Над всем миром...

Поднялась, разминая ноги, сделала неуверенный шаг, затем другой.

— Так полетели? — Гешка схватил ее за руку.— Мы тебя к нам в школу, пионервожатой, а? В походы вместе ходить будем, песни петь. Ты песни любишь? Вот такая.— Он пропел: — «И снег, и ветер, и звезд ночной полет...» Нравится? Это ведь про вас!

— «И звезд ночной полет...» — негромко и медленно, словно прислушиваясь к себе самой, повторила девушка и почему-то вздохнула.— Красиво!

Гешка стал распоряжаться, словно полет втроем стал уже решенным делом:

— Тебя в середине, сами по бокам. Я справа, Ленька слева. Уместимся все трое!

— Почему это ты справа, а не я? — возразил Ленька, поглядывая на девушку; пусть она не думает, что Гешка здесь солидный командир.

— Потому что там рукоятки управления, понял?

— Хватит вам спорить, ребята, все равно я с вами не полечу.— Девушка прикалывала булавкой порванный подол сарафана.— Нельзя мне.

— Почему?

— Вот это даст так дает!

Ленька расстроился — так все хорошо налаживалось; они бы минут через десять были дома. Гешка — тоже, ничуть не меньше Леньки, хотя совсем по другой причине. Он уже видел, как приводит девушку в школу и представляет директору: «Вот,

Олег Борисович, знаменитая партизанская разведчица гражданской войны. Можно ее к нам пионервожатой?..»

Но он еще не потерял надежду.

— Ты за Советскую власть? — стал убеждать девушку.

— За Советскую... И все равно нельзя, понимаешь? Вот пойду я с вами...

— Не пойдешь, а полетишь, — поправил Гешка. — Глаза зажмуришь — и там!

— Ну, пускай полечу... Я полечу, а тут кто за Советы драться будет?

Гешка хмыкнул:

— Без тебя, что ли, не обойдутся? Подумаешь, один человек.

А Ленька добавил неосторожно:

— Да еще девчонка.

Вот этого уж никак не следовало говорить. Ее тонкие черные брови сдвинулись к переносью.

— Девчонка? — переспросила. — А ну если одной девчонки как раз и не хватит, тогда что? Вот ревком про карателей послал меня сказать. Кто другой вместо меня скажет?

Они молчали. Что тут возразишь?

Девушка посмотрела на их смущенные лица, улыбнулась и произнесла другим тоном, совсем не сердито:

— Да и шутите вы все, думаете, маленькая, не понимаю... За волю — спасибо! — она низко, в пояс, поклонилась. — Если понадобится зачем, спросите Клашу Гляденгоры. Меня тут все знают.

И пошла. Сначала осторожно, небыстро, словно пробуя, крепки ли ноги, потом все быстрее, а затем и вовсе побежала. Между деревьями мелькнул разок другой серый сарафан и пропал.

Гешка задумчиво смотрел в ту сторону, где исчезла девушка. «Видел ее где-то, видел, видел! — назойливо, как неотвязная муха, вертелась мысль. — Видел, точно!»

Но где?

Спросить у Леньки? Засмеет! Ведь Клаша, если не считать рыжебородого предателя, первый человек, которого они встретили в прошлом.

Он все-таки спросил, о другом:

— Как считаешь, почему она с нами не захотела?

Ленька долго не задумывался над ответом:

— Испугалась, вот и не захотела.

— Кто испугалась? Она испугалась?

Гешка смерил его взглядом. — Может, кто-то и испугался — только не она!

— Ну, значит, не поверила, — ушел Ленька от опасного для себя спора.

— А поверила бы — захотела? Слышал, как она: «Вдруг здесь одной девчонки как раз и не хватит?»... Эх, надо было с ней! — только сейчас сообразил он и страшно об этом пожалел. — Пошли бы вместе в деревню, нас бы без слова в партизаны взяли. И мы бы с тобой кого-нибудь из беляков поймать смогли.

Ленька пошемился.

— Ты ж сказал: посмотреть только.

— Правильно! Посмотреть и поймать... Послушай, Ленька, у меня идея! — Глаза у него заблестели.

Ох эти Гешкины идеи! Ленька боялся их как огня. Всегда начинается вот так же: со внезапно заблестевших глаз. А в результате неприятности. Для обоих — потому что Ленька в конце концов обязательно оказывается участником очередной Гешкиной затеи.

Обычно это кончалось выпачканной в сажу одеждой, новой дырой на пальто, сильной простудой, синяком на скуле, при особом невезении — вызовом родителей в школу. А здесь... Ленька и подумать боялся, чем здесь может кончиться, если ему уступить.

Он сделал жалкую попытку отвлечь Гешку от опасных мыслей:

— Смотри, смотри, бабочка! С черепом на крыльях!

Конечно, не удалось. Гешку теперь от его новой идеи не то что бабочка — тигр бы не отвлек.

— У меня идея! — повторил Гешка, и в глазах у него все ярче разгорались огоньки. — Этот тип, этот предатель бородатый, должен ведь сюда вернуться, так?

— Ох! — сразу заволновался Ленька и стал смотреть по сторонам. — Он же придет с подмогой.

— Все равно! Улучим момент — и сдадим. На машину и...

— Ты что! Ты что!.. Знал бы, ни за что с тобой не полетел!

Как всегда, его нытье и на этот раз лишь подстегнуло Гешку.

— А что, плохо его поймать, да? Плохо поймать и в наше время привести, да?

— Зачем, зачем?

— Как зачем? Как это зачем? Привезем, сдадим в милицию. Пусть судят за предательство. А нам еще по ордену дадут. Ну, пусть хоть один на двоих. Тоже ничего! День ты носишь, день я...

У Гешки уже и план готовый был — планы у него обычно созревали мгновенно, в одно время с идеями. Что надо сделать? А вот что. Свернуть веревку, спрятаться — ну хотя бы в той яме с лопухами — и ждать. Придет рыжий дядька с колчаковцами. Увидят: девушки нет, никого нет. Колчаковцы побегут в разные стороны искать партизанку, а дядька останется здесь их ждать; не побежит ведь он вместе с ними, хромой. Вот тут они и навалятся на него, свяжут...

Ленька был в отчаянии:

— Он же здоровый такой!

— Только на вид. А нас двое. И потом, я приемчик новый знаю — сила!..

И тут они оба одновременно слышали ухающие звуки: хо-хлоп, хо-хлоп, хо-хлоп... Словно кто-то выколачивает пыль из развешанного на веревке ковра.

Хо-хлоп, хо-хлоп, хо-хлоп! Ближе, ближе...

Ленька уже собрался задать стрекача — страшнее всего, когда надвигается что-то неизвестное. Но Гешка, вспомнив прошлое лето у дедушки в деревне, схватил свернутую в круг веревку.

— Лошади скачут. Они на конях. В яму, быстро!

Он не успел еще закончить, как Ленька уже исчез в яме — только лопухи зашуршали. Гешка побежал вслед за ним.

Яма оказалась достаточно глубокой. Гешка навалился грудью на край, осторожно раздвинул толстые стебли растений и стал наблюдать.

Из-за поворота дороги, мелькая между деревьями, вынеслись три лошади. На двух — верховые в военной форме. На третьей, привалившись к шее коня, грузно колыхался рыжебородый дядька.

Вот они свернули с дороги.

— Тпру! — осадил лошадь один из военных. — Ну? Здесь или не здесь?

— Должно, тут, — отозвался рыжебородый.

— Слезай! — сердито скомандовал военный и спрыгнул сам со взмыленного коня. — Память у тебя отшибло, что ли?

Повернулся боком, и Гешка увидел на нем знакомые погоны. Одна широкая полоса поперек, другая, поуже, вдоль.

— Наши! — крикнул Гешка обрадованно. — Они его поймали!

— Гешка, Гешка!..

Ленька попытался его удержать, но он не стал слушать, лишь отмахнулся. Мигом выкарабкался из ямы и побежал к военному.

— Товарищ старшина! Товарищ старшина!

Все трое оторопело уставились на него: и старшина, и усатый солдат с мятыми красными погонами, и мешком сползший с коня рыжебородый.

— Здравия желаю, товарищ старшина! — бойко поприветствовал Гешка. — Вы Клашу ищите, да? Клашу с Гляденгоры? Это мы ее освободили.

И скромно потупился, ожидая от него похвалы.

— Что за мальчонка? — рявкнул после паузы старшина. — Тот самый?

— Он, — подтвердил рыжебородый. — Вот гаденыш!

Гешка поднял голову:

— Сам ты гад, предатель!

— Молчать! — снова рявкнул старшина. — Куда она пошла? В какую сторону? Ну?

Он размахнулся. Гешка не успел увернуться, и щеку ожгла здоровенная затрешина.

У Гешки потемнело в глазах. Плюхнулся на землю, отполз, вскочил, хотел было ринуться в сторону. Но — поздно! Жесткая рука крепко-накрепко держала его за воротник куртки.

— Куда она пошла? Куда? — Взбешенный колчаковец потряс Гешку в воздухе; у того заболтались, как у куклы, руки и ноги. — Красный?! — Только сейчас он заметил пионерский галстук. — Ну, погоди же, большевистский щенок!.. Лукич!

Рыжебородый подскочил, забыв про больную ногу, вытянулся подобострастно, руки по швам.

— Держи, дура! Этого проворонишь — не сносить тебе головы!

И, сжав Гешку так, что у того дух перехватило, сунул его, как деревяшку какую-то, рыжебородому.

— Ой-ой-ой! — Гешка взвыл на весь лес от обиды и боли. — Фашисты! Гитлеры!

Долго кричать ему не дали. Рыжебородый взял его за голову, больно нажал на скулы вонючими, пропахшими табаком пальцами и, как Гешка ни отбивался, запихнул в рот валявшуюся тут же, у подножья дерева, тряпку.

— Веревка моя здесь была, — пошарил по земле. — Куда он ее задевал!.. Ладно! — снял с себя широченный ремень, приподнял Гешку, как котенка, и, держа на весу, плотно пристегнул ремнем к стволу. — Повиси, привыкай!..

Дальше все произошло так, как предвидел Гешка. Колчаковцы разъехались в разные стороны искать ускользнувшую от них партизанскую разведчицу. Рыжебородый остался на месте.

Все так — с одной только разницей: пленником был он сам!

Нетрудно было предугадать дальнейшее. Поймают колчаковцы Клашу или не поймают, а уж с ним-то разделяются навсерьез. Помощи ждать неоткуда. Ленька? Что он сделает один, с голыми руками, против этого здорового дядьки, да еще вооруженного теперь не какой-нибудь дубиной — наганом.

Вдалеке защелкали выстрелы. Неужели Клашу засекли?

Рыжебородый тоже прислушался, криво усмехнулся:

— Каюк ей, кажись.

Ремень впился в ребра, давил на живот. Гешка заерзал на стволе, пытаясь достать ногами землю. Рыжебородый подошел, посмотрел.

— Не балуй!

И, упершись в дерево ногой, затянул ремень еще туже. У Гешки сперло дыхание. На лбу выступил пот, глаза сами собой закрылись...

А когда они открылись снова, ремень уже не давил, куда-то исчезла боль. И Гешка несколько не удивился, когда увидел рядом с собой партизанку Клашу. Ведь это было в порядке вещей: они выручили ее, она выручила их.

Удивительнее было другое. Рыжебордый стоял рядом, задрав вверх руки, выпучив свиные глазки. Позади него, тыча в спину его же собственным наганом, стоял партизан. Настоящий живой партизан, с винтовкой, опоясанный пулеметной лентой с патронами, с красной полоской поперек околыша фуражки.

И еще Гешка увидел других партизан. Низко пригибаясь, они перебежали через дорогу и исчезли в кустах на той стороне...

— Ноги держат? — спросила Клаша, чуть улыбаясь.

Он присел, подпрыгнул.

— Вроде держат.

— Ну, беги! — подтолкнула легонько. — Беги-беги, сейчас тут жарко будет.

— А можно, я...

— Нет! — сказала Клаша твердо, и он понял, что, проси не проси, все равно ничего не выйдет. — Ну!

И он побежал.

Откуда-то сбоку из-за деревьев выскочил Ленька, присоединился к нему.

— А я уже петлю на веревке завязал, — горячо убеждал он друга на бегу. — Если бы не партизаны, я бы ему на шею кинул и как потянул бы...

И хотя Гешка прекрасно понимал, что ничего такого Ленька не сумел бы сделать, да и, скорее всего, даже не попытался бы, лежал, наверное, полумертвый от страха на самом дне ямы, все равно ему было приятно. Как хорошо, что он улетел в прошлое не один, а вместе с Ленькой!

Позади затрещали выстрелы, тяжело ухнули разрывы гранат.

— Скорее!

Тут Леньку не надо было ни подгонять, ни упрашивать. Он понесся со всех ног, легко обогнав Гешку. Когда тот подбежал к машине, она уже стояла освобожденная от скрывавших ее веток.

— Скорей! — умолял Ленька. — Скорей! Догонят, поймут! Уконтра... Как она сказала?

— Не уконтрапуют, не паникуй! — Теперь, когда Гешка держал рукоятки машины времени, к нему вернулась обычная самоуверенность. — Не до нас им. Слышишь?

Стрельба в лесу все разгоралась. К беспорядочным винтовочным выстрелам присоединилось мерное татаканье пулемета.

— Вот черт! — Гешка, морщась, пососал ладонь, разодранную до крови в неравной схватке с колчаковцем. — До чего додумались — под наших маскироваться!

— Не маскировались они... Ну, скорей!

— Как это не маскировались? А старшинские погоны? Я же сам видел.

— Скорей, Гешка, не возись так! — простонал Ленька. — Погоны тогда носили белые, а у красных никаких погон не было.

Гешка не поверил:

— Ну да!

— Видел ты у Чапая погоны? Или у Петьки?.. Ой, скорей! — Ленька чуть не плакал.

— Правда! — вспомнил Гешка. — Не было у Чапая погон. Значит, я ошибся, — признал он наконец. — Нет, не стоит в гражданскую. Одна только путаница. Давай лучше в Великую Отечественную без пересадки. Там, по крайней мере, все ясно. Наши так наши, фашисты так фашисты! Поймаем гитлеровского диверсанта — звездочки золотые на грудь. Запросто! А потом домой, поужинаем — и в будущее. С золотыми звездочками нас там знаешь как встретят!

Ленька сидел ни жив ни мертв. Ему

опять послышались те самые звуки: хо-хлоп, хо-хлоп. Он боялся сказать об этом Гешке: вдруг тому снова взбредет в голову ловить колчаковца? Он боялся не сказать об этом Гешке: вдруг враги появятся раньше, чем он успеет повернуть рукоятку машины?

Он не знал, что делать.

Гешка еще разглагольствовал о героических подвигах, когда на поляну вдруг вынесся верховой на взмыленном коне. Тот самый, с погонями старшины. Они увидели друг друга одновременно и замерли на какую-то долю мгновения.

Колчаковец первым пришел в себя. Выхватил саблю из ножен и с диким гиканьем понесся в атаку на странной формы кресло с двумя ребятишками на нем.

— Гитлер капут! Гитлер капут! — успел еще крикнуть Гешка перед тем, как крутануть рукоятку.

Конь заржал и остановился на всем скаку.

Колчаковец, привставший на стременах, не удержался, перелетел через голову коня и на лету треснулся спиной о щербатый пенек.

Вскочил, ругаясь, и обмер. Рука сама собой сотворила крестное знамение, единственное ему известное средство спасения от нечистой силы.

На том месте, где только что стояло кресло, ничего не было.

Совсем ничего.

Ровным счетом ничего!

И все-таки обидно. За Гешку обидно, за Ленку. Верно, ребята?

Неудачно слетали они в свой первый полет на машине времени. И, главное, сами виноваты.

Вот вы, ребята, конечно, сразу разобрались бы, что дядька тот рыжебородый — предатель.

Верно?

Уж вы-то колчаковца этого наверняка сумели бы одолеть. Что тут трудного? Выхватить у него пистолет — раз! Прицелиться — два! Крикнуть «Руки вверх!» — три!

Не так, что ли?

А вот Гешка с Ленкой не смогли. Интересно, почему? Они ведь тоже, как вы, считали, что и разобратся во всем сумеют, и колчаковца пленят...

И все-таки не разобрались, не пленили.

Почему же? Почему?

ЗВЕЗДОЧКИ НА ГРУДЬ

Машина времени — это вам не какой-нибудь скрипучий тихоход. Закрыв глаза, открыл снова — и уже перенесся вперед на многие годы. И лес вроде тот же, и небо

такое же, с теми же белыми барашками-облачками на нем. А пролегло между тем временем и этим лет двадцать, не меньше.

Гешка был в этом убежден. А вот Лен-

ка все еще не верил. Не решаясь сойти с машины времени, пристально вглядывался в тенистую глубину леса: не притаился ли там колчаковец?

— Его и на свете-то нет! — уверял Гешка. — Давным-давно уже капут.

Как ни соблазнительно было бросить Леньку здесь, в кресле, и уйти за золотой звездочкой одному, он все же не решался. Опыт первого путешествия убедительно говорил, что лучше не разлучаться.

— А чем ты можешь доказать? — все еще колебался Ленька.

Еще и доказывай ему!

— Вот, смотри: здесь были кусты. А теперь что?

В самом деле, машина времени стояла в густой тени высоких многолетних деревьев...

Уговорил он все-таки Леньку, сполз тот с машины.

А когда они вдвоем, прячась за стволами деревьев, осторожно подошли к продвинувшейся за эти годы в сторону холмов опушке леса, то окончательно убедились: да, машина времени действует безотказно.

Бывшая деревня неузнаваемо разрослась во все стороны. Деревня? Да никакой деревни уже не было. Вместо нее стоял город. Не такой еще, конечно, большой, каким его знали ребята, но уже знакомый.

Пускали в небо клубы бугристого дыма высоченные трубы химкомбината — когда Гешка был маленький, он думал, что на комбинате из дыма делают тучи и облака...

По железнодорожному мосту с ажурными переплетениями пролетов, сосредоточенно пыхтя, тащился непривычно маленький паровозик, сам невзрачный, закопченный, зато с большими ярко-красными колесами...

А вот...

— Школа! — запрыгал Гешка в восторге. — Наша школа!

Белое здание школы, еще не совсем достроенное, без крыши, стояло недалеко, за холмом. Со всех сторон к будущей школе вплотную подступали поля, и лишь с одной, там, где пролегал пыльный большак, выстроились длинные ряды деревянных барачков, похожих отсюда на караван судов в зеленом море.

А где же та дорога, по которой скакал из деревни колчаковец? Вместо нее была железнодорожная насыпь. На ней поблескивали новенькие, еще не успевшие потускнеть рельсы.

Пока ребята стояли так и весело переговаривались, узнавая дома и целые улицы, через насыпь, чуть позади них, перебрался худощавый паренек в железнодорожном кителе, слишком длинном, слишком просторном, слишком широком в плечах. Лишь рукава в самый раз — потому что подвернуты.

Пареньку было от силы пятнадцать. Ну, самое большое — шестнадцать, хотя взгляд у него был совсем по-взрослому серьезен и сосредоточен.

Ленька заметил его первым и, конечно, не смог удержаться от своего привычного «ой!»

Восклицание было не сказать чтобы очень громким. Гешка, привычный к Ленькиным ойканьям, и не поморщился. А вот паренек даже вздрогнул:

— Ох, друг, всех ворон распугал!

Несколько секунд они молча изучали друг друга. Паренек спросил первым:

— Из школы?

— Д-да, — ответил Ленька чистой правду: разве они не школьники?

— Что ж олаздываете? Сказано: в два. Гешка спросил:

— А теперь сколько?

Паренек посмотрел... Нет, не на часы.

Он посмотрел на солнце, прикрыв ладонью глаза.

— Да уж на пятый перевалило. Придется наверстывать.

— А вы...— Гешка посмотрел на его китель не по размеру, на дедовские сапоги и поправился:— А ты кто?

— Не видишь? Путеец, железнодорожник.

— Вот это дает так дает!— Гешка смеялся парнишку взглядом.— Слышишь, Ленька, путеец он!

— Путеец!— подтвердил паренек.

— Ври больше! Тебе сколько лет?— Гешка стал напротив него, уперев руки в бока, насмешливо улыбаясь.

Паренек сдвинул брови:

— Ты что, с луны свалился? Война ведь! Батя на фронте фашистов бьет. А я на его месте, как положено.

Неожиданно он стал расстегивать китель, снял, аккуратно сложил, поместил на камень, предварительно сдув с него пыль. Гешка недоумевал. С чего это он вдруг раздеться надумал?

— Что стоите?— Паренек повернулся к друзьям.— Пора начинать.

— А ч-что делать?— робко осведомился Ленька.

— Как? Не знаете? Вы что, впервые?.. Тогда ясно! Давайте знакомиться.— Паренек подал руку одному, другому, представился совсем пс-взрослому:— Андреем меня зовите.

— Гешка...

— Леонид Мохов.— Ленька отвесил вежливый поклон.— Очень приятно!

— Откуда в наши края?

— Из Москвы,— не задумываясь, ответил Гешка.

И не угадал!

— Как?— удивился Андрей.— Разве из Москвы еще эвакуируют?

— Ну... Уже больше нет,— стал крутиться Гешка.— Мы последние,— ловко вывернулся он.— Знаешь, как долго ехали. Сегодня вот только прибыли.

«Это он удачно придумал!»— сразу оценил Ленька. Раз они явились сюда, в этот город, в эту школу лишь сегодня, то с полным правом, не вызывая никаких подозрений, могут не знать того, что уже знают давно живущие здесь.

— Отцы, небось, тоже на фронте?

Гешка и Ленька дружно закивали головами: на фронте, на фронте, само собой, где же еще!

— А матери работают?

Опять молча, но энергично подтвердили: работают, работают, само собой!

— Хлебнули, да?

Андрей смотрел на них с сочувствием, и им сделалось не по себе: парень-то, видать, хороший, а вот приходится волей-неволей обманывать.

— Обстановочка такая: ваш пионерский отряд помощи фронту вот уже месяц помогает нам, путейцам...— Тут Андрей приосанился, посмотрел на Гешку строго и повторил:— Помогает нам, путейцам, приводить в порядок дорожное хозяйство.

У Гешки вырвалось:

— Красотища! Целый месяц не учиться!

Андрей вроде и не слышал:

— Трудновато—факт! Пять часов за партой, потом сюда из города топать, потом отсюда. Да еще домашние задания.

— Ого!— опять не сдержался Гешка.

— Но все ваши ребята молодцами, молодцами!— похвалил Андрей.— И вы тоже не подкачаете, верно?— поощряюще улыбнулся и хлопнул Леньку по плечу.— Как же— москвичи!

Ленька, не отвечая, уставился на дерево, словно разглядел потрясающую букашку на слоистой коре...

Работа предстояла, на первый взгляд, не трудная. Вдоль насыпи, в равных промежутках друг от друга, навалены груды шпал — их набросали сюда с платформ. Надо было перенести шпалы на другую сторону насыпи и сложить ровными штабелями.

Гешка храбро взялся за первую шпалу, намереваясь самостоятельно перетащить ее через рельсы. Но едва приподнял, как шпала, словно живая, рванулась из рук и гулко ухнула на землю.

— Тяжелая какая!

— А ты думал — в одиночку? — рассмеялся Андрей. — Я за один конец, вы вдвоем — за другой! Ну — взяли! — скомандовал он.

Так было полегче, хотя тоже не сахар. Андрей и здоровее и сноровистее, да и привык к такой работе. Он без видимого труда поднимал свой конец шпалы. А вот Гешку и Леньке пришлось попытаться. Тяжелая шпала капризничала, вывертывалась, заносила в сторону то Гешку, то Леньку и все порывила стукнуть их по коленкам, когда они перешагивали через рельсы.

Оба быстро вспотели, дыхание стало прерывистым, руки красными, в черных полосах и пятнах смолы.

Андрей не торопился, даже нарочно тянул шаг, когда направлялись за очередной шпалой через насыпь.

Сложили один штабель, перешли к другому. И тут Андрей спросил:

— Вы как шли сюда? Через переезд?

— Нет, через лес, — Гешка решил держаться поближе к правде.

— Тетку там не встретили с винтовкой?

Сердце у Гешки радостно трепыхнулось. Вот! Вот!

— С винтовкой?

— Здоровая такая, в сапогах.

— Нет, не встретили. — А сам шепотом Леньке: — Слышал? Диверсантка!

На разговор и на работу одновременно сил не хватало. Концы шпалы чиркнули по насыпи.

— Выше, выше поднимайте! — прикрикнул Андрей. — Эх, москвичи! Притомились? Может, перскур?

Ленька бы рад, да вот Гешка упрямится, не хочет перед Андреем выглядеть слабаком. Стиснул зубы:

— Рано...

Еще один штабель сложили. По дороге к следующему Андрей спросил:

— Сводку Совинформбюро слушали?

— Нет, не успели, — заторопился с ответом Гешка. — Как там, на фронте? Белых еще не прогнали?

Белых!.. У Леньки сразу руки вспотели, главным образом от негодования. Ну и, конечно, немножечко из опасения быть разоблаченными.

— Он ш-шутит! — А Гешку стукнул в бок и прошипел: — Кол бы тебе за это! Все перепутал: Отчественную и гражданскую!

— Не до шуток. — У Андрея было озабоченное лицо. — Рвется фронт к Волге.

— Да ты не бойся! — успокоил его Гешка. — Наши там их остановят. Обязательно. А потом как нажмут — будут гнать до самого Берлина.

— Это-то я знаю... — вздохнул Андрей.

Гешка поразился:

— Знаешь? Откуда?

Но Андрей лишь усмехнулся:

— А ты откуда? Оттуда и я.

— Я совсем другое дело. Я в школе учил. «Разгром гитлеровской Германии. Знамя победы над рейхстагом». Вот!

— Ну и мастер ты заливать! Про будущую победу в школе учил — ведь придумать надо!

Андрей смеялся, а Гешку злило, что он ему не верит.

— Учил! — доказывал он в запале. — Еще в прошлом году. Ленька, скажи!

И опять заработал кулаком в бок.

Шпала грохнулась на землю, подняв столб пыли.

— Перекур! — скомандовал Андрей и, подавая ребятам пример, сел первым на край насыпи. — Значит, говорите, тетку не видели? Здоровущая такая? — Приподнялся, посмотрел на дорогу, петлявшую из леса.

Гешка прилег на траву рядом с Ленькой так, что его губы оказались на уровне Ленькиного уха. Прошептал неслышно: «Видал, как волнуется?»

Полежал немного, прикидывая, как бы самим, без посторонней помощи, с диверсанткой этой разделаться. Потом спросил Андрея, все еще высматривавшего что-то на дороге:

— Много тут у вас фашистов?

— Чего, чего? — повернулся к нему тот.

— Ну этих... шпионов, взрывальщиков всяких.

— Диверсантов?.. Ха-ха! Полно!

Гешка обрадовался:

— Правда?

— Где же им еще быть, как не в четырех тысячах километров от фронта? Самое для них золотое место.

— И много ты поймал?

— Как тебе сказать! — Андрей сохранял полную серьезность. — Штук... ну, я не знаю...

Гешка не отставал:

— Пять? Больше?

— Гешка! — упрекнул Ленька. — Это же военная тайна!

— Ну и забавные же вы ребята, москвичи! — рассмеялся Андрей. — Вроде с неба свалились.

«А мы и в самом деле...» — подумал Гешка и только собрался начать подробные

расспросы насчет наград, какие тут за поимку диверсантов полагаются, как Андрей с криком: «Догоняйте!» вскочил и понесся, преследуемый ребятами, назад, к камню, на котором лежал его китель. Добежал, вытащил из кармана завернутый в привядший лопух ломтик черного хлеба.

— Что уставились? Черняшки не видели? Закусывайте тоже.

— А у нас... ничего, — развел руками Гешка.

— Не выдержали? С утра всю пайку умяли?

Пайка... Гешка не совсем понял. Сообразил только, что так, наверное, во время войны хлеб назывался.

— Нет, утром я без хлеба. стакан сливок и яичницу с жареной колбасой.

Ленька добавил:

— А я кусок вчерашней курицы. Я ее холодную очень обожаю.

У Андрея вытянулось лицо, словно они напели ему целую кучу невероятных, невозможных вещей. Сначала он поразился — что за чудеса? Потом нахмурился — врут, ясное дело! И наконец расплылся в улыбке — разыгрывают его!

— Ну, фантазеры!.. А я получу хлеб по карточке — делю на три раза. Утром, в обед и вечером по ломтику. А то голодно очень, спасу нет терпеть до утра. Ем и тоже мечтаю, вот как вы: это яичко, это сало, а вот это колбаса; вы поменьше меня, наверное, уже вкус колбасы позабыли, а я еще помню. Потом хлеб водой запью, чем не молочко? — Он отломил кусочек черняшки, смеясь, отправил в рот. — А вот это курочка. Мягонькая, вкусенькая.

Ребята следили за Андреем голодными глазами. Он заметил, сразу перестал смеяться.

— Слушайте, а вы ведь здорово есть хотите, верно?

Гешка и Ленька дружно сглотнули слюну и так же дружно ответили категорическим «Нет!».

— Понятно!

Вытащил из-за голенища самодельный нож, разрезал оставшийся ломтик хлеба на три равные дольки. Приказал Гешке:

— Отвернись!.. — Указал ножом на ломтик.— Кому?

— Тебе.

— А это?

— Тоже.

— Брось! — рассердился Андрей.— Говори — тебе или Леньке?

Гешка спорить не стал:

— Пусть будет Леньке.

— Другое дело! А то ломается тут еще. Разбирайте свои пайки. Живо!.. Берите, берите, кому я говорю? Потом когда-нибудь разбогатеете — отдадите.

Гешка моментально сжевал свою долю. Странное дело! Черный испропеченный хлеб показался ему вкуснее пирожного.

— Какая пайка едкая! — Гешка тщательно собрал с куртки прилипшие крошки.— Ешь, ешь, и все хочется. Вот вернусь домой, сразу набью живот по горло.

— А дома есть? — спросил Андрей.

— О, дома сколько хочешь! А не будет — в булочную сбегая.

И опять удивился: Андрей не поверил, рассмеялся, как хорошей шутке.

Ленька тем временем пошарил у себя по карманам — не заваялась ли где конфета? И верно, нашлась! Да еще какая: его любимая — «Мишка». Хотел развернуть и съесть. Но тут заметил, что Андрей смотрит на конфету с благоговением, почти как на чудо.

— Бери! Да бери же!

Ленька почти насильно пихнул конфету Андрею в руку. Тот рассмотрел этикетку, понюхал, покачал головой.

— Смотри, какое еще богатство бывает на свете.

Но есть не стал. Вытащил платок, бережно завернул в него конфету. Пояснил:

— Тут девчонка у нас одна, ей отдам. Руки зимой обморозила на строительстве запасных путей, до сих пор еще болят...

Андрей откинулся на траву, заложил руки под голову. И моментально уснул, как обычно засыпают смертельно уставшие люди.

— Знаешь, что, — сказал Ленька тихо, — давай завтра ему и хлеба притащим, и колбасы.

— И мороженого, — добавил Гешка.— В кружку, и льда в нее натолкать — тогда не растает.

— Конфет еще. «Мишек», «Трюфель»...

Андрей проснулся так же внезапно, как и заснул. Спросил, протирая глаза:

— Не появлялась?

— Тетка? С винтовкой? — сообразил Гешка.— Нет, не появлялась. Ты поспи еще, мы покараулим.

— Только разморишься.— Андрей рывком поднялся на ноги. Прошелся, сделал несколько быстрых движений, прогоняя остатки сна.— Не спать так не спать, спать так спать. Лечь и... лет этак на тридцать. Интересно, — он мечтательно огляделся, — интересно, как здесь все тогда будет?

Разве мог Гешка выдержать — ведь он-то знал! Вскочил, замахал руками возбужденно.

— Через тридцать лет? Это я тебе точно скажу.

И пошел, и пошел, не обращая внимания на отчаянные Ленькины знаки.

— Смотри! — Помчался на всех парах к дереву в стороне от насыпи.— Что я сейчас сделал?

— Поляну перебежал.— Андрей следил за ним веселыми глазами.

— А вот и нет! — торжествовал Гешка. — Не поляну никакую, а Московский проспект. Ну, тот, который у вас там, внизу, начинается. А бежал потому, что здесь нет перехода. Машины, мотоциклы, автобусы, троллейбусы. Милиционер, как увидит, сразу свистеть... А теперь?

Гешка подошел к раздвоенной сосне, поклонился, забормотал неслышно. Потом повернулся, держа в руке что-то воображаемое.

— Это я мороженое купил, — пояснил. — Здесь, в кафе «Улыбка», самое лучшее. — Он пошел усердно лизать несуществующее мороженое. — А теперь загляну-ка я во Дворец пионеров. Близко, совсем рядом — метров пятьдесят.

Сунув руки в карманы брюк, Гешка большими шагами отмерил приблизительное расстояние и остановился перед муравейником.

— Вот здесь. Ох и дворец! Белый весь, с колоннами. — Задрал голову. — Вон сидит ворона на ветке, видишь? Там наш авиамодельный кружок. Половинка окна разбитая — это Витька Синицын из нашего класса. У него мяч такой прыгучий, сколько окон поразбивал — ужас!..

Бедный Ленька весь извелся, пытаясь заткнуть этот внезапно прорвавшийся фонтан. Но как заткнуть, если увлекшийся Гешка на него даже не смотрит. Ленька и знаки ему подавал, и ногой пытался стукнуть незаметно.

Ноль внимания! Бежит Гешка вприпрыжку вдоль будущей улицы — будущий троллейбус изображает. Рисует пальцем кружки на сосне — про будущий светофор на углу рассказывает.

А Андрей? Ленька, трепеща от волнения, оглянулся.

Нет, ничего. Слушает с интересом, да еще и улыбается.

А Гешка заливается себе соловьем. Конечно, это ему не в школе урок отвечать!

— Вот тут, где я стою, наш дом. Пять этажей из крупноблочных панелей. А на втором этаже, вон там примерно, где сук сломанный, — наша квартира. Двадцать седьмой номер. Как откроешь дверь, сразу телик видать, от самого порога. И бабушка сидит...

— Телик? — переспросил Андрей.

Гешка искренне удивился, совсем позабыв про разницу во времени.

— Не знаешь? Ну, телевизор... У нас «Рубин». Хороший, на комнатную антенну принимает. И все-все видно. Москву по «Орбите», Будапешт, Прагу, Варшаву — все, что хочешь!

Андрей хлопнул его по спине:

— «Катись, катись, яблочко, по золотому блюдечку...» Эту сказку и я знаю.

— Не веришь? Ленька, возьмем его с собой на машине времени?

Тот в ужасе схватился за голову. Но катастрофы не последовало.

— Ладно! — Андрей опять стал серьезным. — Хоть и мастер ты на фантазии, а все же делу время, потехе час. Все! За работу! Поели, пошутили, отдохнули. Теперь без меня справитесь.

— У-у! — недовольно протянул Гешка. — Нам одним, без тебя, через насыпь не перетащить.

— И не надо. Дальше шпалы на месте лежат, только сложить в штабели. Но, смотрите, не тяп-ляп. А то переделывать заставлю.

— А ты сам куда?

Андрей показал рукой вправо, туда, где железнодорожный путь, поворачивая, терялся в лесу.

— К переезду ненадолго сбегаяю, к дяде Коле. Просил ближе к вечеру прийти подсобить.

Он направился по пути, широко переставляя ноги. Крикнул:

— Если тетка эта появится — сразу за мной на переезд. Понятно?

— Так точно! — Гешка отдал честь повоенному и, мобилизовав весь свой книжный багаж, блеснул фронтовой поговоркой: — Порядок в танковых войсках!

Андрей ушел, ребята стали складывать шпалы. Дело продвигалось довольно вяло. То ли шпалы попались особо тяжелые, то ли что....

Первым выбросил белый флаг Гешка.

— Я думал — подвиги. А тут работа да работа. Одна только надежда — диверсанта поймать.

«Очень надо! Еще стрелять будет», — подумал Ленька. А вслух сказал:

— Где сго взять, если нет?

Голос печальный-печальный. Как будто он несказанно жалеет о том, что не найти им диверсанта.

— Где? — оживился Гешка. — А тот, замаскированный под тетку?

«И правда, еще откуда-нибудь выскочит!» — поежился Ленька.

— А, хватит!

Гешка бросил свой конец шпалы. Сел, спустив ноги в канаву, а спиной прислонившись к недосложенному штабелю.

— Так он же сказал... — Ленька стоял в нерешительности.

— Мало что! Молод еще нами командовать!

Ленька не заставил себя долго упрашивать, уселся рядом.

Легкий ветерок приятно холодит вспотевший лоб. Заходящее солнышко верхушки сосен золотит. Хорошо!.. А если Андрей придет? Подумаешь, великое дело! Скажут, что устали, присели на секунду.

— Сколько ему лет, как ты думаешь? — Гешку немного беспокоили мысли об Анд-

рее. — Шестнадцать есть? А нам одиннадцать! Это только сейчас так заметно: одиннадцать, шестнадцать. А потом, когда ему сто будет, а нам девяносто пять — почти никакой разницы, верно?

— Слушай, Гешка, хватит уже. — Ленька озабоченно смотрел в сторону леса, туда, где была упрятана машина времени. — Сколько можно? Еще сочинение писать.

— Завтра успеешь! — отрезал Гешка. — Без диверсанта — никуда!

— Ну и лови сам!

— Ну и словлю!..

Пока они спорили, из лесу вышла немолодая уже женщина в сапогах и направилась в их сторону. В руке она держала тяжелый ящик с инструментами. На спине, перехватывая широким ремнем ватную телогрейку, дулом вниз висела старенькая винтовка.

Ребята не заметили женщину, но и она их тоже не увидела — заслонял штабель, за которым они устроились. Тем более, что женщина не поднимала глаз от рельсов, что-то напряженно разглядывая на пути и то и дело трогая рельсы ногой.

Недалеко от штабеля она остановилась. Пробормотала про себя: «Здесь, кажись». Сняла винтовку, прислонила к шпалам. Порылась в ящике с инструментами, вытащила молоток. Стукнула легонько по рельсе. Разок, другой...

Ребята услышали звяканье.

— Зачем камни на рельсы швырять? — спросил с неодобрением Ленька. — Пойдет поезд, как отлетит прямо нам в голову...

— Я бросаю?! — поразился Гешка.

— А то кто?..

Гешка выглянул из-за шпал. Увидел женщину, склонившуюся над рельсом с гаечным ключом в руке, моментально отпрянул.

— Ленька...

Тот побледнел, почуяв неладное по Гешкиному тону.

— Только не кричать! — торопливо предупредил Гешка. — Убьет!

— Ой! — чуть слышно выдохнул Ленька. Глаза у него сразу стали круглыми.

Шпалы в штабеле лежали не вплотную, между ними оставались щели. Гешка, переползая на коленках от одной такой щели к другой, стал наблюдать за женщиной. Сначала он никак не мог разглядеть, что она делает там, на рельсах. А когда понял, пришел в ужас:

— Гайки свинчивает!

— Ой! — Ленька прикрыл рот ладонью.

— Крушение устроить хочет!

— Бежим! — тотчас же предложил Ленька. — С насыпи кубарем — и в лес.

— А поезд пусть под откос, да? — Гешка не отрывался от щели.

Ленька с ходу перестроился:

— Так мы ж не просто так, мы ж за ним, за Андреем. Он ведь говорил. Ну!

Гешка повернулся к Леньке и показал ему кулак.

— Только попробуй! Сами! — глаза его горели. — Куда она винтовку дела? — Опять прильнул к щели. — А, вот тут, совсем рядом, у штабеля!.. Ленька, заползай справа, надо только руку протянуть.

— Умник! С-сам заползай!

Нельзя было драгоценные секунды тратить на споры. Женщина уже открутила гайки, вот-вот повернется.

Гешка уловил момент, когда она, выбивая топориком болт, стала к штабелю спиной, и ловко, как обезьянка, вскарабкался на верхний ряд шпал. Схватил винтовку за дуло и сполз со штабеля, волоча ее за собой.

Несколько секунд — и вот он уже снова за штабелем, рядом с Ленькой. Теперь не так страшно: винтовка-то у него!

Посмотрел в щель. Диверсантка ничего не заметила, увлеклась своим гнусным делом.

Ну, погоди же!

Ленька тоже приободрился.

— Красотища! — шепчет. — И я бы так мог, но все-таки красотища! — И осторожно поглаживает холодный ствол винтовки.

— За мной! — шепотом скомандовал Гешка и вылез из-за укрытия.

Солнце совсем уже низко. На путь легли длинные тени деревьев. Пересекли рельсы и лежат неподвижно. И лишь одна тень мечется беспокойно, то укорачиваясь, то удлиняясь вновь. Диверсантка спешит, диверсантка торопится. Скоро поезд.

Гешка вскинул винтовку:

— Хенде хох!

Она обернулась, разинула рот.

— Хенде хох! — заорал Гешка с визгом. — Я стрелять! Айн, цвай, драй!

Диверсантка медленно, словно раздумывая, потянула вверх руки.

— Лежать! Лежать! — Вот сейчас Гешка нажмет спусковой крючок.

Легла. Всклинула. Нет, миленькая, никого ты не разжалобишь! Раньше надо было думать, когда тебя в агенты фашистские вербовали.

Тут и Ленька храбро появился из-за укрытия, придвинулся мелкими шажками к поверженной диверсантке.

— Связать? — спросил у Гешки.

— А веревка?

— В ящике у нее, я видел.

Он нашел веревку, свернутую в клубок, посмотрел на Гешку нерешительно.

— Вяжи — не бойся! Пусть только шевельнется, я ей прямо в голову — трах!

Ленька быстро связал диверсантке руки, обмотал веревкой сапоги и, смеясь с каждой секундой, прикрикнул для чего-то:

— Шнель! Шнель!

Что по-немецки значит: «Быстро! Быстро!»

И тут к ней вернулся дар речи. Как завопит на весь лес:

— Ленка! Ленка-а!

— Швайген! — Гешка угрожающе шевельнул дулом винтовки. — На помощь зовут — тут их целая банда.

— А мы ей сейчас кляпом рот!

Вместо кляпа Ленка пустил в ход остаток веревки — ничего более подходящего не нашлось.

Женщина что-то мычала и мотала головой.

— Не нравится? — Гешка присел рядом с ней на корточки. — Скоро еще хуже будет. Капут, аллес капут, понятно?

— Как думаешь, она понимает? — Ленка тоже нагнулся над женщиной.

— А то нет! Ферштеен? Шпрехен зи дойч?.. Видишь, видишь, как задергалась. Все понимает, гад!

— Дай я теперь покараулю, — совсем расхрабрился Ленка.

Но все же принял винтовку из Гешкиных рук с некоторой опаской: как они, винтовки эти, — сами никогда не стреляют?

— Ну, Ленка, считай, звездочки у нас в кармане. — У Гешки голос вибрировал от счастья. — Приходим в школу, снимаем пальто в раздевалке, а на груди золото блестит. «Что это у вас, мальчики?» — «Да так, звездочки, Мария Эмильевна!» — «Господи, так это же...» — «Да, да, Мария Эмильевна!»

Выпятив грудь, Гешка важно прошелся вдоль рельсов. Ему виделись картины одна другой отраднее. Вот он является домой — что тут будет!.. Вот встречает на улице Шлепу... Вот идет на фильм «до шестнадцати» — кто посмеет не пустить Героя Советского Союза!

Глядя на него, размечтался и Ленка. И оба они совсем забыли на время о своей пленнице. А той только это и нужно было. Распутала незаметно веревку, высвободила руки.

Остальное было уже делом несложным. Не вставая, повернулась осторожно к мечтательно улыбавшемуся Ленке, схватила за ногу, рванула к себе. Он свалился с отчаянным визгом — и винтовка оказалась у нее.

— Руки вверх!

Все моментально преобразилось. Теперь уже женщина стояла, расставив ноги, целясь попеременно то в Ленку, то в Гешку, а ребята, испуганные и растерянные, старательно тянули к небу руки, словно выполняли какое-то гимнастическое упражнение.

— Ишь, гаденыши, что надумали!

Из леса, усиленный эхом, послышался голос:

— Мама! Ау!

— Сюда, сюда, Ленка! — крикнула женщина, не спуская глаз с ребят.

По шпалам неслась вприпрыжку девочка лет двенадцати. У нее были перебинтованы кисти рук.

Ребята слышали, как стучат ее башмачки, но повернуться и посмотреть не смели — неподвижное дуло винтовки целилось прямо в них.

— Что случилось, мам?

— Да вот... набросились... связали... — У женщины прерывалось дыхание, ей было трудно говорить. — На! — передала дочке винтовку. — Не спускай с них глаз... Вот-вот шестичасовой подойдет.

Женщина заторопилась к рельсу, стала быстро орудовать гаечным ключом.

Гешка во все глаза смотрел на девочку. Сведя брови, та старательно метила ему в грудь. Платочек съехал с головы, волосы

рассыпались по плечам. Светлые, с рыжеватым оттенком...

Рыжая кошка?!

— Катька! — завопил Гешка не своим голосом и сделал шаг по направлению к ней. — Ты?!

Забинтованный и потому казавшийся непомерно толстым палец шевельнулся, чуть надавив спусковой крючок. Гешка замер на месте, поняв, что это не пустая угроза.

— Как... как ты здесь очутилась? — он не мог прийти в себя от изумления. — Вот погоди, Катька, я маме скажу!

И тут она заговорила:

— Ты что, головой о шпалу стукнулся? Какая я тебе Катька?

Голос совсем другой. Не такой писклявый, как у сестренки, уверенный, твердый! Но похожа как! Как похожа!

Заговорил Ленька:

— Н-не Катька! — Он тоже сначала принял девочку за Гешкину младшую сестру. — Старше.

— Ага! И прическа другая... Слушай, девочка, — начал Гешка заискивающе, — я тебе сейчас все объясню...

— Не шевелись! И помалкивай!

На их счастье со стороны переезда появился Андрей. Самое время! Вышел из-за поворота, услышал возбужденные голоса, увидел ребят с задранными руками, девочку, целившуюся в них, и закричал на ходу:

— Эй, эй, обожди! — Подбежал, тяжело дыша. — Что тут у вас, тетя Клаша?

Женщина разогнулась, смахнула пот со лба.

— Да вот, поймала каких-то. Надо отвести куда следует, пусть разберутся.

— А что они сделали?

— Я тут накладку лопнувшую заменить хотела, а они хватъ винтовку и — «Хенде хох!»... Ой, скорей помогай! — спохватилась она. — Вот-вот шестичасовой тут будет.

— Пусти! — Андрей взял винтовку у девочки. — Пусти, говорят, еще выстрелишь ненароком... Фантазеры они — и ничего больше. Увидели, тетя Клаша болт откручивает, и решили: диверсантка! Так я говорю?

— Так, так! — поспешно подтвердили Гешка и Ленька, с облегчением опуская затекшие руки.

Гешка, покусывая губы, избегал смотреть Андрею в глаза. А хихикающую Ленку он вообще старался не замечать, словно ее и не существовало. Что за ехидная девочка — ну точь-в-точь Катька!

— Что стоите, что стоите без дела! — Андрей уже возился на рельсах рядом с тетей Клашей. — Тащите сюда болты новые — там они, в ящике.

Искупая вину, Гешка с Ленькой кинулись искать болты. Отталкивали друг друга, суетились без всякого толку.

Вдалеке послышался гудок паровоза, а затем и далекий перестук колес. Тетя Клаша заметалась по насыпи.

— Батюшки! Шестичасовой! Что делать-то?

Андрей сорвал с шеи Лены красный галстук:

— Давай навстречу, останови!

Размахивая галстуком, как флажком, Лена побежала к повороту, крича на ходу: «Стой! Стой!»

Гешка наконец разыскал два болта в куче металлических предметов. Подал тете Клаше, все еще не смея поднять на нее глаза.

— Налупить вас, чтобы знали! — проворчала она, принимая болт и ставя на место. — Поезд пропустим, покажу вам «Хенде хох!».

Перестук колес приблизился. Но теперь он уже не сыпался часто, как горох, а стал четким и редким. А затем и прекратился вовсе.

— Молодчина, Ленка, остановила!

Андрей с силой приналег на ключ, за-
винчивая последнюю гайку.

— Вот и все! Бегите, ребята, скажите,
что путь свободен... Ребята!.. Где же они,
тетя Клаша? Ведь только что и тот и дру-
гой здесь были!

Но и тетя Клаша не знала, лишь недо-
уменно пожала плечами.

— Как сквозь землю...

А в это время Гешка и Ленка вихрем
неслись по лесу, только ветки трещали.

Скорее, скорее отсюда!

Скорей к спасительной машине времени!

Что я могу вам, ребята, сказать по этому конфузному
поводу?

Какая из всего этого вытекает мораль?

А вот какая...

Нет, не скажу!

Сами должны догадаться. Не маленькие!

А ТЕМ ВРЕМЕНЕМ...

Пока Гешка с Ленкой носились на сво-
ей чудесной машине, то в гражданскую
войну, то в Отечественную, на чердаке, в
доме и городе медленно, но верно текло
самое обыкновенное, привычное, неизмен-
ное время.

На кухонном столе в Гешкиной кварти-
ре размеренно тикал будильник, отсчитывая
секунды. Секунды складывались в минуты,
минуты в часы...

У входной двери раздался длинный зво-
нок. Бабушка отложила в сторону вязание,
шлепая старыми тапками, заторопилась по
длинному коридору.

— Иду, Гешенька, иду!

Но это был не Гешка, а его одноклас-
ник Витька Синицын. В повседневном оби-
ходе для простоты и удобства его называли
просто Синицей. В руках он держал ветхий,
потерявший цвет и форму, латаный-перелат-
танный футбольный мяч.

— Гешка дома? — Быстрые сметливые
глаза стрельнули мимо бабушки вдоль ко-
ридора.

— Мы сегодня с тобой, вроде, еще не ви-
делись. — Бабушка поправила очки.

— Ой, здравствуйте! — Он шмыгнул носом. —
Я забыл!

— Как Гешенька может быть дома, ес-
ли он у тебя?

— Не-е! — Витька Синица затряс голо-
вой, рассыпая вихры. — Нет его у нас.

— И не приходил?

— Не-е! Обещал, но не пришел. Из-за
него тренировка срывается.

— Футбол твой? — Бабушка неодобри-
тельно смотрела на мяч. — Опять стекла
бить?

— Не-е!

— «Не-е», «не-е»... А кто, интересно, у
нас в то лето окно высадил?

Опустив голову, он водил ногой по по-
рогу.

— Я его в Шлепины ворота, а он как
отскочит.

— Ох, все бы эти мячи да на помойку!..
Ну иди уж, иди! Гешеньку увидишь, скажи,
чтобы домой шел.

Витька Синица обрадованно рванул к лестнице. По ступеням ударила каблучная дробь. «До свидания!» — донеслось снизу.

Бабушка закрыла дверь и снова отправилась на кухню довязывать воротник будущего Гешкиного свитера — он просил, чтобы до самого подборodka.

— Сколько же времени? Ого, шестой час!

Бабушка забеспокоилась. Где Гешенька? Где внучок? Почему не идет?

Посмотрела через окно на двор.

Нет!

Выглянула на балкон, окинула улицу своим орлиным, всевидящим взором.

И здесь нет!

Где же он может быть?

Бабушка заразила своим беспокойством маму. Ведь Гешка еще даже за уроки не сел, безобразник!

Обе они двинулись на поиски. Обшарили двор, заглянули за сарай. В погреб спустились. К Леньке, лучшему Гешкиному другу, мама сбегала. Нет, не заходил Гешка. Леня ведь в школу, на сборе пионерских активистов.

Мама вздохнула украдкой. У других дети как дети. В активистах ходят. А Гешка... И снова вздохнула.

Разделились, пошли по соседским дворам — мама по одной стороне улицы, бабушка — по другой.

Примерно в это же время, хорошо отдохнув после утомительного школьного дня, из дому, звучно хлопнув дверью, в превосходнейшем настроении вышел Шлепа. Он еще точно не знал, чем заняться. Мяч погонять с малышкой и опять наколотить им сорок три — ноль, как вчера? В сыщики-разбойники поиграть, тоже с малышкой? Отправиться шастать по улицам в поисках приключений — опять же во главе малышки

Так и стоял в приятном раздумье. Руки глубоко засунуты в карманы брюк. Напевавал гнусаво себе под нос:

Жемчуга тебе в косы бы вплел,
Пусть завидуют люди...

Увидел девочку. Зажав в одной руке сетку, в другой деньги, она торопилась в гастроном. Шлепа свистнул пронзительно.

— Эй, девочка-припевочка, чулок обронула!.. Нет, не с этой ноги, с той!.. Да нет же, не с той — с этой, мелюзга бестолковая — хо-хо-хо!

Вот тут-то и увидела его Гешкина мама. Она обегала все ближние дворы — и без всяких результатов.

— Слушай, Шлепин, Гешу не видел?

— Видел... Во сне. — Он хмыкнул. — Это я пошутил. А что?

— Ушел давно — и нет.

У мамы был озабоченный вид.

— Может, сбежал? — И тут же, вспомнив, сам забеспокоился. — А кто тогда мне чемодан вернет?

Мама не поняла:

— Какой еще чемодан?

— Который ваш Гешка у меня спер! — выпалил Шлепа. — Такой чемоданчик — м-м-м! Только что из магазина подарков. Ручка из капрона. Кожа из нейлона, вся в пупырышках, как у крокодила... Не верите? Честное шлепинское!..

Только мама ушла в новый поиск — появилась бабушка. И тоже напрямиком к Шлепе; он все еще стоял посреди двора в трудном раздумье.

— Шлепа, а Шлепа! Гешеньку нашего не видел?

Шлепа обиженно поджал губы:

— Па-апрашу!.. Кому Шлепа, а кому Шлепин!

Бабушка недоуменно посмотрела на него.

— А какая разница?

— Разница такая, что там «а», а тут «ин».

Хоть Шлепа и старался говорить солидным грубым голосом, но сквозь его ломкий бас то и дело прорывались визгливые петушиные нотки.

— Так видел или не видел?

— Если бы видел, он бы от меня целым не ушел.

И тут же пожалел о сказанном. Бабушка взялась его честить на виду у всего двора.

— Что за моду взял привязываться к маленьким? Верзила такой! Жених! В каждом классе по два года! И что из тебя только выйдет?

На счастье Шлепы с улицы снова возвратилась Гешкина мама. Увидела бабушку.

— Ну, как?—заторопилась к ней.

— Нет нигде... Да ты не расстраивайся, Леноч. Сидит у кого-нибудь из своих друзей, играет.

— Или под трамвай попал,—злорадно бросил Шлепа, зайдя на всякий случай за мусорный ящик—там он чувствовал себя в безопасности.

— Типун тебе на язык!—Бабушка сплюнула в сердцах.

А вот мама расстроилась. Представила себе Гешку под трамваем, под автомобилем, под мотоциклом...

— У тебя монета двухкопеечная есть? Пойду позвоню в скорую помощь?

— Да слушай ты больше этого олуха!—Бабушка погрозила кулаком в сторону мусорного ящика.—Говорю тебе—заигрался, и все тут.

— Нет, я пойду.

Но, не успев сделать и двух шагов, уставилась удивленно на дверь третьего подъезда.

Удивилась не одна мама. Туда, как по команде, повернули головы все, кто был во дворе.

Из третьего подъезда выбиралось поразительное существо. Ноги и полголовы с горящими от возбуждения глазами у существа были явно человеческие. Больше того, глаза, нос с веснушками и рыжая косичка с голубым бантом напоминали Катьку, и очень даже здорово. Зато все остальное, прямоугольное и массивное, было удивительно похоже на большой дорожный чемодан.

Странное существо пролезло с трудом через дверь и двинулось по двору. Но сделав два-три шага, запнулось, с грохотом повалилось на асфальт и сразу же разделилось на свои составные части. Чемодан остался лежать посреди двора, а Катька, проворно выбравшись из него, запрыгала, заскакала:

— Ага! Испугались! Испугались! А я только что с Марса! Привет вам всем от марсовиков и марсовичек!

— Катька!—кинулась к ней мама.—Что это значит?

— Космический сфакандр,—авторитетно пояснила Катька, указывая на чемодан.—Его надевают и летают.

Бабушка всплеснула руками:

— Батюшки!

А мама забросала Катьку вопросами:

— Кто летает? Куда летает?..

Материнская интуиция безошибочно подсказывала ей, что все это—и Катькино неожиданное появление, и «сфакандр», и космические полеты—каким-то образом связано с исчезновением Гешки.

Из-за мусорного ящика с воплем выскочил обрадованный Шлепа:

— Чемодан! Мой чемодан нашелся!

Радость его тут же испарилась, когда он поднял чемодан с земли.

— Дырки какие! — И без того маленькое лицо Шлены обиженно сморщилось, собралось в кулачок. — Все кишки наружу!

Вокруг чемодана уже собралась надкая до проществий малышня. Началось детальное изучение зиявших со всех сторон круглых дыр, знатоки повели жаркие споры о том, чем они все-таки сделаны: ножом, стамеской или же лобзиком выпилены.

Отведя Катьку в сторону, мама в присутствии бабушки учинила подробный допрос:

— Где нашла?

— На чердаке.

— Как вошла?

— Через дверь.

— Там же закрыто.

— Ну и что? Я подсмотрела, как Гешка открывал, и открыла тоже.

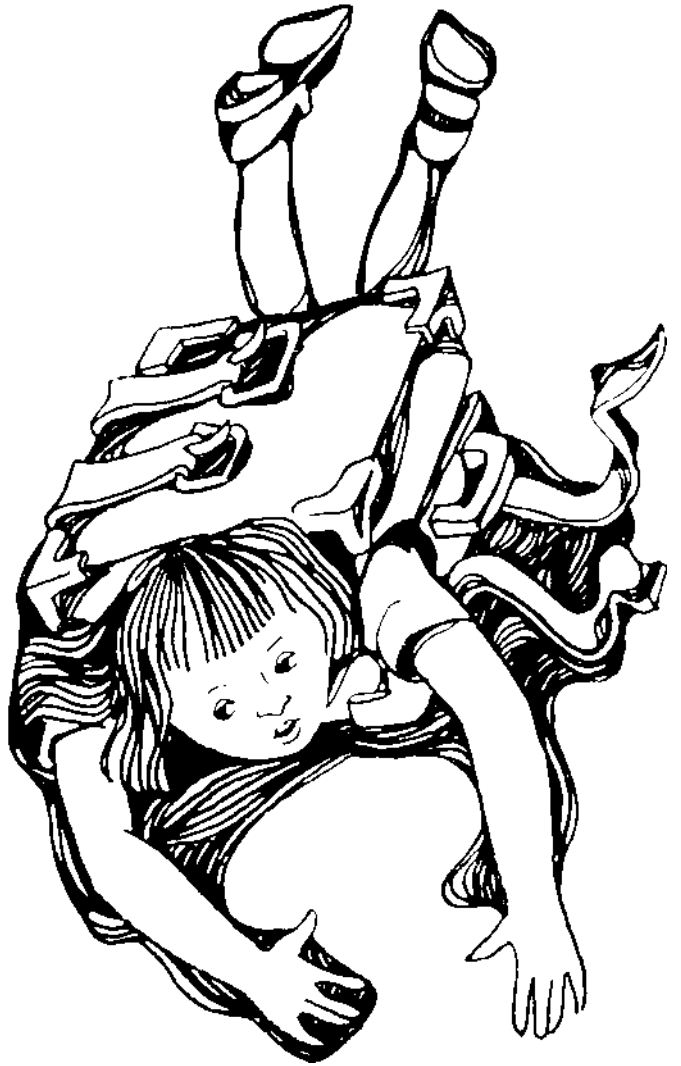
— Значит, Гешенька там, на чердаке? — Бабушка облегченно вздохнула. — Что я тебе говорила, Ленок?

Вот что выяснилось в ходе дальнейших расспросов. Не поверив Гешкиным сообщениям, Катька, расставшись с ним, лишь сделала вид, что бежит домой. На самом деле она, как только за Гешкой захлопнулась дверь третьего подъезда, вернулась и потихоньку прокралась вслед за ним на чердак.

Она видела все. И как зажглись электрические лампочки в углу под досками, и как Гешка надевал свой космический костюм. А потом мальчишки убежали куда-то на другой конец чердака. Она не стала больше прятаться и примерила поочередно и бидон, и трубу, и даже аквариум.

А чемодан, самое главное, без чего нельзя полететь ни на Луну, ни на Марс, она никак не могла застегнуть. Вот и вытащила на улицу, чтобы помочь...

Не дослушав ее сбивчивый рассказ, мама быстро спросила:

— Гешка с Ленкой и теперь еще там?
— Не знаю. Сначала у них было громко-громко, а потом стало тихо-тихо... Мамочка, пусть Гешка возьмет меня с собой в космос. Скажи ему, ну, пожалуйста, ну, скажи!

— Скажу! — Мама стряхнула с Катьки чердачную пыль. — Я ему так скажу!.. Пойдем, покажешь, как чердак открывать.

И, взяв Катьку за руку, направилась с ней к подъезду.

— погоди, Ленок, — засуетилась бабушка, — и я с вами.

Она знала, что ее дорогой внучок Гешенька через несколько минут будет нуждаться в бабушкином заступничестве больше, чем, может быть, когда бы то ни было прежде.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Как приятно после долгого и опасного путешествия по зыбкому прошлому вновь оказаться на своем чердаке, таком привычном и знакомом!

Ленька соскочил с машины времени первый; ему не терпелось ощутить под ногами надежную почву современности. Гешка, блаженно улыбаясь, остался сидеть в кресле.

— Чего разулыбался? — спросил Ленька.

— Они там, в лесу, нас, наверное, только теперь хватились.

Ленька сказал озабоченно:

— Там хватились, и здесь тоже хватились. Поздно уже. Баня будет!

Не хотелось Гешке думать о таких неприятных вещах. Будет так будет, зачем заранее себе настроение портить?

— Здорово, правда! — Он весь еще находился во власти путешествия в прошлое. — Здесь мама с папой ищут, там — Андрей с Леной. И ни здесь, ни там найти не могут — ха-ха!.. А знаешь, Андрей ведь твою конфету для Ленки той припрятал. Точно!

— Ну и что особенного? Может, нравится ему.

— Рыжая — ха-ха!

— Подумаешь, беда! Вон у тебя Катька тоже рыжая, и все равно симпатичная... Бы-

ла бы, — торопливо поправился Ленька, — если бы так не вредничала. И потом, это ведь проходит. Помнишь, твоя мама рассказывала, что тоже рыжей была? А теперь вот каштановая.

Гешка пояснил:

— Ну, положим, это она — чтобы Катька не расстраивалась. Она даже говорила, что папа ее такой же рыжей полюбил, совсем еще девчонкой...

Он хотел добавить: «Такой, как Ленка», но неожиданно осксся. На ум пришла нелепая мысль. Вернее, она сначала показалась ему нелепой, а потом, когда он вдумался хорошенько...

— Слушай! — Гешка так стремительно сорвался с сиденья машины, что Ленька шахрахнулся в испуге. — Мою маму ведь тоже Леной звать! А папу Андреем... Нет, ты понимаешь, что это значит!

— Ой!.. Не может быть!

— Точно! — доказывал Гешка с жаром. — Папа тоже в войну на железной дороге работал. Ему даже орден дали. Нет, ты скажи, такому пацану! И мама, точно, руки обморозила, до сих пор еще, как мороз — болят.

Вот теперь Ленька поверил окончательно и развеселился.

— Мама твоя, мама! — смеялся он. — Ты се с Катькой спутал. Совсем малышка, вот потеха!

— Потеха, да? — обиделся Гешка за маму. — А как она нас: «Не шевелись!»? А как ты испугался? Тоже потеха?

— А ты так не испугался? «Слушай, девочка...» — довольно похоже передразнил он.

Ребята стали хохотать, тыча друг в друга пальцами. Уж очень смешно было сознавать, что каких-нибудь десять минут назад они видели Гешкину маму совсем еще девочкой. Да и папа там, в прошлом, был не намного старше.

— А бабушка твоя! — пришло на ум Леньке. — Ее ведь Клавдией Семеновной звать.

— И ту... партизанку... Клашей!.. Ленька! — заорал Гешка на весь чердак. — Теперь я знаю, на кого Клаша похожа. Мы же бабушку выручили! Бабушку! Ты смотри, какая бедовая, — вот у нее еще откуда.

— А как она потом с нами расправилась? Меня за ноги — раз! Винтовку к себе — два! И «руки вверх» — три!

Ленька, борясь сам с собой, изображал в лицах, как все было. Получалось, что он оказал бешеное сопротивление.

Гешка переменялся в лице.

— Как?! Эта тетка — тоже моя бабушка?

— А чья еще! Как ее Лена... как ее твоя мама звала — ну-ка, вспомни!

Мама — вот как она ее звала! Значит, бабушка — точно!.. Ну, тогда ему лучше домой не показываться. «Швайген»... «Капут»... Что еще там было?

— Знаешь что, я лучше к тебе ночевать пойду. — Объяснил: — Всяких там слов ей наговорили. Да еще и связали! — Гешка безнадежно махнул рукой.

Но Ленька не разделял его опасений:

— Помнит она очень!

— Ты что! И часу не прошло.

— Тридцать лет! — напомнил Ленька, улыбаясь. — Даже еще больше.

Гешка обрадовался.

— Ух ты, я совсем забыл! Эх, машинка, ну машинка! — Он ласково провел рукой по гнутой ручке кресла. — Знаешь что, давай сейчас по домам, — предложил Гешка. — А то я есть хочу — погибаю. А завтра после школы — полный вперед, в будущее! Нет, представляешь, что там нам будет? Всего полно, все бесплатно, бери сколько хочешь! — размечтался Гешка. — И любая работа — не работа, а сплошное удовольствие. Я так, например, в астронавты определюсь. А не понравится — в ученые по солнечной энергии перейду. Тоже неплохо: загорай себе на солнышке да ищи пятна. Как нашел, так тебе премия или орден... А ты?

— Думаешь, меня пустят? — Ленька почему-то погрустнел.

— А мы и не спросим. Просто прилетим — и все.

— Нет, я не о том. Из дому меня не пустят. Сегодняшнее просто так с рук не сойдет.

Да, Леньку дома держали в строгости. Если мама узнает, что он был не в школе на сборе активистов, а шатался бог знает где, никуда ему целую неделю не ходить, лишь прогуливать по двору огромного бесхвостого пса Аполлона с тупой бегемотовой мордой. А сестренка Симка будет бежать сзади и дразниться: «Собачья нянька! Собачья нянька!»

— Скажешь маме — у меня именины, тогда обязательно пустят, — осенило Гешку. — А я своим скажу — у тебя! Еще и деньги на подарки дадут. Ловко?.. Да и вообще, не мешает кое-что прихватить в дорогу, — объявил он, очень довольный, что додумался до этого прежде Леньки. — Я так, напри-

мер, плавки возьму — вдруг там вечное лето?

— А я тетрадку возьму, дневник...

Гешка сразу обеспокоился:

— Дневник зачем?

— А если оценки спросят?

— Нет, нет! — Гешка энергично замотала головой. — Я дневник не возьму.

— Еще бы! — Ленька улыбался ехидно. — Такой дневник, как у тебя...

— И ты не бери! — Гешка смотрел на него строго. — Это не по дружбе.

«Еще возьмет и улетит без меня с утра пораньше, — с опаской подумал Ленька. — Машина-то у кого на чердаке: у него или у меня?» Сказал:

— Ага, напугался! Ладно, дневник не возьму, не бойся. Одну только тетрадку с сочинением: «Как мы будем жить при коммунизме». Послезавтра сдавать — сверить надо.

Они поспорили еще немного о том, что брать, а чего не брать в завтрашнее путешествие. Потом вылезли через дыру в стене на чердачный простор и, перешагивая через балки, двинулись к пульта управления — надо было еще перед уходом оттащить за дымоход чемодан с деталями космического снаряжения.

Первым пропажу обнаружил Гешка.

— Скафандра нет! — он ползал на коленках, обшаривая пол. — Нет, и все. Шлепная работа — точно! Ну, я ему дам! Так дам!

Тем временем Ленька обнаружил на полу что-то белое и плоское.

— Смотри!

Он держал в руке куколку, вырезанную из картона.

Гешка схватился за голову:

— Попухли, Ленька! Прорыв фронта! Катька здесь шарила — ее кукла. Она нас видела, рыжая кошка! И скафандр тоже

она уволокла. Домой, наверное... Ну, будет тепер! — Помолчал немного. Потом сказал: — Послушай, Лень...

Ленька понял все по одному-единственному взгляду, брошенному Гешкой в сторону машины времени.

— Нет! Нет!

— Тогда я один.

— Нет!

Повторялась та же картина, что и перед полетом в прошлое. Ленька нестепленно выкрикивал «Нет! Нет!», а сам уже знал, что да, да!

Знал это и Гешка.

— Да ты что, говорить разучился? — спросил довольно равнодушно, больше по привычке, чем действительно убеждая. — Все нет да нет!

Ленька стал готовить отступление:

— Они и так волнуются.

— А мы им вот что — записочку... Сейчас сбегая вниз и напишу.

— Если только записочку, — вздохнул Ленька, сдаваясь окончательно. — А тебя не поймают?

Теперь ему уже захотелось лететь, и он онять начал беспокоиться, что полет может сорваться.

— Меня?!

Гешка самодовольно усмехнулся. Его поймают! Как могла Леньке прийти такая нелепая мысль!?

Страхи обступили Леньку со всех сторон, как обычно, когда ему приводилось оставаться один на один с таинственными тенями, загадочными шорохами и скрипами на огромном пустом чердаке. Но он крепился, даже напевал себе под нос что-то бодренькое, скашивая то налево, то направо настороженные глаза.

Он заставлял себя думать только о приятном, хорошем, веселом. Но в голову помимо его желаний вползали непрощенные

мыслишки. А может, правда, здесь воры скрываются, на чердаке?.. А пожар тут внезапно возникнуть не может?..

Поблизости раздалось мяуканье, такое знакомое, такое домашнее и родное. Ленька обрадовался. Позвал:

— Кис-кис-кис...

Никто не откликнулся. Он полез под скат крыши.

— Куда ты забилась, киска? Еще и не выберешься оттуда.

И остался лежать там, у балки, не смея ни обратиться лицом к двери, ни даже подтянуть к себе неловко подвернутую руку.

На чердак вошло сразу несколько человек.

— Гешка! Гешка! — Ленька узнал голос Гешкиной мамы. — Где они играли?

— Вон там, — пропищал тоненький Каткин голосок.

— Ишь, куда забрались!

Это сказала бабушка.

Леньке было слышно, как они негромко посоветовались у входа. Потом под водительством Катки двинулись мимо него к пульту управления. Он притиснулся к балке, затаил дыхание, зажмурил глаза...

Фу, пронесло!.. Но ведь им еще предстоит обратный путь.

Все обошлось. Они вернулись к двери другой стороной, далеко обойдя Ленькино укрытие.

Напоследок мама еще раз крикнула в темноту чердака:

— Гешка!.. — Она выждала несколько секунд. — Если только ты здесь, то знай: домой я тебя не пушу. Либо ты сейчас же выйдешь к нам, либо оставайся жить на чердаке.

А бабушка торопливо добавила просительным голосом:

— Выйди, Гешенька, не надо от нас прятаться. Ничего тебе не будет, внучочек.

Я на тебя нисколько не сержусь, мама тоже. Ведь правда, Лена?

Гешкина мама многозначительно молчала, и Ленька в своем укрытии тут же подумал, что на Гешкином месте он бы не вышел ни за какие коврижки.

— Вот видишь, Гешенька, — поспешно прокомментировала бабушка затянувшуюся паузу. — Молчание — знак согласия... Ну?

Она, чтобы лучше слышать, приложила к уху руку, сложенную раковиной. Но чердак по-прежнему безмолвствовал.

— Нет его здесь, — убежденно сказала бабушка. — Был бы — давно бы уже вышел. Наверное, домой убежал.

И они ушли.

Ленька, опасаясь засады, полежал еще некоторое время не шевелясь. Все было тихо. Выполз из-под ската и рванул на рекордной скорости к выходу, уже не думая ни о каком полете в будущее и желая только одного: скорее выбраться на вольный воздух из этого темного, душного, густо нашпигованного ползучим страхом чердака!

С Гешкой он столкнулся возле самой двери.

— Ой! Они тебя там не поймали? Я так боялся.

— Меня?! — Гешка ухмыльнулся, в голосе снова зазвучало самодовольство. — Да я их засек, когда они еще только в подъезд входили. Ну и спрятался во дворе. Я за тебя боялся — думал, зацапают здесь, на чердаке.

— Меня?! — У Леньки на лице появилась точно такая же самодовольная ухмылочка. — Знаешь, как я здорово там, возле балки, замаскировался. Лежу себе и хихикаю — просто смех!

Гешка похвалил:

— Молодчага... Так значит, летим? Мы с тобой.

— А записка?

— Написал. А Витька Синица под нашу дверь подсунет — я его попросил, он мяч во дворе гоняет. «Махнули ненадолго в космос. Прощвырнемся до Гончих Собак и обратно». Здрóво?

— До каких еще собак? — не понял Ленька.

— Ну как же, созвездие такое на небе. Знать надо!

— Гончих Псов, а не собак! Ну, ты и придумал!

Гешка чуть сконфузился.

— Какая разница! Те гавкают, и эти тоже. — Уселся в кресле поудобнее, уверенно взялся за левую рукоятку. — Давай, а то еще опять нагрянут...

Минуту спустя чудесная машина времени, никем из современников не замеченная, снова стартовала с чердака.

Гешка с Ленькой неслись навстречу новым приключениям — теперь уже в будущем.

ЧТО БЫЛО ЗАВТРА

Можно ли заглянуть в будущее?

Можно! Разумеется, можно!

Все зависит от силы воображения.

Если воображение достаточно сильное, то ровно ничего не составляет раздвинуть завесу, отделяющую нас не только от ближайшего, но и от отдаленного будущего.

Ну, а если воображения нет, тогда...

Тогда не только будущего не увидеть, но и в настоящем многое можно проглядеть. Есть ведь такие люди, которые, уткнувшись взглядом себе под нос, ничего не знают о том, что происходит в мире.

Итак, разожжем поярче костер нашей фантазии — и смело вперед, в будущее, за Гешкой и Ленькой!

Представьте себе обыкновенную жилую комнату в стиле еще не наступившего будущего времени.

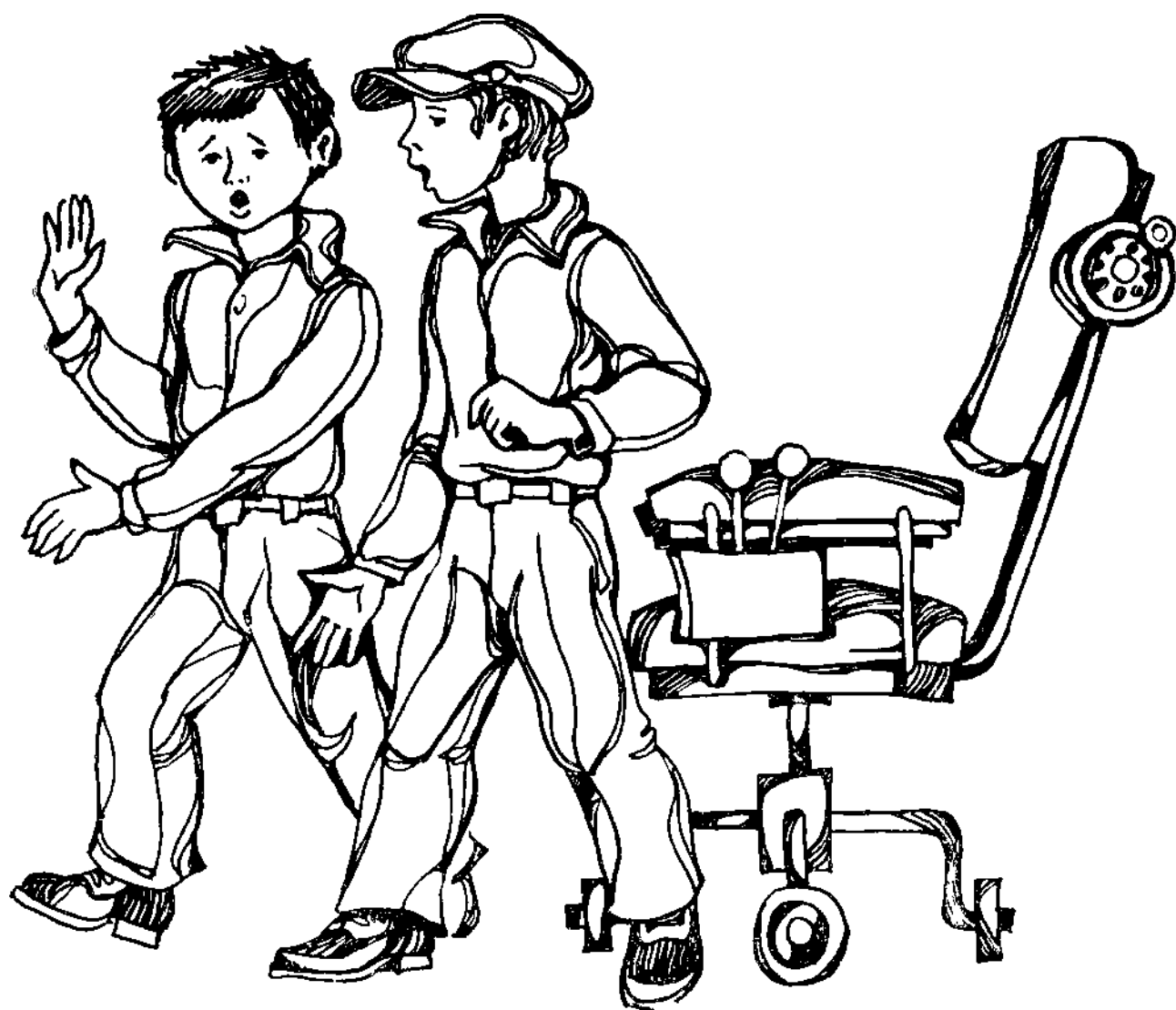
Вполне обычное, на всю стену, натро-кремне-боро-и-еще-какое-то-там невидимое окно.

За натро-кремне-боро-и-еще-каким-то-там окном обычная улица того, будущего, времени. Самые обыкновенные, сотни раз описанные фантастами, ленты тротуаров, движущиеся с разными скоростями. Кто очень торопится, может встать на крайнюю ленту со стороны домов — эта движется намного быстрее. Кто не сильно спешит, пользуется средней. Ну, а кому торопиться вообще некуда, предпочтет третью дорожку,

ближе к проезжей части — она продвигается со скоростью пешехода.

Дома из пластической строительной массы с посадочными площадками для личных вертолетов на крыше тоже ничем не примечательны для привычного глаза обитателей будущего: красные, зеленые, синие, голубые, будто составленные из разноцветных кубиков. Впрочем, в последнее время все больше входят в моду строения в горошек, в крапинку, в мелкий цветочек.

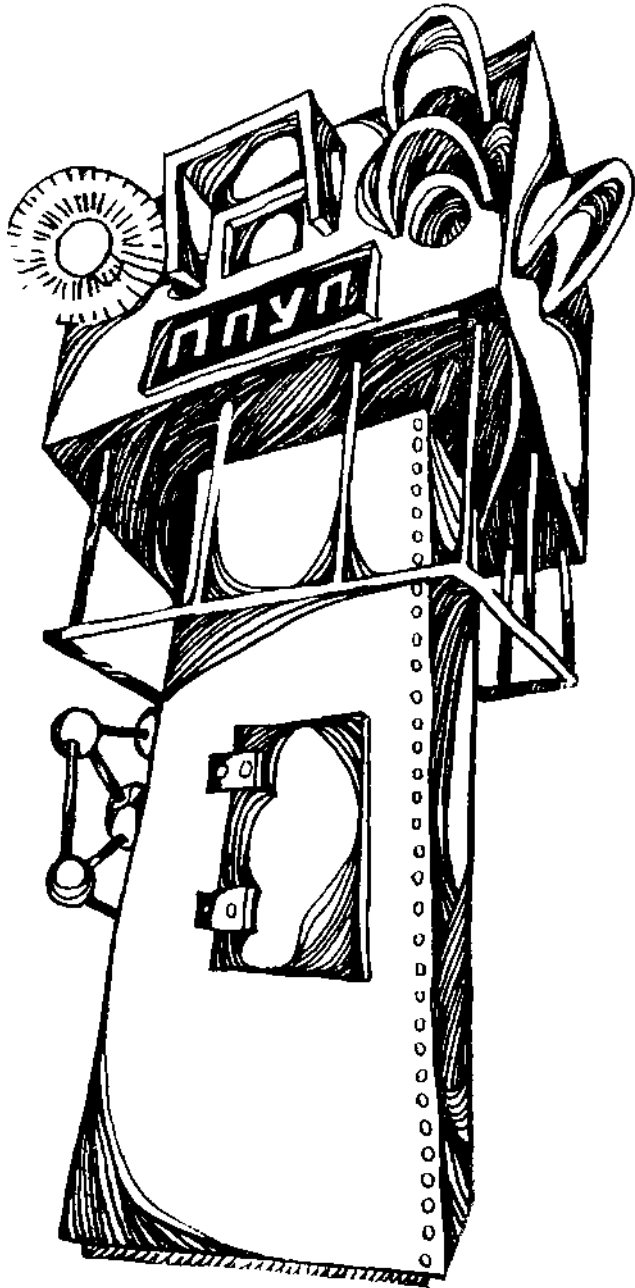
В самой комнате не видно ни стен, ни дверей; ее можно называть комнатой лишь условно. Точнее говоря, стены есть, но не прямые и ровные, как у нас, а из сгущенного воздуха. Только попробуй, не умея,

пройти сквозь этот воздух. Живо шишку на лбу набьешь!

В комнате совершенно пусто, человеку не из этого времени просто не понять, на чем тут сидят и сидят ли вообще — ни стула, ни даже обыкновенной кухонной табуретки!

Один-единственный предмет висит посреди пустой комнаты. Форма у него довольно странная: похож на высокий узкий шкаф, еще более сужающийся кверху. Но где-то возле потолка шкаф вновь расширяется и образует нечто вроде головы с несколькими круглыми отверстиями.

Что это такое?
Для чего оно?
И почему оно поставлено посреди комнаты?

Представляете, сколько вопросов возникло сразу у Гешки и Леньки, когда они, понав в комнату прямо со своего чердака, оказались лицом к лицу с этим чудом-юдом будущего времени!

— Шкаф с головой! — усмехнулся Гешка, критически разглядывая непонятное сооружение.

— Может, он живой? — Ленька на всякий случай держался поближе к машине времени. — Может, люди такими стали?

— А где тогда руки, ноги?.. Нет, что-то не верится.

Гешка обошел непонятный шкаф, храбро тронул рукой гладкую полированную поверхность.

— Ха — железо! Самый обыкновенный металлолом.

— Может... — начал Ленька, но дальше ничего сказать не успел.

Металлический шкаф ожил. В отверстиях на голове заходили зеленые огоньки.

— Здравствуйте! — раздался совершенно отчетливый голос.

Ребята дружно шарахнулись в угол комнаты. Ленька вспомнил про марсиан, покоровивших землю на своих треножных машинах, и с ужасом ждал, что вот сейчас у шкафа откроется какая-нибудь потасная дверка и из нее к ним протянутся гофрированные щупальца.

Но ничего страшного не произошло. Шкаф лишь поздоровался снова, подтверждая таким образом, что никаких агрессивных намерений у него нет.

— Здорово! — Гешка осмелел настолько, что сделал несколько осторожных шагов по направлению к шкафу. — Ты кто такой?

— Я — пуп,— важно ответил шкаф, запнувшись слегка на первом «п».

— Вот это дает так дает! — воскликнул Гешка.— Чтобы самому себя пупом назвать?!

Шкаф повторил голосом, полным достоинства:

— Я пуп Земли. Повторяю по буквам. Петр, Пестр, Ульяна, Петр. Переносный пульт управления планеты. Сокращенно — ППУП.— Сделал паузу и заговорил снова, так же ровно и спокойно.— Внимание, внимание, чрезвычайное происшествие. В мировой центр мороженого поступил именной заказ на двести пятьдесят порций от десятилетнего мальчика.

ППУП назвал незнакомый город и непривычно длинную фамилию.

Ребят поразило число порций.

— Ого! Ничего себе! — выкрикнул Ленька из угла.— Двести пятьдесят!

— Вот это дает так дает! — поддержал Гешка.— Десять я бы еще съел. С перерывом на обед.

— А может, он спрячет в холодильник и умнет помаленьку? — пришло в голову Леньке.

Почему? Какая нужда?

Этому могло быть только одно объяснение, и Гешка, особый любитель мороженого, сразу забеспокоился:

— У них здесь, наверное, перебои с мороженым.

Шкафообразный ППУП заговорил снова, подмигивая огоньками:

— Жду решения.

— Чьего? — спросил Ленька.

— Моего? — Гешка не сомневался, что ППУП обращается именно к нему.

Но тот сказал:

— Жду решения старшего.

Ленька с торжеством посмотрел на Гешку:

— Я тебя постарше.

Это была чистая правда, и Гешка никак не мог ее оспорить. Лишь проворчал, подавляя обиду:

— Подумасшь, на два месяца.

— Жду решения старшего,— повторил ППУП.

Ленька стал колебаться.

— Не давать... Нет, пожалуй, дать... Нет, не давать!

Что он говорит!

Гешка подскочил к Леньке, зашипел: — Дать, лопух, дать! А то потом попросим, нам самим не дадут.

— Дать ему, дать! — заторопился Ленька.— Все двести пятьдесят порций отдай!

Гешка добавил:

— Пусть наворачивает на здоровье.

И облизнулся.

Остался ли ППУП доволен таким решением? Это неизвестно. На нем попеременно замигали красные и зеленые огоньки.

— Будет исполнено.— Голос звучал неуверенно.— На случай, если это все-таки вспышка алчности, посылаю автоматическую санитарную команду. О результатах доложу.

— Давай, брат, давай! — Гешка панибратски шлепнул ППУПа по хромированному брюху.

Веселые огоньки на ППУПе погасли и он опять стоял грузный, молчаливый и неподвижный, как самый обыкновенный не-обыкновенной формы шкаф.

Гешка удовлетворенно потер руки.

— Вот так! — радостно подтолкнул Леньку плечом.— Мороженое бесплатно, сколько хочешь. В самую точку попали!

Ленька озабоченно задумался:

— Интересно, как у них тут с «Мишкой»? И с «Трюфелями»?

Ему ответил незнакомый монотонный голос:

— Мишика... Мишута... Михаил... живет... в... соседнем... доме... Трюфели... растут... в... земле... за... городом.

Перед ребятами стоял невысокого роста мальчуган лет десяти — никто из них не заметил, как он проник в комнату. Мальчуган передвигался чуть деревянно, почти не отрывая от пола ступней. На голове у него была красивая вышитая шапочка, наподобие тубетейки. Из нее торчали два членистых металлических усика, очень похожих на усики комнатной телевизионной антенны.

— Здравствуйте... Дома... одна... Катя... Мальчик делал в речи ровные короткие паузы, будто он не очень твердо знал русский язык и каждый раз подыскивал нужное для продолжения разговора слово.

Ребята нисколько не испугались, даже Ленька. Какой-то пацан — есть кого пугаться! Антенна на голове? Ну и что ж! Шлепа однажды пронес на голове через весь двор, к мусорному ящику, целое ведро с помоями.

К тому же пацана можно обо всем спросить: как тут у них и прочее.

Гешка сразу приступил к делу:

— Послушай, мальчик...

— Я... не... мальчик.

Не мальчик? А почему так одет? Впрочем, мало ли бывают какие моды!

— Ну, девочка...

— Я... не... девочка.

Не мальчик? Не девочка? Как тогда с ним... с ней... с этим разговаривать?

— А кто ты?

— Я... Борик, — гласил ответ.

— Значит, все-таки мальчик! — Гешка начинал злиться. — Что ж ты мне голову морочишь?

Но тот опять завел свое:

— Я... не... мальчик... Я... не... девочка... Я... биопластический... опытный... робот... Сокращенно... Бор... Ласкательно... Борик.

— Т-ты не человек? — Гешка тарасил на него глаза.

— Я... не... человек... Я... механизм.

Все это Борик сообщал спокойно, без тени смущения, разглядывая Гешку и Леньку любопытными доброжелательными глазами.

— Врешь! — Гешке никак не верилось, что перед ним не человек, а робот. — Ты же не железный.

А Ленька спросил робко:

— Можно потрогать?

Борик согласно кивнул, и он с опаской, кончиками пальцев прикоснулся к руке робота. Кожа была мягкой и теплой.

— Ни за что от человека не отличить! — Ленька отдернул руку.

— Сходство... чисто... внешнее, — словоохотливо подтвердил Борик. Ему, очевидно, очень нравилось быть в центре внимания. — Благодаря... применению... биологической... пластмассы... Если... вас... интересует... моя... химическая... формула...

— Нет, нет-нет! — Гешка быстро замахал руками, точно отгоняя рой назойливых мух. — Так что, у тебя, выходит, здесь... — Он покрутил пальцем возле лба. — Здесь ничего? Пусто?

Борик виновато заморгал.

— Не... понимаю.

— Он спрашивает, мозгов у тебя нет? — пояснил Ленька.

— И еще сердца, — добавил Гешка. — Сердце есть?

Теперь Борик понял. Глаза сразу сделались веселыми.

— У... меня... есть... мозги... из... намагниченных... металлических... опилок... У... меня... есть... сердце... из... каучука... и... благородных... металлов.

Тут его окликнули через стену сгущенного воздуха, вероятно, из соседней комнаты.

— Борик, перестань! Некрасиво самому с собой разговаривать!

— Какой голос знакомый! — сразу насторожился Ленька.

Гешка подтвердил:

— Ага!

А Борик, повернув голову на звук, сказал:

— Я... не... говорю... сам... с... собой... К... нам... пришли... гости.

— Кто пришел? — спрашивала девочка.

— Два... мальчика... — Борик провел по комнате глазами. Его взгляд задержался на машине времени. — Со... своим... стулом.

— Гости со своим стулом?

Бесшумно отворилась дверь. Вернее, не отворилась, а возникла. Вот только что здесь была сплошная стена, а теперь в этой стене появился проход.

Вошла девочка. И тотчас же проход бесследно исчез — просто удивительно! Как будто она прошла напрямик сквозь стену.

Но еще больше поразились ребята, когда посмотрели на девочку.

Перед ними стояла...

Да, Катька! Рыжая Катька, Гешкина младшая сестренка! Как она сюда попала? Уцепилась за машину времени и так, незамеченная, летела вместе с ними?

А что — она может!

— Катька! — В Гешкином крике было все: и возмущение, и испуг, и угроза.

— Катя, ты? — Ленька был поражен не меньше своего друга.

Но и она тоже удивилась:

— Откуда вы меня знаете, мальчики?

— Вот это номер! — обомлел Гешка. — Ты что, меня не узнаешь? Своего родного старшего брата?

— У меня разве есть брат? Первый раз слышу.

Катька так естественно разыгрывала удивление, что Гешка вполне мог бы за-

сомневаться, не знает ли он, какая это умелая притворщица.

— Отказываешься? — разгневался не на шутку. — Ну хорошо же, рыжая кошка, я тебе сейчас покажу!

— Что покажешь? — несколько не испугавшись, спросила она с веселым любопытством.

Гешкин кулак прошелся возле самого ее носа.

— Вот — видела!

И тут произошло неожиданное. Катька схватила кулак обеими руками и, удерживая его с силой, которую Гешка в ней и подозревать не мог, стала пристально рассматривать.

— Чернила! — воскликнула она. — Ой, как интересно!

Лишь с большим трудом Гешке удалось вырвать кулак.

— «Ой, как интересно!» — передразнил он. — Чернил никогда не видела?

Что-то новое появилось в Катьке, что-то мешало воспринимать ее легко и просто, как дома. Что именно? Необычная сила, которую Гешка в ней прежде и не подозревал? Естественность, с которой эта обманщица играла свою роль?

— Конечно, не видела. У нас нишут светописью, электроручкой... Ой, нет, — спохватилась она, — видела, видела! В школьном музее нам показывали. Но только в бутылке.

— Врешь ты все!..

Ленька дернул его за рукав.

— Гешка, это не Катька! — Он не сводил с девочки настороженных глаз. — Очень похожа. Но все равно не Катька. Выше. Больше. И веснушек на носу нет.

— То-то я смотрю... — Гешка, присматриваясь, обошел девочку со всех сторон. — Точно, никакая ты не Катька, нечего выдумывать!

— Катька? — переспросила та, смешно выговаривая имя, словно слышала его впервые. — Конечно, я не Катька. Я Катя. Мама меня еще Катюшей зовет. А Катька — так, никто. — И снова повторила, прислушиваясь к звучанию. — Катька, Катька... Как редька. Катька, редька. Смешно!

Гешка смотрел на нее, на знакомые и вместе с тем незнакомые черты лица, и соображал. Нет, это не его сестра Катька. Прошло много лет...

— А кто твоя мама? — спросил он, уже заранее предчувствуя, каким будет ответ девочки.

— Ну... просто мама. Тоже Катя. Екатерина Андреевна.

И тут вдруг Гешка принялся хохотать. Хохотал долго, очень громко, подпрыгивая и похлопывая себя по ляжкам.

— Катька! — выкрикивал он, хохоча. — Катька! Ой, не могу! ...Катька — Екатерина Андреевна! И у нее дочка!

Все смотрели на него, каждый по-своему. Катя с удивлением, Борик с любопытством, склонив на бок голову, как бы повторяя мысленно все Гешкины прыжки и хлопки. Ленька сначала с боязливым недоумением, а потом, сообразив по выкрикам, в чем дело, прыснул в кулак, давась от смеха. Дочка, у Катьки дочка! Ну разве не смех!

Один лишь ППУП со своей трехметровой высоты взирал на все происходящее без проблеска интереса.

Катька наконец спросила:

— Кто ты, мальчик?

Гешка сразу перестал хохотать. Нахмурил брови, посмотрел на нее строго:

— Какой я тебе мальчик! И почему «ты»?.. Что за молодежь пошла! Никакого почтения к старшим.

— Ах, простите, дедушка! — рассмеялась Катя.

— Ну, это ты уж лишкухватила. Я тебе не дедушка, а дядя. — Гешка заважничал еще лучше. — Дядя Гешка! Нет, дядя Гешка! — тут же поправился он. — Что так смотришь? Не веришь? Ленька, скажи, кто я ей?

— Вообще-то, дядя...

И снова Ленька почувствовал острый укол зависти. Везет Гешке! Надо же так: первый человек, которого они встретили в будущем, оказался его родной племянницей!

Нет, освоиться побыстрее и при первой же возможности разузнать все подробности про своих нынешних родичей! Кто знает, может быть, растет где-нибудь поблизости Ленькина внучка? Перед таким родством побледнеет даже Гешкино дядьство!

Гешка тем временем все воспитывал новоиспеченную племянницу:

— Дядя у тебя, между прочим, строгий, но справедливый. Будешь уважать — смотришь, и подарочек тебе обломится, и в кино на детский сеанс свожу, и задачку какую-нибудь позакковыристее решить помогу; я их знаешь как целкаю! — Он покосился на Леньку. — Ну, а не захочешь по добром — пеняй на себя. Во-первых, никаких подарков, а во-вторых, можешь у меня и кашки березовой отведать.

— Как смешно! — от души веселилась Катя. — Скажи все-таки, кто ты, откуда?

— Всем это знать ни к чему, — важно, с достоинством ответил Гешка. — Вот придут старшие — им скажу.

Безделье, видно, надоело неподвижному ППУПу. Опять на его голове заходили зеленые огоньки. Прозвучал металлический голос:

— Докладываю старшему по планете Земля.

Катя вышла вперед. Подтянутая, строгая.

— Я старший по планете Земля.

— Инцидент исчерпан. У мальчика день рождения, и он заказал мороженое в подарок всем своим друзьям. Мороженое выдано, санитарная команда отозвана.

Огни погасли.

— Вот чудак! — не удержался от восклицания Гешка. — У него день рождения, и он сам дарит подарки!

Катя не поняла:

— У нас все так.

Гешка недоумевал, а вот Ленька сразу оценил всю выгоду новых порядков.

— Это они здорово придумали, — негромко, все еще настороженно поглядывая то на Катю, то на молчавшего Борика, стал объяснять Гешке. — Сколько у тебя дней рождения в году? Всего-навсего один. А у всех кругом?.. Даже если в свои именины другим дарить, все равно тебе куда больше. Чуть ли не каждый день подарки!

Но Катя покачала головой:

— Мы не потому.

— А почему?

— Просто... ну... я не знаю... — Катя задумалась; для нее этот обычай разумелся сам собой, его не приходилось никому разъяснять. — Просто хочется в свой день рождения делать приятное всем...

А Гешку уже одолевали новые вопросы. Вот, к примеру, почему говорящий шкаф так странно назвал Катю: старшей по планете Земля?

— Это что, племяшка, игра у вас с ППУПом такая?

— Нет, не игра. На этой неделе я в самом деле старшая по Земле.

Ребята переглянулись.

— Но ведь ты еще совсем пацанка! — воскликнул Гешка и объяснил, видя, что она его не поняла: — Ну, не взрослая, маленькая еще.

— Правильно, — подтвердила Катя —

Одну неделю в квартал планетой управляют дети. В это время отключается для ремонта и профилактики Главный Электронный Мозг Земли. Взрослые отдыхают. Ну, а со всеми нашими детскими делами вполне справляется ППУП.

Дети управляют планетой! Ах, как жаль, что до этого додумались только в будущем! Правда, Гешка читал такую книжку — «Король Матиуш», там тоже страной правили дети. Но, во-первых, это сказка, а во-вторых, в книжке все плохо кончилось. А здесь...

— Значит, что дети хотят, то и делают? — Он был в полном восторге.

— Что нужно делать, то и делают, — ответила Катя.

Ленька спросил очень вежливо:

— Скажи, пожалуйста, девочка, а как все узнают, что ты старшая по Земле?

— Я говорю.

— И все? — он не поверил.

— А что еще?

Вмешался Гешка; этой его племяннице нужно все разжевать да в рот положить, как младенцу:

— Ну, погоны там, значок, или фуражка. Красная, как у дежурного по станции. Или зеленая. Или еще какая.

— Нет у нас никаких фуражек. Просто я говорю — и все.

Но Гешка лишь ухмылялся недоверчиво. Что-то тут не так! Можно, конечно, поверить человеку и на слово. Но не в таких же важных вещах! Вот возьмет, к примеру, Гешка и заявит, что он самый главный начальник — нет, не на всей Земле, пусть в одном их городе. Кто ему поверит, хоть он будет клясться чем угодно с утра до ночи!

Катя никак не хотела его понять:

— Но ведь ты не старший. Как же ты скажешь?

«Хитрит! — твердо решил Гешка. — Наверное, у них слово какое-нибудь тайное есть. Все равно я у нее выпытаю».

Но сколько Гешка ни бился, ничего не получалось. То ли Катя так умело притворялась, то ли никакого тайного слова не существовало.

Зато ребята узнали другое, может быть, еще более существенное.

Как вы думаете, что делают взрослые в те недели, когда планетой управляют дети?

Отсыпаются?

Гуляют целыми днями?

Бездельничают?

Ни за что не отгадаете!

Взрослых посылают в школы, в детские сады, на площадки для малышей, в кружки при Дворцах пионеров — кому что пропишут врачи.

— Врачи? — поразились ребята. — Зачем?

А вот зачем, пояснила Катя: для восстановления детской непосредственности, жизнерадостности, интереса ко всему на свете.

Кто стал слишком часто хмуриться, идет на неделю в детский сад. Куклы, мишки, зайки, заводные игрушки, коллективные игры, вроде салочек или валочки-выручалочки, под руководством воспитателей из числа наиболее успевающих детей быстро возвращают взрослым живость и веселье.

У кого работа сидячая, того посылают для разминки в детскую спортивную школу.

Даже в недельные ясли некоторых помещают — у кого нет дома маленьких детей.

Гешке понравилось:

— Здорово! Вот бы нашу математичку в детский сад!

— А тебя воспитателем! — развеселился Ленька; он окончательно убедился, что здесь, в будущем, в отличие от прошлого, нет совершенно ничего опасного или страш-

ного. — Научили бы ее в классики играть.

— Зачем в классики? Я бы с ней в бѣтки сразился.

Катя заинтересовалась:

— Что это за игра такая?

— Не знаешь? — обрадовался Гешка. Сейчас он ее обыграет! — А ну, ставь быстро свои грѣши на кон!

— Грѣши? — она недоуменно приподняла бровь. — Что такое грѣши?

И этого не знает?! Ну племяшка!..

Заговорил Борик. Он все время прислушивался к разговору, но сам не вмешивался. А теперь телевизионные усики на голове у него зашевелились, и он произнес, обращаясь к Кате:

— К... нам... прибыл... радиолет.

— Это новый старший по планете. Я сдаю полномочия. Пойдем, Борик!

— Мы с тобой! — тотчас же сказал Гешка; уж очень не терпелось ему взглянуть на радиолет.

— Нет! — Ленька удержал его. — Иди, иди! — сделал знак Кате. — Мы тебя здесь обождем...

Снова возник и исчез проход в воздушной стене. Ребята остались одни.

— Ну что тебе? Тоже время нашел! — накинулся Гешка на друга. — Радиолет из-за тебя не увижу!

— Успестся. Есть вещи поважнес.

Ленька явно что-то придумал.

— У нее сегодня последний день. — Он многозначительно поднял палец. — Последний!

Что он надумал? Гешка никак не мог уловить.

— А какая разница: последний — не последний?

— Как какая? Надо и о себе подумать! — И крикнул, обращаясь без всякой почтительности к не подававшему признаков жизни шкафу. — Эй ты, пуп Земли!

— Новый... экспериментальный... способ... переноски... громоздких... неодушевленных... предметов... Предназначенная... к... переноске... вещь... раскладывается... на... атомы... Они... переносятся... лучом... Спо-

ва... собираются... на... новом... месте... Пока... еще... действует... лишь... на... небольших... расстояниях...

За время объяснения ППУП исчез совсем, как будто его здесь никогда и не было.

МАМА! ПАПА!.. И БЫВШАЯ КАТКА!

Катя показала Гешке и Ленке всю квартиру. Много здесь было разных чудес. Но больше всего ребятам понравилась мебель, бесшумно выезжавшая по первому требованию прямо из стенки — она хранилась там в сложенном виде.

Случались, правда, и загвоздки. Сколько Гешка ни кричал: «Стол! Стол! Ну, выезжай! Что ты там застрял!» — стол не появлялся.

А вот стоило попросить Катю, причем без всякого крика, ровным голосом, как стенка тотчас же раздалась, пропуская стол.

Гешка повторил те же слова, что и Катя, даже не очень кричал. Опять ничего!

— Ты забываешь сказать «пожалуйста»! — улыбнулась девочка.

И точно! Как только он добавил «пожалуйста», диван, к которому он до сих пор зывал безуспешно, послушно высал из стены.

Гешка брякнулся на мягкое сиденье.

— Какая тут у вас мебель обидчивая...

Вечером из детской спортивной школы пришла Гешкина мама, а сразу вслед за ней и папа — с площадки для малышей.

Когда Борик известил об их приходе, у Гешки екнуло сердце. Узнает ли он маму и папу? Они ведь совсем уже старенькие — сколько лет прошло! И как еще примут его? Ведь он без их разрешения отправился в это путешествие. Для него с тех пор и часу

не прошло, а для мамы с папой десятки лет. Переживали, наверное, особенно сначала, а потом позабыли. Вон у них теперь даже внучка чуть помоложе Гешки.

Но как только мама вошла в комнату, он сразу же с криком бросился ей на шею. Она — и папа тоже — нисколько не изменилась; ничего удивительного, в будущем ученые, конечно, придумали таблетки против старости.

— Гешенька! Сыночек!

Разумеется, не обошлось без слез. Когда мамы встречают ребят из пионерского лагеря, и то у них глаза на мокром месте. А тут — целая вечность.

— Дай я на тебя погляжу. — Она отошла на шаг. — Точно как был! Такой же маленький, такой же худенький, одни косточки торчат.

— А это? — Гешка, демонстрируя свои стальные мускулы, крепко сжал правую руку.

— Сынок! — Теперь им завладел папа. Он хоть и не плакал, даже наоборот, улыбался, но тоже был очень взволнован. — Как я рад, как рад!

Ленька, сначала настороженно следивший за встречей Гешки с родителями, вздохнул облегченно. Шепнул Борику, стоявшему рядом:

— Я думал — лупить будут. А они, наоборот, целуют.

— Что... такое... лупить?

Ленька не стал объяснять. Не знает — и не надо!

Раздалась стена, пропуская незнакомую женщину с нежно-голубыми волосами, скрученными в мелкие-мелкие спиральки, отчего казалось, что на голове у нее расцвела пышная хризантема. Видно и здесь, в будущем времени, капризы моды давали о себе знать. Женщина сначала уставилась недоуменно на Гешку, а потом как взвизгнет совсем не по-взрослому:

— Гешка! Братик! — И давай его целовать и тискать.— О, какой маленький! А помнишь, как ты таскал меня за косички?

Гешка отбивался из последних сил.

— Пустите! Пустите меня!

— На «вы»! Меня, свою сестричку младшую, на «вы»! — восторгалась бывшая Катька, а ныне Екатерина Андреевна, не выпуская Гешку из своих крепких объятий.

Выручила Катя.

— Мама, он говорит, он мой дядя.

Гешка, полузадушенный, затисканный, вырвался наконец на волю.

— Правильно! — сказала Екатерина Андреевна и добавила строго: — И ты не должна его обижать.

Гешке это показалось оскорбительным.

— Она?! Меня?! — захорохорился он.— Да я у нас во дворе пятнадцатое место занимаю по силе. Шлепа первое,— стал он перечислять,— Митяй второе, Чихун третье...

— Гешенька,— Екатерина Андреевна смотрела на него с состраданием,— Катя — чемпион планеты по борьбе дзюдо среди подростков.

Гешка растерянно присвистнул:

— Вот это дает так дает!

Странно повел себя маленький робот Борик. Он уже некоторое время нелепо держался, явно пытаясь копировать Гешкины разухабистые движения. А теперь, подражая Гешке, попытался свистнуть. Только у

него получилось очень уж пронзительно, как у паровоза, так что все сразу обратили на него внимание.

— Вот... это... дает... так... дает!

Он в точности воспроизвел Гешкины интонации и гордо взглянул на него, явно ожидая похвалы.

Лицо Екатерины Андреевны сразу сделалось озабоченным.

— Борик,— сказала она, прежде чем Гешка успел выразить роботу свое одобрение.— Пойди, пожалуйста, вниз, почини входную дверь, там реле что-то заедает.— И, обождав, когда тот выйдет, обратилась к Гешке.— Не надо, Гешенька, при нем свистеть и говорить всякие такие вещи. Борик— мой первый опытный экземпляр, и мне бы не хотелось...

— Вы... ты его сделала?! Сама?!

Екатерина Андреевна скромно улыбнулась. За нее ответила мама.

— Катя— главный конструктор института роботов.— В ее голосе звучала материнская гордость.

— Вот это дает так дает! — не удержался Гешка.— Да, а где же бабушка? Пора бы и ей уже из детского сада.

Мама покачала головой:

— Она не в детском саду— на Луне.

— Как?!— Гешка представил себе бабушку в скафандре, одинокую, жалкую, среди диких нагромождений лунных скал, и испугался.— И вы ее отпустили?! Она же пропадет!

— Не бойся,— улыбнулся папа.— Бабушка в лунном санатории отдыхает.

— Там санатории?! На Луне?

— И очень даже много.— Папа обнял его за плечи.— А теперь расскажи-ка нам, сынок, о вашем перелете.

— А что рассказывать? — Гешка солидно откашлялся.— Перелет как перелет... Записку мою получили? — вспомнил он.

— Насчет Гончих Собак?

Все рассмеялись, и Гешка смущенно заскреб в затылке. Угораздило его псов с собаками спутать! Всю жизнь считал, что это одно и то же. Оказалось— нет.

— Мы ждали вас немного позже, на следующей неделе.— Папа, помогая Гешке, справиться со смущением, сменил тему разговора.

— Как?!— удивился Гешка.— Разве вы знали?

Папа пояснил:

— Видишь ли, первый день мы, конечно, ничего не знали и проискали вас до самой ночи. А потом нам передали твою записку, и мы обратились к ученым. И тут-то выяснилось, что вы направились в будущее на машине времени. Пришлось набраться терпения и ждать много-много лет— это ведь только для вас с Леной время проскочило очень быстро. И вот недавно ваша машина попала в поле зрения станции парадоксов времени. Так что мы знали, что скоро вы появитесь. Но точно определять момент прибытия сотрудницы станции еще не научились.— Папа подошел к машине времени, провел рукой по спинке, словно снимая пыль.— Это она и есть?

— Ага!— Гешку так и распирало от желания похвастать.

— Какая устаревшая конструкция!— воскликнула Екатерина Андреевна, бросив на машину беглый, полный сожаления взгляд.

— Катя!— упрекнул ее папа, показав глазами на Гешку.— Что ж ты хочешь, первая конструкция, столько лет прошло, конец девятнадцатого века! А для своего времени это был вполне подходящий аппарат.

Екатерина Андреевна вспомнила, что у нее есть для Гешки привет. От кого? О, он будет рад! От Виктора Антоновича, вот от кого. Он на прошлой неделе приезжал в институт роботов.

Морща лоб, Гешка усиленно вспоминал. Виктор Антонович? Кто это? Учитель физики? Нет, нет, тот Виктор Сергеевич.

— А он кто такой? — спросил Гешка, так и не вспомнив.

— Как! — поразилась Екатерина Андреевна. — Ты не помнишь Синицына? Твой бывший одноклассник.

— Витька! — Гешка, хохоча, соскочил с машины. — Витька Синица! Хорошенький Виктор Антонович!

Он никак не мог еще привыкнуть к мысли, что попал в мир, где все его прежние друзья детства — давно уже взрослые люди.

— Теперь он известный ученый, — мягко сказала Екатерина Андреевна, стараясь не уязвить Гешкиного самолюбия. — Старший научный сотрудник Всемирного института по связи с инопланетными цивилизациями.

— Научный сотрудник? — Гешку душил смех. — Этот научный сотрудник на прошлой неделе высадил у нас окно своим футбольным мячом!

— Да, верно, припоминаю, — Екатерина Андреевна тоже рассмеялась. — Я тогда еще в бумажные куклы играла.

И тут подал голос все время молчавший Ленька. Он долго приглядывался и прислушивался, ожидая, что Гешку в конце концов все же начнут ругать. Но нет! Ни слова упрека!

Видно, родители за эти десятилетия сильно изменились в лучшую сторону.

— Гешка их рвал, а вы... вы плакали. — Он хихикнул.

Только сейчас, увидев Леньку, папа вспомнил о нем:

— Как?! Ты еще здесь? Тебе же надо побыстрее к своим!.. Катюша, отведи, пожалуйста, Леню к Моховым. На той стороне, дом из зеленой строймассы в красную клеточку... Да, кстати! — Он, улыбаясь, вытряхнул из карманов на стол перед Лень-

кой кучу цветных бумажек. — Отдашь папе, скажешь, от меня.

Бумажки переливались, как будто внутри их зажигались и гасли крошечные огоньки. Ленька осторожно потрогал их:

— Ой, какие фантики интересные!

— Я их у твоего папы на детской площадке выиграл. Ему здорово не везло, он так переживал...

Ленька собрал цветные бумажки со стола.

— Пойдем, дядя, — сказала ему Катя.

Ленька покраснел от удовольствия.

Они ушли.

А Гешке папа предложил пойти вниз, в бассейн, помыться, освежиться с дороги.

Позвали Борика.

— Проводи, пожалуйста, Гешку в бассейн.

Тот обрадованно встал рядом, моргнул — видно, Гешка ему понравился. Гешка тоже моргнул в ответ. Свой парень! Он уже заранее предвидел, как они вдвоем будут резвиться в бассейне.

— Только не брызгай на него, пожалуйста, — предупредила Екатерина Андреевна. — Вода через ушные отверстия может попасть в головной механизм.

— Ну и что? — не понял Гошка.

— Мозги заржавеют.

— А-а... — Он смотрел на Борика со смешанным чувством жалости и превосходства: бедненький, у него же мозги из железных опилок. — Ну, пошли, что ли, Борька!

Робот не тронулся с места. Стоял, улыбался, смотрел на Гешку, но не двигался.

— Что стоишь, как обалделый? Пошли! Никакого движения!

— Он реагирует только на вежливое обращение, — объяснила Екатерина Андреевна.

— Скажи, какой чувствительный! — хмыкнул Гешка, но спорить не стал; это,

наверное, все те же опилочные мозги при-
вередничают.— Пожалуйста, мне не жалко!
Ну, пошли, Боренька!

— Ну... пошли... Гешенька.

И оба двинулись через проход в воз-
душной стене, обнявшись, как закадычные
друзья.

ВИТКА С УСАМИ

И началась для Гешки вольготная
жизнь, развеселая, бесподобная, сказочная
жизнь.

И сладкая! В самом прямом смысле
слова. Мороженое сливочное, пломбир, шо-
коладное, ванильное, апельсиновое, марци-
пановое, слюнки-текут, космическое, двой-
ное золотое — всех мыслимых и немысли-
мых сортов. И совершенно бесплатно.
Ешь — не хочю!

А ведь недаром все-таки говорят: ешь —
не хочю! Прошло всего два дня, и от Геш-
киного увлечения мороженым не осталось
и следа. Впрочем, не совсем. Кое-какие сле-
ды еще сохранились. Хотя ангину вылечили
в две минуты тридцать семь секунд — тут
у них таблетки такие были: скоростные ан-
гиангинные, — теплый платок на шею остал-
ся надолго.

Ну и что? Подумаешь, мороженое! Тут
и без него есть чем заняться!

Гешка до одури летал на радиолетах,
ездил на движущихся тротуарах, переска-
кивая с дорожки на дорожку, ходил на со-
бачьи выставки — собаки были самые
настоящие, породистые, никаких тебе четве-
роногих роботов; тех к участию в выстав-
ках не допускали, и они обиженно поскули-
вали возле ворот. Катался на самопрыгаю-
щих воздушных шарах, просиживал штаны
в объемных кино с запахом и вкусом —
всего, пожалуйста, всего, сколько хочешь!

Взрослые вставали очень рано — с сол-
нышком — и расходились по своим делам.

Чуть попозже поднималась Катя, быстро со-
биралась в школу.

— Завтракать, дядя Геша!

— Успею еще! — Гешка и в прошлом,
дома, любил поваляться в постели. — У меня
вроде как отпуск, надо сил поднабраться.

Очень удивляло Гешку, что Катя от-
правлялась на занятия с видимым удоволь-
ствием. Как-то он взял и спросил прямо,
нравится ли ей в школе. Племяшка посмот-
рела на него недоуменно:

— Конечно! Ведь там очень интересно.

— Интересно?! Что ты там нашла ин-
тересного?

— Ну как же! Вот, например, сегодня
мы разбираем новую космогоническую тео-
рию. Формула Буренина и Малинина — зна-
ешь?

Гешка так поразился, что даже забыл
прикрикнуть на Катю за непочтительное об-
ращение на «ты».

— Формула? Это что — математика?..
И интересно?

— Очень интересно! — подтвердила Ка-
тя. — Очень!

Был бы тут рядом Ленька, Гешка навер-
няка бы покрутил многозначительно паль-
цем возле лба...

Катя уходила в школу, а Гешка оста-
вался с Бориком вдвоем. Борик прибирал-
ся на скорую руку, готовил на обед самые
легкие из двадцати трех тысяч семисот пя-
тидесяти семи блюд, которые умел, — и на-
чиналась веселая возня. Перегородки из

спрессованного воздуха раздвигались вплоть до самых строймассовых стен дома. Получалась комната размером с огромный зал, где они с Бориком резвились напропалую. Хотя Борик был роботом самой новейшей марки, ему очень нравились старинные ребячьи игры, которым его обучил Гешка: пятнашки, догоняшки, скалки, палочка-выручалочка и прочие. Он находил их гораздо более занятными, чем тренировочные игры для роботов с использованием высшей математики, электроники и атомистики.

Иногда Гешка ловил на себе недоумевающий взгляд Борика — когда спрашивал о чем-нибудь непонятном или когда, позабыв сказать «пожалуйста», орал на непослушную стенку, зажавшую где-то в своих недрах демонстрационный столик с набором сказок-самопоказок. Но Борик не делал ему никаких замечаний, никогда не вступал с ним в спор и был в этом отношении очень даже удобен. Куда удобнее строптивного Леньки!

Кстати, о Леньке. Гешка сто раз звонил ему по видеотелефону, но никак не мог застать. Наверное, Ленька целыми днями носился по улицам — у него дома ведь не было такого друга, как Борик. По видеотелефону Гешке всегда отвечал один и тот же металлический робот, похожий на бензиновую бочку с квадратной канистрой вместо головы. Подружись с таким!

Удивительное дело — никто пока не напоминал Гешке ни о школе, ни о каких-либо других обязанностях. Правда, иногда папа или мама смотрели на него так, словно ждали, что он сам заговорит об этом. Но Гешка, превозмогая некоторую неловкость, делал вид, будто не понимает их многозначительных взглядов. В школу, разумеется, все равно идти придется, тут уж ничего не попишешь. Только лучше позже, чем раньше, — это каждый сообразит!

Но вот однажды, играя с Бориком в прятки, Гешка случайно наткнулся на машину времени — покинутая и забытая, она стояла в углу одной из комнат. Стенки не могли вобрать ее в себя; она ведь не складывалась, как здешняя мебель. Остановился, погладил рукоятку. Что-то коснулось его сердца: тоскливое, щемящее. Он сел на сидение, задумался.

Почему-то вспомнилась школа... Утро. Тихий пустой класс, скучающие без ребят парты. Постепенно класс наполняется. «Здорово!», «Привет!»... Потом строгая тишина урока, веселая беготня на переменах. И ребята... Мишка Чернов, Витька Сеница, Дениска Харитонов... Бегаешь с ними, играешь, ссоришься, миришься. Такие понятные, близкие, такие свои... Забыли уж, наверное, про Гешку. Или нет-нет да и вспомнят? Эх, скажут, как он в защите стоял...

Борик нашел его здесь и кинулся назад с веселым криком, чтобы прибежать первым и застучать. Гешка сорвался с сидения, бросился за роботом, обогнал, и игра началась снова.

Больше Гешка не подходил к машине, забыл про нее, но какая-то непонятная грусть поселилась в нем с той поры. Она могла дать о себе знать в самый неподходящий момент: в полете на искусственном спутнике, во время развеселой игры, когда вдруг начинало хотеться, чтобы рядом был кто-нибудь из школьных друзей, в зале кинотеатра, где не существовало никакого экрана, а герои фильма разгуливали рядом, и при желании можно было протянуть к ним руку. Только не стоило — рука проходила сквозь пустоту, и иллюзия нарушалась.

Вероятно, эта странная грусть и стала причиной того, что однажды Гешка решил оставить на время развлечения и отправиться на поиски Витьки Сеницы, самого большого непоседы и самого знаменитого

футболиста из их класса. Он представил себе Витькины хитрющие глаза, в которых всегда резвились бесенята, его вихры, вздернутый нос и сказал твердо:

— Всс! Хватит! Отправляюсь к Витьке Синице. Он мне в школе задачки списывать давал. Теперь я ему помогу. Им, институту этому, наверняка космонавты нужны.

В голосе его звучала такая непреклонная решимость, что Борик, ни слова не говоря, тотчас же убрал в стенку коробку с оловянными игроками, которые взмахивали клюшками, заколачивали шайбы и пререкались с судьей перед тем, как отправиться на штрафную скамью, словно живые канадские хоккеисты.

Через несколько часов Гешка попал в институт связи с инопланетными цивилизациями.

В огромном кабинете с матовыми телевизионными стенами ему навстречу шагнул незнакомый дядька с пышными черными усами.

— Гешка! Друг!

Гешка взлетел на воздух, поднятый могучими мускулистыми руками.

«И это Витька Синица! — с тоской подумал он. — Был человек как человек. А теперь... усы!»

Усы щекотали щеки, нос. Гешка чихнул.

— Будь здоров! — бывший Витька Синица, а теперь старший научный сотрудник института связи с инопланетными цивилизациями Виктор Антонович Синицын бережно поставил Гешку на землю. — Ну, как дела?

— Ничего, — проямлил Гешка.

Образовалась неловкая пауза. С Витькой Синицей Гешка мог болтать сколько угодно. А вот с этим незнакомым усатым дядькой просто не о чем было говорить. Спросить, как ему нравится сегодняшняя солнечная погода?

Заговорил сам Виктор Антонович. Он стал рассказывать о новой форме жизни на кремниевой основе, открытой совсем недавно на одной из планет далекой звездной системы. Поначалу Гешка еще кое-что улавливал — Виктор Антонович изо всех сил старался говорить попроще. А потом он увлекся, и на Гешку обрушился настоящий поток непонятных слов, названий, терминов. Он сидел, не смея шелохнуться, и хлопал глазами.

Включилась боковая телестена. Человек, на вид совсем земной, произнес несколько булькающих фраз.

— Какой это язык? — оживился Гешка. — Марсианский? Сатурнинский?

— Немецкий... Мы же в школе еще учили. Ах да, у тебя ведь с ним все время не ладилось...

Виктор Антонович почему-то поспешно отвел глаза. Чтобы избавиться от внезапно вспыхнувшего жгучего чувства стыда, Гешка спросил торопливо:

— А космонавты вашему институту требуются?

— Еще как требуются! — Виктор Антонович озабоченно наморщил лоб. — В них постоянная нужда. Особенно в астролетчиках дальних трасс.

— Да? — оживился Гешка. — Ну, тогда берите меня. Я готов хоть сейчас.

Но Виктор Антонович вместо того, чтобы обрадоваться, стал мяться и вилять:

— Видишь ли... Нам нужны опытные астролетчики, с большим стажем... И потом... У тебя ведь еще нет диплома...

— А где его берут?

— Учиться нужно в специальных вузах. Много лет. Даже простые пассажиры фотонных ракет и те проходят годичную подготовку. А уж сами астролетчики... Геша, а конфет не хочешь? У меня знаешь какие — у-у! — он деланно облизнулся.

Так и не принял бывший Витька Синица дружеской руки помощи, великодушно протянутой прежним одноклассником!

Гешка из вежливости съел две-три конфеты, но разговора о школьных делах, который затеял ученый усач, не поддержал. Улучил момент, поднялся, стал торопливо прощаться.

— Заходи как-нибудь ко мне домой,— Виктор Антонович, видно, тоже чувствовал себя не совсем ловко.— С женой познакомлю, с детками.

— Большое спасибо,— вежливо благодарил Гешка, а сам точно знал, что не пойдет. Чего доброго, детки этого усача окажутся постарше его, Гешки!

Уходя, он шаркнул ногой, вежливо поклонился. А потом, на улице, спохватился. Кому он кланялся, кому? Витьке Синице!

Настроение окончательно испортилось. Не хотелось никуда идти, никого видеть. Даже Борика.

И в этот самый момент Гешка лоб в лоб столкнулся...

Конечно же, с Ленькой.

Как они обрадовались друг другу!

— Ленька!

— Гешка!

— Здорово!

— Здорово!

— Это что у тебя? — Гешка тронул цветастый платок, которым была кокетливо повязана Ленькина правая щека.

— Ой! — Ленька болезненно поморщился.— Конфет шоколадных съел целую кучу. Бесплатно ведь!.. А у тебя?

— Это? — Гешка показал на теплый платок, тоже цветной, повязанный вокруг шеи.— Это я одиннадцать порций мороженого съел и одну еще не доел... Ты куда?

— К тебе. А ты куда?

— А я к тебе.— Гешка только сейчас понял, как ему не хватало все это время Лень-

ки. Ленечки! Ленишеньки! — Знаешь что, махнули вместе в кино?

У Леньки скривилось лицо.

— Неохота. Я вчера пять сеансов подряд просидел.

— Пошли тогда к нам рельефный телик смотреть,— предложил Гешка.

— Неохота. У нас самих телик во всю стену. Пошли, что ли, к нам? — вяло предложил он.

— Ну, пошли,— так же вяло согласился Гешка.

— Ай, домой неохота.— Когда это дом успел так наскучить Леньке? — Давай лучше что-нибудь придумаем.

Гешка сразу ожил:

— Давай!

— Но что?.. О! Придумал! Двинули в гости к Витьке Синице!

— А!..

— Чего так?

— Да я только что от него.— Гешка водил ботинком по цветному пластику тротуара.— Здоровущий — во! И с усами!

Ленька схватился за бока:

— Ой, не могу, Витька с усами!

Погоди, погоди! Еще будет тебе не до смеха!

— Все вздыхал. Эх, говорит, детство ценить не умеем. Эх, золотое время... Помнишь, говорит, как здорово было металлолом собирать? И турпоходы какие, говорит... Погоди, как он сказал? Восхитительные турпоходы были, говорит.

Подвижное лицо Леньки от удивления вытянулось, как резиновое:

— Что это он так?

— Не знаю.

— Врет, наверное. А дальше что?

— А дальше? Стал рассказывать, как его стекло сделано. Пошел сыпать: кремний, бор, мор,— чуть совсем не уморил.

— Все они тут такие,— посочувствовал

Ленька и вздохнул.— Ни с кем не поговоришь.

Гешка обрадовался. Что значит родная душа!

— Во-во! С Катькой, с племяншкой моей, про школу беседовал. Проверял, как она буквы знает, таблицу умножения. Все-таки малышка, родная кровь, может, помочь надо. Так она мне такую чепуху понесла: фрейлон, апейрон, гравитон, тра-та-тон, ля-ля-лен...— Он даже задохнулся от возмущения.— Да, все они здесь какие-то чудные! Вот только один парень как парень — Борик. Так ведь он весь на винтах. Что это за друг такой — мозги из железных опилок?

Как прекрасно понимал его Ленька!

— Знаешь, у меня дома тоже племянничек... Вообще-то, их у меня двое,— не удивлялся он,— но один еще даже не разговаривает. Так вот тот, второй,— ну совсем свой человек. Развитый, Майн Рида всего прочитал. Только...— тут Ленька смущенно умолк.

— Ну,— поторопил Гешка,— говори же!

— Четырех лет ему еще нету. Как водиться с таким мальком — ведь засмеют!

Оба приуныли. Вольготная развеселая жизнь вдруг перестала казаться такой уж заманчивой.

Первым приободрился Гешка:

— Ничего, в школу пойдем, там будут подходящие ребята.

— Ой, боюсь я что-то их школы!

— Ну, ты известный трус! — Как только Ленька произнес слово «боюсь», Гешка снова почувствовал свое превосходство над ним и сразу повеселел.— А вот я так ни-сколечко. Что там может быть страшного? Вон Катька, племяншка моя. В девятом классе! В девятом — а лопух лопухом. Целую неделю возле лупа проторчала без толку. Мы так сразу сообразили, что можно друг

для друга кучу всего наказывать. А она? Ушами прохлопала.

Ленька задумался:

— Может, просто не захотела?

— Почему?

— Не знаю...

— А не знаешь, так не трепись. Кто это, интересно, не захочет? Просто...— Он многозначительно постучал пальцем по лбу.— И уж если у них такие тумачи в девятом ходят, то мы с нашими знаниями...

Как тут было Леньке удержаться от шпильки!

— Особенно с твоими...

— А что с моими? Что с моими? — закипятился Гешка.— Если хочешь знать, в их школе совсем учить не надо. У них само-зазубривающие машины. Я сам в Катькиной комнате видел.— Он наслаждался произведенным впечатлением; Ленька даже рот разинул по-рыбьи.— Да-да! Ты ей задачу в зубы, а она тебе — как решить и ответ. Нацарапал сочинение — опять же ей. Она все, как надо, выправит, где «корова», где «корова», да еще запятые расставит. Не учение — одно удовольствие! Я так жду — не дождусь, когда в школу поведут. Только неохота самому разговор затевать, еще подумают — напрашиваюсь.

Ленька и верил и не верил.

— Но сначала ведь экзамен.— Он зябко передернул плечом.

— Боишься? — Гешка понимающе улыбнулся.— А я так нет. Подумаешь, экзамен! У меня папа — директор школы. Понятно?

— Тебе хорошо...— Ленька бросил на него взгляд, полный немой мольбы.

Мольба эта не осталась незамеченной.

— Не бойся, я и за тебя попрошу.

— Вот это по дружбе!

Да, что ни говори, с таким другом, со старым другом, с испытанным другом, не пропадешь!

СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ ... СОВСЕМ-СОВСЕМ ЛЫСЫЙ

Ребята долго и бесцельно шатались по городу. Вернее, не они шатались, а их шатало, так как даже ногами не приходилось шевелить. Движущиеся тротуары сами несли ребят по заполненным людьми улицам, скверам и площадям. Все куда-то спешили, у всех были дела. Никому не было скучно. Кроме Гешки с Ленькой.

Приближался переулочек со старыми, оставшимися еще с прежних времен домами. Большинство их было облицовано яркой пластмассой, но встречались здесь и отдельные здания из белого, посеревшего за долгие годы кирпича — их специально сохраняли как памятники старины.

— Сойдем здесь? — спросил Гешка.

При виде так хорошо знакомых, привычных для глаз зданий Ленька оживился.

— Давай!

На переходе они сошли со скоростной ленты и направились по переулочку пешком — здесь еще не соорудили движущихся тротуаров, и редкие прохожие пользовались обычным способом передвижения — при помощи нижних конечностей.

В переулочке было тихо. На ребят повеяло чем-то близким и родным.

— Послушай, Ленька, а не наша ли это школа?

Гешка уставился на двухэтажное здание с широкими трехстворчатыми окнами.

— Вроде наша.

Они обошли здание со всех сторон. Рядом домов не было, одни деревья вокруг.

Нет, не их школа, только похожая. А как бы хотелось! Пробежали бы по гулким коридорам, заглянули бы в пустые классы, сели бы за парту. За свою парту...

— Пошли, что ли!

Гешка разочарованно пнул камешек, случайно оказавшийся на пути. Тот, вы-

соко подскочив, отлетел к дому на другой стороне переулочка. Раздался металлический звон.

Что такое? Ленька быстро повернулся, готовый дать тягу при первом же признаке опасности.

Ничего особенного! У серой стены громоздился робот, неуклюжий, угловатый, словно вытесанный топором. Такие роботы выполняли по всему городу функции дворников. Ночью, когда люди спали, они мыли и подметали пустые улицы, смазывали трущиеся части остановленных до утра тротуаров.

Послышалась песня. Кто-то тянул гнусаво:

Я бы сердце тебе преподнес
На серебряном блюде...

Гешка посмотрел на Леньку. Ленька, в свою очередь, на Гешку. Знакомая песня!

Из ворот дома напротив вышел высокий сгорбленный человек в рабочем комбинезоне. Его блестящая голова отражала солнце. В сторону Гешки с Ленькой скакнул веселый солнечный зайчик.

Человек подошел к роботу, открыл задвижку на его железной голове. Вытащил оттуда длинный электрошнур и воткнул в розетку на стене дома.

При этом человек бросил сердито:

— На, жри, Гаврила!

Гешка схватил Ленькину руку и стал трясти:

— Так это же...

— Ой! — только и смог произнести Ленька.

Он тоже узнал этого человека.

— Шлепа! Шлепочка! — заорал Гешка на всю улицу.

Человек обернулся.

Да, это был Шлепа. Его нельзя было не узнать. В отличие от Витьки Синицы он остался точно таким же, как прежде. С одной только разницей: ныншний Шлепа был абсолютно лысый. Лишь две волосинки сохранились на его круглой, чуть заостренной кверху, как яйцо, голове. Когда на эту идеально голую поверхность попадало солнце, на нее было больно смотреть — прямо в глаза стреляли озорные светлые лучики.

— А? — произнес Шлепа и застыл на месте.

Ребята уже перебежали улицу, ребята уже радостно прыгали вокруг него и тормозили, что было сил, а он все еще стоял с разинутым ртом.

— Видел вот! — наконец забормотал он. — Видел где-то — и все! Видел — и никаких гвоздей! А вот где?

— На Луне! — веселился Гешка.

— Э, не! — Шлепа растерянно хлопал глазами. — На Луне я еще ни разу не был.

— Ну, раз не на Луне, тогда в нашем дворе. Помнишь твое любимое местечко за помойкой? А чемодан облезлый помнишь, японский орден «Харакири»?..

Тут Шлепа наконец узнал их, и его провало:

— Гешка! Ленька! Старики! Откуда вы? Куда вы? Какими судьбами?

Обнял их порывисто, в глазах блеснуло нечто похожее на слезы, потом отступил на шаг.

— Нисколько не изменились! И я тоже. — Он хвастливо отставил ногу и тотчас же стал почти таким, как вчера... то есть, как в прежние времена. — Как в той песне поется. Ну, в той, старинной, любимой мой... «Каким ты был, таким ты и остался!» — во!

— Шлепа! Вот здорово! — Гешка осторожно дотронулся до его гладкой, как по-

лированный шар, головы. — Где же твои кудри?

Шлепа показал рукой в неопределенном направлении.

— Там остались... И зачем они мне? Так куда удобнее. — Он стал загибать пальцы. — Во-первых, мыть не надо. Во-вторых, стричь. В-третьих, причесываться. В-четвертых, смотрите, как блестит. Правда, красиво? — Шлепа пустил головой несколько солнечных зайчиков и самодовольно рассмеялся. — У вас так ни за что не получится.

Ребята вежливо похвалили — очень здорово! И приступили к нему с расспросами:

— Как живешь, Шлепа?

— Кем работаешь, Шлепа?

— Живу — во! — он выставил вверх большой палец. — Даже с присыпкой. А работаю... — Голос его дрогнул. — Работаю... младшим помощником.

— Кого? — спросил Гешка, предчувствуя недоброе.

— А! — Шлепа сплюнул. — Младшим помощником младшего дворника.

— У-у-у! — разочарованно протянул Ленька.

— Вот это дает так дает! — Гешке стало как-то не по себе.

А Шлепа оправдывался растерянно:

— Интриги! Вы же сами знаете, старики, ведь у меня в голове полно... этого... как се?..

Гешка испугался. Что они с ним здесь сделали?

— М-металлических опилок? — его била легкая дрожь.

— Э, не! — досадливо отмахнулся Шлепа. — Этого... серой начинки — во! Я уже давно мог бы стать старшим помощником младшего дворника. Или даже... — Он снизил голос до почтительного шепота. — Или даже самым младшим дворником. Так нет же, говорят, образования у меня не хвата-

ет. Это при моих-то почти шести классах! — Шлепа был полон возмущения.— Эх... А все почему? — он выдержал паузу.

— Почему? — спросил Гешка.

— Ну! — Ленька тоже сгорал от нетерпения.

— Потому что я один-разъединственный человек среди дворников. А остальные... ну... эти... с винтиками в голове...

— Роботы?

— Во-во! Вот они, роботники эти, и интригуют... Нет, я ничего не говорю,—Шлепа хотел быть справедливым,— есть и среди них подходящие ребята. Вот старший дворник. Это голова! Такая голова! Сплошные винты — он сам мне показывал... А вот этот? — последовал полный презрения жест в сторону стоявшего рядом и все еще подсоединенного к электрической розетке робота.— Весь проржавел, скрипит на ходу, говорить по-человечески разучился. И нате вам, пожалуйста,—старший помощник младшего дворника! Я младший, он старший — как вам это нравится? А ведь без меня шагу сделать не может. Кормлю его, пою, чищу через день наждачной бумагой. Он старший! Прямо смех, верно, ребята?

Шлепа жаждал сочувствия.

— Смех! — подтвердил Ленька, тайком подмигнув Гешке.

Тому было вовсе не до смеха.

В выпуклых стеклянных глазах робота замигали электрические огоньки.

— Что? Нажрался уже, Гаврила?

Шлепа отключил робота от сети, сунул шнур ему в голову. Робот, не сходя с места, затопал ногами-тумбами, тяжело, со скрипом переваливаясь с боку на бок.

— Его что, Гаврилой звать? — спросил Ленька, опасливо отстраняясь — а ну как заденет ненароком своей клешней!

Шлепа ответил с гордостью:

— Я окрестил. Правда, здорово?

— Покажи, как он работает,— попросил Гешка.

— Э, нет! — Шлепа помрачнел.— Как сигнал подаст — так перехожу к нему в подчинение. Не я старший — он. Ничего не попишешь!

— Ну, мы сами посмотрим.

— Э, не! У нас с ним соревнование, а вы отвлекать будете. Живо меня обшлепает.

Ребятам стало Шлепу жаль. Что ни говори, их старый знакомый — в подчинении у какой-то металлической тумбы.

Шлепа обнял их, стыдливо смахнул непрошеную слезинку:

— Спасибо вам, старики! Хоть потолковал с вами, душу отвел. А то кругом одни роботы.

— Как! — поразился Гешка.— А люди?

— Так они же все ученые! Нисинтерсно мне с ними, говорить не о чем. С роботами этими еще хоть в дурака когда перекинешься или козла забьешь. А люди... Скупный народ, темный, как почь! Еще перехитрить меня хотели. Меня!.. — Он стукнул себя в грудь и громко заржал — совсем как прежде во дворе.

— Как — перехитрить? — не понял Ленька.

— А вот так! Обучить меня задумали, кем-то сделать. Только ничего у них не вышло, учиться я все равно не стал. Какой, говорю, у нас закон? Каждый по способностям, да? Вот и я по способностям — способен быть дворником. Отвяжитесь!

— И что?

— Отвязались! — он снова загоготал.— Темнота!

Робот перестал топтать, заурчал.

— Все! — забеспокоился Шлепа.— Гаврила работу требует.

Ребята пошли. Шлепа, вспомнив, крикнул им вслед:

— Старики! А ведь у меня в субботу день рождения. Увидеться бы, отметить, а? Только вот где? У нас дом увезли на ремонт, живу временно у Гаврилы...

— Ой, Шлепа! — радостно взвизгнул Ленька. — Ой, ты уж смотри, меня не забудь.

«Подарок выпрашивает», — подумал Гешка, и ему стало неловко за друга.

— Знаешь что, приходи прямо к нам, — предложил он Шлепе. И хоть очень хотелось подчеркнуть, что не один Ленька будет с нетерпением ждать завтрашнего дня, он сдержался и ни прямо, ни косвенно о подарке напоминать не стал. Сказал вместо этого: — Я тебя с Бориком познакомлю. Вот это робчик так робчик, не то что твой ржавый Гаврила!

— Тсс!

Шлепа приложил палец к губам, посмотрел на робота испуганно.

— Так придешь, Шлепа?

— Обязательно! Ближе вас, старики, у меня никого нет. Подарю вам самое-самое для меня дорогое!

— Значит, до встречи, Шлепа!

Ребята помахали ему рукой и пошли.

Сворачивая на центральную улицу, они увидели, как Шлепа, бережно поддерживая громоздкого робота, слабосильный и тощий по сравнению с ним, ведет его к двум очерченным белой краской кругам посреди переулка. Возле кругов, сложенные в строгом порядке, лежали лопаты, метлы и прочих сложный дворницкий инструмент.

Здесь, очевидно, пахотился старт.

Вполне можно было спрятаться за углом и поболеть незаметно за Шлепу. Но они не стали. Не было твердой уверенности, что Шлепа в соревновании с роботом выйдет победителем. А видеть, как его обходит металлическая тумба, — кому это приятно?

Сколько тут можно было бы сказать полезных слов! Но я решил от них воздержаться. И вообще, никаких пояснений, никаких толкований больше не будет. Пусть теперь говорят сами за себя те невероятные события, которые разворачиваются прямо на ваших глазах!

СМЭХ И ГРЭХ

Встреча со Шлепой заставила Гешку призадуматься. Вот, наконец, увидел он здесь человека, который почти ничем, если не считать вновь приобретенной лысины, не отличался от того, каким был в прошлом. Ну и что? Много радости доставила Гешке эта встреча? А ведь до сих пор Гешка считал, что здесь, в будущем, все какие-то странные, все какие-то непонятные, все какие-то... Словом, до сих пор, до встречи со Шлепой, Гешка даже ощущал некоторое

свое превосходство над людьми будущего времени. Вот, чудики, столько тут всяких возможностей, а они никакого преимущества для себя из этого не извлекут! А теперь вдруг Гешка почувствовал, пусть еще смутно и неопределенно, что и Шлепа, который в отличие от других Гешкиных родных и знакомых остался прежним, неучем и лоботрясом, и Ленька, и даже он сам, наверное, должны казаться смешными и нелепыми, если посмотреть глазами людей будущего

времени. Здесь все отдают другим больше, чем берут себе,— и это доставляет им радость. А Шлепа и еще кое-кто, не будем называть по имени, стараются прежде всего для себя. Здесь каждый стремится получше выполнить свое дело, даже самые обыкновенные школята,— и получают от этого огромное удовольствие. А Шлепа думает только о том, как поменьше работать и забить с роботами «козла». Здесь все удивительно вежливы, не повышают голоса, даже когда спорят. А кое-кто из недавно прибывших сюда — опять-таки из вежливости не будем уточнять, кто именно! — орет во всю глотку даже на стенку, если она не сразу выдаст из своих недр складной стул или стол. Как будто стенка виновата, что этот кое-кто забывает о правилах вежливости...

Не то чтобы совсем новыми глазами, но все же повнимательней, чем прежде, Гешка стал присматриваться к людям будущего — и ко взрослым, и к детям. Чем они тут все занимаются — ведь он в погоне за всякими удовольствиями так до сих пор этим и не поинтересовался.

Оказалось — столько всего поразительного!

На Луне шло колоссальное строительство санаториев и домов отдыха — там ведь сила притяжения гораздо слабее, чем на Земле, и это очень полезно больным и старичкам. Гешка, например, всякий раз поражался цветущему виду бабушки, когда разговаривал с ней по объемному видеofону. С городских ракетодромов каждое утро на Луну отправлялось множество пригородных ракетичек со строителями самых разных специальностей. Во второй половине дня теми же ракетными поездами они все возвращались домой.

На более дальних ракетодомах напряженная работа шла день и ночь. Там готовились к отлету в другие обитаемые миры

десятки фотонных ракет — каждая из них уносила в дальний космос сотни землян, исследователей вновь открытых миров.

Новые, совершенно неизвестные в Гешкино время профессии встречались на каждом шагу. Вот, например, вылавливатели метеоритов — кто раньше слышал о них? А здесь они посменно вылетали на свои участки космоса и сверхмощными магнитными устройствами притягивали все встречавшиеся им метеориты. К концу смены вылавливатели стаскивали на специальные площадки целые горы небесного металлического сырья.

Или цунамисты — в отличие от вылавливателей метеоритов представители этой новой профессии работали не в космосе, а под водой. Специальными чуткими сейсмографическими приборами они устанавливали, где возможны колебания морского дна, из-за которых возникают разрушительные гигантские волны — цунами, и направленными подводными взрывами своевременно устраняли опасность.

Взять даже вот такое, казалось бы, совсем малоинтересное дело, как разведение фитопланктона — мельчайших водорослей, из которых готовили разные вкусные блюда; Гешка сам не раз за обедом просил добавки, когда подавали салат из планктона. Выращиванием планктона занимались школьные производственные бригады — настолько это было просто. Но!.. Планктон разводили в океане. Каждый школьник получал автономное водолазное устройство с мотором на атомной тяге. Скорость — ахнешь! Зона действия — с ума сойти! Глубина погружения — обалдеть!

Ведь это же подумать только!

Как хотелось Гешке поплавать вместе с Катей в Тихом океане, когда она со своей школой отправлялась туда на практику! Он бы всем им показал высший класс! Но стои-

ло только Гешке заикнуться об этом, как Катя, сама вовсе того не желая, огорошила его вопросом:

— Дядя Геша, а ученические права водолоза-любителя у вас есть?

Вот и оставался для Гешки один только прогулочный радиокатер. Сиди себе сиднем, как пассажир в такси, да еще рядом с почти сосунками — подходящая компания! А однажды сидевшая с ним в радиокатере девочка двух-трех лет пропищала тонюсеньким голоском:

— Как вы думаете, он работает на анодном или катодном двигателе?

— На катодном, — ответил Гешка наугад. — Нет, на анодно-катодном, — тут же поправился он, чтобы уж наверняка.

Девочка ничего не сказала, но при этом так странно на Гешку посмотрела, что ему захотелось побыстрее выбраться из радиокатера и бежать куда глаза глядят.

И когда, наконец, одним распрямленным утром папа сказал: «Собирайся, пойдешь со мной», Гешка сразу же догадался:

— В школу! На экзамен!

И запрыгал от радости.

Слов нет, ничего неделание тоже имеет свои положительные стороны. Но сколько же можно!

Глядя на него, запрыгал и Борик. Екатерина Андреевна, очень занятая на работе, махнула на него рукой, и он с каждым днем все больше и больше становился похожим на Гешку, перенимая его словечки, манеру разговаривать и даже походку.

Пошли втроем: папа, Гешка и Борик. Правда, папе не совсем понравилось, что Борик увязался вслед за ними, он хотел вернуть его домой, но Гешка так энергично стал просить за своего механического приятеля, что папе пришлось уступить.

Борик весь сиял, благодарно улыбаясь Гешке.

Гешка тоже был доволен. На всякий пожарный случай он подготовил хитроумный план, в котором Борику отводилась немаловажная роль.

Кто будет его экзаменовывать? Один папа? Или еще и другие учителя?

На эти тревожные вопросы Гешка получил ответ, когда они, уже в здании школы, вошли в просторную комнату, целую стену которой занимал серый шкаф со множеством отверстий. Посреди комнаты было небольшое возвышение со столиком, похожее на пульт дирижера.

— Борик, включи, пожалуйста, — попросил папа.

Щелкнул выключатель. В отверстиях шкафа суетливо забегали, замелькали разноцветные огоньки.

— Нравится? — спросил папа.

— Ничего, — сдержанно ответил Гешка, наблюдая за веселой игрой огоньков. — А что это такое?

— Не догадываешься? — папа улыбался.

И тут Гешку осенило.

— Знаю! Знаю! — обрадованно крикнул он. — Это и есть ваша учительская самозабуривающая машина. Какая большая! У племяшки куда меньше. Та, наверно, только для школьников, да?

Он хотел подойти поближе, чтобы разглядеть, где у машины отверстие для вкладки сочинений, но, услышав смех, обернулся. Смеялся папа, смеялся Борик. Смеялся, казалось, и сам серый шкаф, внутри которого что-то фыркало и шипело.

— Самозабуривающая? — переспросил папа, все еще смеясь. — Вот придумал! Таких машин, Геша, ни у кого нет, ни у учителей, ни у учеников.

Гешка расстроился.

— Нет? Еще не сумели придумать?

— Не захотели придумать. Зачем? Люди должны учить сами. Если человек будет

знать меньше машины, то ведь тогда она может стать главнее человека.

— А что же это такое? — Гешка показал головой на шкаф, подмигивающий ему сотней огоньков.

— Это СМЭХ, — ответил папа. — Скоростной механический экзаменатор системы Харитонова.

— Харитонова? — весело переспросил Гешка. — Уж не Дениски ли Харитонова? — и засмеялся.

Был у них в классе такой спец по шпартгалкам. Придумал картонку с формулами на резинке. Потянешь — она вылезает из рукава, отпустишь — прячется снова. Во время рспетиций все шло блестяще, шпартгалка работала безотказно. А на контрольной по математике резинка вдруг оторвалась и вместе с картонкой скакнула прямо на учительский столик.

— Верно, — удивился папа. — Денис Петрович Харитонов, из мирового центра новейших методов педагогики. Ты его знаешь?

Ошарашенный Гешка промямлил что-то невнятное.

— Сейчас мы введем в приемное устройство СМЭХа некоторые данные о тебе. — В руке у папы была перфорационная карточка с множеством круглых дырочек. — «Георгий Ромашов, — прочитал он по дырочкам, как Гешка по буквам в книге. — Экзаменующийся. Характеристика...»

— Сокращенно — ГРЭХ, — почему-то пришло в голову Гешке.

— СМЭХ и ГРЭХ, — пошутил папа, вкладывая перфорационную карточку в отверстие у основания машины.

Гешка даже не улыбнулся. Ему было не до шуток. Что тут напридумал Дениска Харитонов — бывший крупный спец по шпартгалкам?

— Ну вот и прогрелось. — Папа повернул рычажок, и СМЭХ перешел с бульканья

на ровное гудение. — Геша, мы с Бориком сейчас уйдем, а ты встанешь туда, на возвышение. Машина будет задавать вопросы. Не торопись, подумай хорошенько, прежде чем ответить. Спешить некуда.

— Папа...

— Что, сынок?

— Лучше ты меня сам проэкзаменуй. — Гешка смотрел на папу умоляюще.

Но тот покачал головой.

— Нельзя, сынок.

— Почему? — отчаянно настаивал Гешка. — Ты же директор школы.

— Видишь ли, я прежде всего человек. Могу ошибиться, могу поддаться настроению — ты же мой сын. А механический экзаменатор определит все точно и, главное, беспристрастно. Пойдем, Борик!

Уговорить папу было невозможно. Оставалось одно: хитроумный план, прибереженный для крайнего случая.

— Папа, можно Борик со мной останется? Я... я боюсь.

— Бойсься? — папа, улыбаясь, погладил его по голове, как маленького. — Что же здесь страшного?

— Я... я не знаю. — Пришлось даже всхлипнуть для правдоподобия. — Этот СМЭХ так гудит. Я боюсь...

— Ладно, — согласился папа. — Вообще-то на экзаменах запрещено присутствовать кому бы то ни было из людей, кроме самого экзаменующегося. Но Борик, я думаю, можно.

Гешка еле сдержался, чтобы не приревновать от радости. Удастся его план, удастся!

Едва дверь закрылась за папой, Гешка взялся за работу.

— Ты меня любишь?

Борик смотрел на него преданными глазами:

— Я... люблю... всех... людей.

— Сделаешь, что я скажу?

— Я... сделаю... все... что... скажет... человек.

— Все-все?

Гешка опасливо косился на СМЭХа. Слышит он или не слышит? А если слышит, то понимает, что к чему?

Борик замаялся, прежде чем ответить. Это было нечто новое.

— Все... кроме... одного.

— Чего? — насторожился Гешка.

— Когда... самому... приказывающему... стыдно... за... свое... приказание.

— Ну, это челуха! — он облегченно вздохнул и зашептал роботу прямо на ухо. — Вот что, Борик, сейчас меня будут спрашивать. Что я не знаю, ты подскажешь. Понял?

Длинные, красиво изогнутые ресницы из синтетического волокна виновато заморгали.

— Извини... не... подскажу.

Что?! Борик отказывается? Он не хочет выполнить Гешкиного приказания? Такого случая еще не было за все время их дружбы.

— Не подскажешь? Почему?

Ответ огорошил:

— Тебе... стыдно.

— Да не стыдно мне ничего! — заорал Гешка, забыв об осторожности. — Выдумал тоже!

— Тебе... стыдно! — такое упрямство тоже не было в духе мягкого и покладистого Борика. — Я... не... выдумал... У... меня... возле... сердца... вмонтирован... очень... чувствительный... стыдоопределитель... Он... сейчас... показывает... три... и... семь... десятых... процента... от... абсолютного... стыда.

Такого оборота событий Гешка никак не ожидал. Он стоял молча, не зная, что сказать, что делать, и кровь постепенно приливала к лицу, перекрашивая его из бледно-розового в бордово-красный.

Раздался голос СМЭХа. Нисколько не страшный, почти человеческий, даже сочувственный.

— Вы готовы к экзамену?

— Ну, готов, — робко произнес Гешка.

— Сколько будет один плюс один? — спросил СМЭХ.

— Два!

Гешке хотелось смеяться от счастья. А он-то думал, а он-то боялся!

— Два плюс два? — продолжала машина.

— Четыре!

Вот это экзамен — ха-ха!

— Четыре помножить на четыре?

Гешка пошевелил губами:

— Шестнадцать!

И тут последовал вопрос совсем иного сорта:

— Шестнадцать помножить на шестнадцать?

— Ого! — воскликнул Гешка. — Мы этого в уме не проходили!

— Восемь помножить на восемь? — сразу же уступил СМЭХ.

Надо было не спешить, а Гешка взял да и выпалил:

— Пятьдесят шесть!

— Подумайте, — заботливо предложил механический экзаменатор.

Вместо того чтобы самому пораскинуть мозгами, Гешка повернулся к роботу.

— Борик, ну!

Тот молчал, словно его выключили.

— Семьдесят два! — брякнул Гешка наугад и добавил для страховки: — Кажется...

СМЭХ ничего не сказал. Задал другой вопрос, уже не из арифметики.

— Что такое ветер?

По комнате пронесся шумный вздох облегчения. Уж это он как-нибудь объяснит!

— Ветер? Ну... когда дует.

— Какие ветры вам известны?

Что за ерундовский вопрос!

— Разные... с дождем, например, со снегом. Или с градом. Бывает, еще бумагу несет, даже щепки, когда очень сильный.— Гешка почувствовал себя верхом на коне.— А однажды даже Катку повалило. Это сестренка моя. Маленькая, с косичками. Рыжая кошка. А сейчас его сделала,— он показал на Борика.— Из пластмассы какой-то и еще чего-то там. Да-а... Спросите сами, если не верите.

СМЭХ спрашивать Борика не стал.

— Сколько вы знаете стран света?

— Стран? Ну, их до черта!

— Сколько принимало участие на олимпийских играх в Мюнхене?

— Сто! — уверенно ответил Гешка.— Даже больше.

— Перечислите.

Голос СМЭХа звучал несколько озадаченно.

— Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать...— повел Гешка счет на одном дыхании.— Все, что ли, перечислять?

В СМЭХе что-то щелкнуло.

— Хватит. Прочтите стихотворение.

— Какое?

— Любое. На ваш выбор.

Какое же прочитать? Надо, которое полегче, чтобы не запутаться. «Аты-баты, шли солдаты»?.. Да нет же, это не стихотворение, а считалка.

А, вот!

Гешка встал в позу, начал декламировать с выражением:

— Жил-был у бабушки
серенький козлик,
серенький козлик... козлик... козлик...

Что там дальше? Кто-то кого-то очень любил, не то бабушка козлика, не то козлик бабушку. А потом кто-то кого-то съел.

Но ведь не будешь так все и рассказывать... Забыл!

— Нет, я лучше другое.— Гешка откашлялся.— «Бородино».

«Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдапа...»

Нет, «Бородино» лучше не надо! Там в середине есть место одно... Он хотел выучить, вот точно хотел, честно пионерское! Но прибежал Витка Сишица и...

— «Ведь были схватки бо...» Я, пожалуй, лучше спую,— прервался Гешка на полуслове, решив незаметно переключиться с «Бородино» на нечто совсем другое.— У меня неть знаете как хорошо получается!

СМЭХ возражать не стал. Сговорчивый экзаменатор!

А хитрющий Гешка произнес скороговоркой «Бородино. Стихотворение Лермонтова» и завел на всю силу своей хорошо тренированной глотки, чтобы не очень-то можно было разобрать слова:

Я писать не буду,
Я звонить не смею,
Я закрою сердце на замок...

Он стал в такт прихлопывать в ладоши, притопывать ногой, ужасно довольный, что маневр удался и простодушная машина не заметила подмены.

И искренне огорчился, когда СМЭХ, прервав пение, вежливо поблагодарил.

— Но ведь я еще не допел. Там дальше знаете как интересно!

— Экзамен окончен,— объявила машина.— Получите результат.

На чистом белом листке, который она выбросила в узкую щель, стояло всего-навсего два слова:

ДЕСЯТЫЙ СЕКТОР

— В десятый! — ликовал Гешка.— Слышал, Борик, сразу в десятый. Ур-ра!

ХОРОШО В ГОСТЯХ...

По дороге домой Гешка буйно веселился. Перепрыгивал на ходу с одной движущейся ленты на другую, хотя это было запрещено, так как ленты двигались с разными скоростями и мог произойти несчастный случай. А на центральной магистрали с самым оживленным движением взял да и побежал напрямик через проезжую часть, лавируя между электромобилями. Весело, дух захватывает, и опасности никакой — милиционеров ведь давно уже нет, и кто их станет вводить снова из-за какого-то одного мальчишки? А на замечания прохожих Гешка еще в своем времени привык не обращать внимания.

За Гешкой — Борик. Он в точности повторял выходы своего одушевленного приятеля. Гешка забавляется на движущемся тротуаре — и Борик тоже. Гешка несется стремглав через улицу — и Борик вслед за ним. Вот только красный свет на перекрестках останавливал Борика. Гешка с той стороны улицы нетерпеливо машет ему рукой: «Давай!», а он не может тронуться с места, пока не загорится зеленый — так у него внутри все устроено.

Гешка порядком запарился, когда наконец оказался дома. Одно-единственное «пожалуйста» — и стенка беспрекословно выдала эластичный, очень удобный для отдыха диван.

— Фу! Устал как собака!.. А почему так говорят: устал как собака? Что-то я ни разу не видел смертельно уставших собак, — стал философствовать, завалившись на диван с ногами. — А, Борик? — повернул голову к другу. — Что молчишь, ты же все знаешь!

— Когда... я... см... я... глух... и... нем...

Борик стоял неподвижно, лицом к стене, подключив себя к электрической розет-

ке. Беготня по улицам не прошла для него даром. Механическое сердце требовало подзарядки.

— Когда я кушаю, я говорю и слушаю, — раздумывался Гешка: его всегда забавлял этот необычный обед. — Что там у тебя сегодня на первое?

— Когда... я... см... я... глух... и... нем, — твердил Борик с настойчивостью автомата.

Гешка милостиво разрешил:

— Ну, питайся, питайся...

В двух случаях от Борика ничего нельзя было добиться: когда он находился на подзарядке, вот как сейчас, и когда выполнял чье-либо распоряжение. «Я занят», — говорил он в этих случаях, и не действовали никакие уговоры.

В комнату вошла Катя с учебником в руке. Застав Гешку на диване, очень удивилась:

— Ты уже дома, Геша?

В такое время он обычно гонял по улицам.

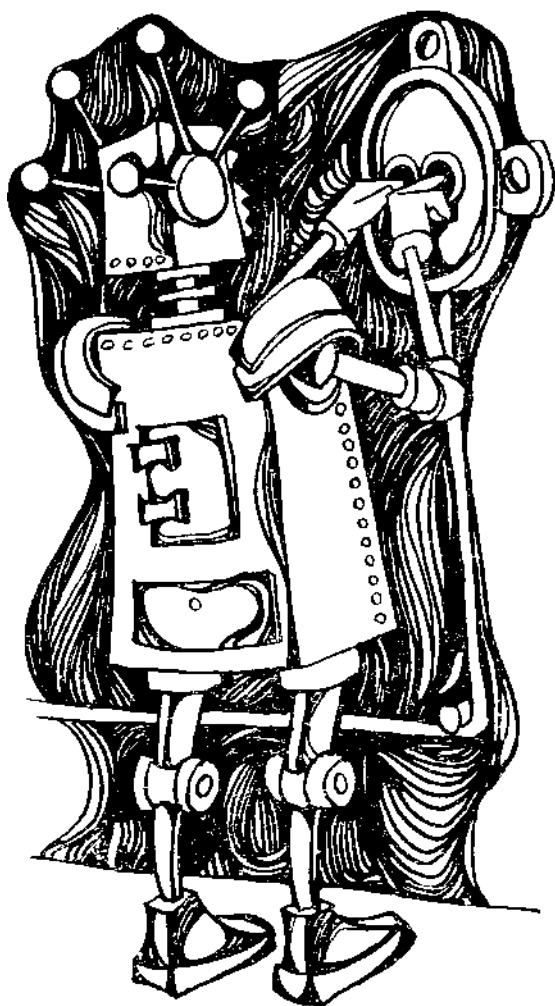
Гешка, возмущенный, соскочил с дивана:

— Опять!

— Ну, хорошо, хорошо, — торопливо поправила Катя. — Ты не Геша, ты дядя Геша.

— И на «вы»! — сердито притопнул Гешка.

Он уже не раз жаловался Екатерине Андреевне на неуважительную Катю, и главный конструктор института роботов в присутствии дяди Гешки делала строгие внушения строптивой племяннице. Хорошо, что Гешка не замечал, какими они при этом обменивались взглядами! Ему бы наверняка не понравились веселые искорки смеха, мелькавшие в глазах обеих: и мамы, и дочки.

Катя подчинилась:

— Вы уже дома, дядюшка Геша?

Гешка посмотрел на нее с подозрением. Дядюшка? Издевается?

Вроде нет.

— Другое дело! — Гешка, успокоившись, опять прилег. — Да, я уже дома, детка. Что ты там зубришь? — он потянулся за книгой в ее руке.

— Высшая математика, — ответила Катя. — Интегралы — довольно сложно. Может, хотите помочь? — спросила она очень вежливо.

У него сразу отпала охота смотреть учебник.

— Потерпи немного, детка, я еще не отдышался. Такое утомительное путешествие, представляешь! Вот пойду скоро в школу — возьму тебя на буксир.

Катя спросила:

— Вы уже сдали экзамены?

— Только что оттуда.

— Ну и как?

— Шик-модерн! — небрежно проронил Гешка.

Катя не поняла.

— Что это значит?

— На класс выше тебя.

Голос его звенел от едва сдерживаемого напора гордости.

— Десятый? — она была явно поражена.

— Да, деточка! — Гешка торжествовал. — Представь себе! Твой дядя Геша будет учиться в десятом секторе.

Ему не было видно лица Кати, так как девочка стояла сбоку дивана, и он говорил, глядя не на нее, а на улыбавшегося Борика, который уже успел пообедать и отключился от сети. Но тихое хихиканье заставило его тотчас повернуть к ней голову.

— Что за неприличный смех? — спросил строго.

— Так ведь... десятый сектор...— Катя с трудом сдерживалась, чтобы не расхохотаться.— Это вовсе не школа.

— Как не школа?— Гешка сел.— А что? Институт?

— Нет... Секторы— это в подготовительном инкубаторе.

Ах, вот оно что! Он понимающе усмехнулся:

— Знаешь что, деточка, ты эти свои штучки брось! Дядя Геша на твой розыгрыш не клюнет. Инкубатор для этих... цыпцып!

Ей удалось совладать с душившим ее смехом.

— У нас так называется детский сад для слаборазвитых детей,— пояснила она.— Десятый сектор— пятилетние.

Серьезный тон, которым это было произнесено, подействовал на Гешку сильнее всяких насмешек. Это правда, правда!

Его бросило в пот.

— Врешь!— растерянно крикнул по привычке.

Заговорил Борик.

— К... тебс... идет... мальчик... Леня.

Специальное устройство у двери сообщало роботу сведения о гостях, как только они переступали порог дома.

Ленька не заставил себя ждать. Прокочил с опаской через возникший проход— он все еще с недоверием относился к воздушной стенке: не успеешь пройти— и запрессует, как мебель!

Катя, сославшись на уроки, деликатно удалилась, оставив друзей вдвоем. Не считая, конечно, Борика.

Ленька сразу спросил:

— Как экзамены?

Гешка помрачнел. Не стал таить— рано ли, поздно ли, все равно Ленька узнает.

— Детский сад. Знаний им моих, видите ли, маловато!

— Ага! А кто говорил: «Звездолетчикам совсем другие науки понадобятся; их еще даже не выдумали, зачем я буду какой-то литературой да географией голову себе забивать?»

— Еще неизвестно ничего,— пробубнил Гешка.— По-моему, эта чертова машина просто напутала. Знаешь, как у нее в брюхе урчало... Попрошусь завтра снова.— Он оживился.— А у тебя как?

Ленька опустил голову.

— Во второй класс.

— Тоже ничего себе!— захохотал Гешка.— Почти отличник, и во второй класс! Он был доволен. Не станет теперь Ленька особенно задаваться. Второй класс— не так уж блестяще.

И все-таки... Не детский же сад!

— И еще каждый день усиленные дозы страхоудалителя,— признался, немножко помолчав, Ленька.

— Ага!— завопил Гешка.— Я тебе всегда говорил: уйми дрожь в коленках! А теперь вот глотай— он, наверное, похуже рыбьего жира.

И тут Ленька произнес вкрадчиво:

— Геш...

Один только его взгляд, брошенный украдкой в сторону машины времени, объяснил Гешке все.

— Что?!

— Мы ведь хотели ненадолго...

Ероша волосы, Гешка в волнении забегал по комнате:

— Плохо тут, плохо, да?

— Всем другим очень хорошо. А вот нам с тобой... И знаешь почему? Они это будущее строили, а мы на готовенькое...

Ленька уговаривал, а Гешка твердил свое. Получалось что-то вроде разговора двух глухих.

— И мороженое бесплатно, и конфеты! И подарки все тебе дарят— сам говорил!

— Какие-то мы тут не такие... Детишки малые — и те больше нас знают!

— И телик рельефный! — Гешка доказывал не столько Леньке, сколько себе самому. — Объемное кино!

— Витька здесь с усами...

— А тебе что — целоваться с ним?

Гешка насканивал на Леньку чуть не с кулаками. Но тот продолжал гнуть свое:

— Он ученый, а мы... Подумай сам, Геш. Ты хотел в прошлое, диверсантов поймать, золотые медали на грудь. А что вышло, а? Чуть крушение поезда не устроили, вот что. Хотел в будущее, космонавтом сразу стать — получается?

— А мы... мы можем на нашей машине еще дальше прыгнуть, — нашелся Гешка. — Лет на сто, на двести. На тысячу!

— Ну и что? Знаний у нас прибавится?.. Нет, сколько ни прыгай, через себя не перепрыгнешь.

— Надо же такими дураками быть! — Гешка давно уже стал поддаваться, но разве можно уступить Леньке, не поспорив властью: — Прилететь сюда — и обратно!

Снова доложил Борик:

— К... тебе... пришел... незнакомый... товарищ...

Гешка досадливо поморщился. Витька, что ли, усатый? Выбрал подходящее время! Как сказать ему про детский сад! Да еще для слаборазвитых!

— С... непокрытой... волосами... блестящей... головой.

Шлепа!

Все лучше, чем Витька!

Стена, расступившись, пропустила Шлепу с двумя большими тщательно завернутыми в бумагу пакетами в руках.

— Здорово, старики! — он переводил взгляд с одного на другого. — Что такие невеселые?

Ответил Гешка:

— Да вот, придумал Ленька обратно лететь.

— Куда — обратно?

— В наше время. — Гешка прямо-таки взывал к его сочувствию.

Но Ленька не дал Шлепе ничего сказать, подступил вплотную, заговорил с жаром:

— Летим с нами, Шлена! Ты ведь тоже не по праву в будущее попал. А там доучишься.

— Э, не! — Шлепа замотал головой. — Опять в школу ходить с малышами, опять зубрить: а плюс бэ сидели на трубе! А тут у меня перспектива. Не сегодня-завтра эту старую консервную банку отправят в металлолом. Буду старшим помощником младшего дворника. А там, глядишь, и до места младшего дворника рукой подать. Нет, благодарю покорно, есть у меня в голове... это...

Гешка подсказал торопливо:

— Серая начинка.

Сам того не сознавая, Шлепа помогал Леньке. Выслушав длинную речь кандидата в старшие помощники младшего дворника, тот сказал с язвинкой:

— Можешь оставаться, Гешка. Шлепу — в старшие помощники, тебя — в младшие.

— А что, очень даже свободно! — Шлепа обрадовался. — Пройдешь Высшие курсы подметания и протиранья — я тебя самолично старшему дворнику отрекомендую. Давай, а, старик? В дурака весь день будем резаться, козла забивать.

— Гешка, летим! — тянул его за одну руку Ленька.

— Оставайся! — держал за другую Шлепа.

Раздался странный звук. Словно в комнате громко всхлипнул ребенок.

— Что это? — Гешка прислушался.

Еще всхлип! Но ведь никаких маленьких детей здесь нет.

— Борик! — он кинулся к роботу. — Ой, смотрите, у него на щеке слезы!

— Это... не... слезы... — заговорил Борик своим ровным, бесстрастным голосом. — У меня... нет... слез... Это... масло...

Гешка осторожно смахнул желтоватую слезинку, растер между пальцами, понюхал.

— Точно, машинное масло. Но ведь ты плачешь, я вижу.

— Да, — ответил Борик. — Я... плачу... маслом.

— Ну зачем же, зачем? — Гешка не мог понять.

— Я... люблю... тебя... Я... люблю... мальчика... Леню... Мне... жаль... с... вами... расставаться...

До сих пор Ленька слегка пренебрежительно относился к механическому другу своего друга. Теперь же растрогался:

— У тебя доброе сердце.

— Из... благородных... металлов.

Гешка спросил:

— Но почему ты решил, что мы с тобой расстанемся?

— Я... ничего... не... решил... Это... кибернетическое... устройство... внутри... меня... рассчитано... самый... необходимый... для... вас... вариант.

— Вот видишь! — обрадовался Ленька.

— Я... вас... никогда... не... забуду... Я... вас... записал... навсегда... в... свои... металлические... мозги.

Почти человеческие слезы продолжали катиться, оставляя масляные дорожки на почти человеческих щеках.

— И мы тебя не забудем, Борик! — Гешка обнял его порывисто. — Ты парень что надо!

— Парень... что... надо, — повторил Борик, запоминая.

Шлепа стукнул себя по лбу.

— Ой, совсем забыл! — откашлялся церемонно: — Дорогие мои старики! Сердечно

поздравляю вас с моим днем рождения. Желаю вам от меня больших радостей, а самому себе долгих лет счастья и отменного здоровья.

Подошел, поцеловал каждого из них в обе щеки. Они ждали напряженно, не произнося ни слова.

Наконец наступил долгожданный момент.

— Разрешите подарить вам на память об этом дне самое-самое для меня дорогое.

И Шлепа торжественно вручил Гешке и Леньке по одинаковому пакету.

— Ну-ка посмотрим, что у тебя самое-самое дорогое! — Гешка, предвкушая приятный сюрприз, спешно отшвыривал бумажные листы.

Под ними оказалась картонная коробка.

В картонной коробке опять бумага — белая, тонкая, прозрачная.

А в бумаге...

— Ой! — не удержался Ленька от взгляда разочарования.

— Цветы какие-то! — Гешка еще шарил в коробке: может, на дне лежит что-нибудь маленькое, но ценное.

Ничего!

Шлепа тронул цветы. По-особому тронул: нежно, растроганно.

— Сам сажал, своими собственными руками. Сам поливал, сам вырастил. Нюхайте на здоровье, старики, вспоминайте меня. А еще лучше — засушите. У них лепесточки бархатненькие, стебелечки шелковистенькие...

Гешка и Ленька смотрели на Шлепу во все глаза. Ошиблись они! Со Шлепой, оказывается, здесь тоже произошли перемены, очень важные перемены. Хоть он и говорит, что каким был, таким и остался, но разве стал бы Шлепа, тот, прежний, в их дворе, с восторгом и умилением рассказывать о цветах? Для него, того Шлепы, цветы ров-

но ничего не значили. Сорвать, повертеть в пальцах и бросить. А то взять и забраться, когда никто не видит, на клумбу с цветами, высаженными жильцами всего дома...

Нет, Шлепа здесь, в будущем, тоже стал другим!

— Ой, Шлепа, Шлепочка,— шептал потрясенный Ленка.

— Ты все-таки изменился, Шлепа.— Гешка пожал ему руку.—А за подарок большое-большое спасибо!

— Понравилось?

— Еще как! Лучшего и не придумаешь! Гешкин взгляд предупреждал Ленку: посмей только сказать что-нибудь другое! Впрочем, нужды в этом не было.

Шлепа сиял.

А они оба, не выпуская цветы из рук, как по команде, повернулись в угол.

Там их ждала—не могла дожждаться машина времени. Говорить она не умела, даже так, как Борик. Но каждая ее молекула, каждый атом прямо-таки дрожали от нетерпения.

САМОЕ ГЛАВНОЕ ВРЕМЯ

Несколько мгновений спустя машина времени совершила мягкую посадку в нашей современности.

Ленька тотчас же соскочил с нее, словно боясь, что, если не успеет, она опять умчит его в неоглядные дали.

— Вот мы и дома! — выдохнул с облегчением.

— На своем родном чердаке. — Гешке, напротив, не хотелось сходить с машины. — А вот завтра...

Он не успел досказать, что будет завтра.

Послышались шаги. Из пролома в стене кто-то двинулся по направлению к ним.

— Вы только не пугайтесь, ребята! — голос был очень знакомый. — Это не дух, не призрак. Это просто я.

Гешкин папа!

Подошел ближе.

— Ну и забрались — с собаками не отыщешь! — лицо не очень сердитое. — Мама с бабушкой сколько времени ищут, все кругом обшарили, уже в милицию бежать хотели... А вы тут недурно устроились, на чердаке, я смотрю. Что там у вас сооружено на том конце, под досками?

— Пульт управления звездолета, — с готовностью ответил Гешка. Он видел: папе понравилось. — Все сами сделали. И приборную доску, и лампочки.

— А это что? — папа похлопал по дерматиновому сиденью.

— Сказать? — Гешка посмотрел на Леньку; тот согласно кивнул. — Только ты, пап, никому, ладно? Это машина времени.

— Да? Подумайте-ка! — папа озадаченно потер подбородок. — А я готов был поклясться, что на этой самой штуке доктор Борман мне однажды зуб выдернул.

— Нет, не на этой — на похожей, — снисходительно пояснил Гешка. — Ленька тоже вначале спутал. А я так сразу узнал.

— Дядя Андрей, а мы вас видели! — Ленька ухмыльнулся.

— Ничего удивительного! Я уже шарю здесь минут десять.

— Нет, не на чердаке... В будущем!

А Гешка добавил, чтобы понятнее было:

— Через много-много лет.

— Летали туда? — догадался папа. — На машине времени? Ну и как я там?

— Хорошо!

— А Катька ваша там вместо бумажных кукол роботов делает, — сообщил Ленька приятную весть из далекого будущего.

Гешка смерил его взглядом:

— Роботов делает! — он фыркнул. — Катька главный конструктор института роботов — во! И вообще, там знаешь как интересно!

— Молочные реки и кисельные берега? — хитро прищурился папа. — Конфеты сами в рот скачут?

— Какие конфеты! — отмахнулся Гешка. Ему было неловко: папа совсем случайно, или совсем не случайно, угадал, с какими настроениями Гешка лстал в будущее.— Там столько всяких дел!

— Вот это здорово! — заулыбался папа.— Здорово, что ты понял!

— А что я— без начинки? Что я— с опилками в голове?

Гешка ворчал только для вида; на самом деле ему было приятно.

Папа улыбался-улыбался, а потом вдруг озабоченно наморщил лоб.

— Послушайте, ребята, а ведь раз машина времени здесь, то, значит, и хозяин ее близко.

— Путешественник во времени,— подсказал Гешка.

— Вот-вот... А если он сейчас явится и задаст вам жару?

Папа замолчал и стал напряженно вглядываться куда-то поверх их голов, словно что-то там увидел. Гешка невольно оглянулся, но ничего в переплетении стропил разглядеть не смог. А когда снова повернулся к папе, его уже не было. Вместо него стоял...

— Дядя Андрей, что вы такое на себя надели? — удивился Ленька.

Но Гешка тут же незаметно толкнул его локтем:

— Замолчи! Он не папа.

Конечно, человека этого легко можно было спутать с Гешкиным папой. Он был с ним одного роста и даже очень похож. А старинный плащ, накинутый на его плечи, в неверном чердачном освещении вполне мог показаться мешковиной, снятой ребятами с кресла.

Но так мог подумать только несведущий человек. Вроде Леньки.

Гешка же был человеком сведущим. Он мгновенно сообразил, что перед ним сам

Путешественник во времени. Сейчас, сейчас он с ними заговорит!

И верно, тот поклонился и произнес голосом, который показался бы несведущему человеку точной копией с голоса Гешкиного папы.

Но из того, что он сказал, ребята не смогли понять ни одного слова— и вот лучшее из доказательств, что перед ними действительно был хозяин машины времени!

— Ай эм вери глэд, бойз, ту конгретулейт ю виз юр ритарн.

И снова поклонился.

— Ох и вспилет он нас сейчас за машину! — Гешка был в полном восторге.

— Как с ним говорить? — прошептал Ленька, с опаской следя за каждым движением незнакомца.

— По-английски, наверное...

Ленька набрался храбрости— видно, не прошли даром те дозы страхоудалителя, которые он успел принять в будущем:

— Пардон, товарищ... Мы... мы не говорим по-английски. Только по-немецки.

— О, это есть ничего! — Путешественник во времени покачал головой.— За время живания в вашей стране я в превосходной степени изучил русский язык. Я имел честь поздравить вас со здравополучным прилетанием домой. Как есть ваше путешествие?

Гешка выставил большой палец.

— Во! — он хотел добавить шлепинское «с присыпочкой!», но вовремя прикусил язык.— Вы нас ругать не будете? Ну, что машину вашу... одолжили.

— О, нет-нет, зачем ругать? Вы хорошие, любознательные юные человеки.

Гешка похвалился:

— А я про вас читал. В рассказе Уэллса «Машина времени».

Путешественник во времени явно обрадовался.

— О, я имею хорошо помнить этого сочинителя. Такой высокий худой джентльмен. И рассказ я имел читать. Очень высокоправдиво есть описаны мои прошловременные путешествия.

Ленька смелел на глазах. Подошел к Путешественнику во времени, тронул его плащ, подняв легкое облачко пыли.

— А теперь вы были у нас, да?

— О, да, у вас, в Советской стране. Я есть очень счастлив, юные человеки, что мне удалось увидеть ваше время. Мои прошловременные путешествия были не столь высоко удачными. Я попадал то к другдругоедным дикарям, то к злодейским инквизиторам. И я думал: о, боже, разве так обречено быть всегда? И вот я попал в вашу страну...

Гешка предложил:

— Понравилось? Так оставайтесь!

— У нас есть свободная комната — мой брат служит в армии.

Ленька живо представил себе, что будет, когда он приведет домой Путешественника во времени. Мама побежит на кухню готовить свой знаменитый салат по-ташкентски, папа начнет рассуждать о шансах футбольной команды «Торпедо», и никто даже не вспомнит о Ленькиных грехах.

— А к нам приходите обедать, ладно? — Гешка тоже был не прочь заполучить такого гостя. — У меня бабушка знаете какие пельмени готовит!

Однако Путешественник во времени отказался:

— Я вам в превосходной степени благодарен. Но это есть невозможно. Крайне невозможно.

Ленька даже огорчился.

— Почему?

— Слю мгновению попробую растолковать.

— Растолковать, — поправил Ленька.

— О, да, растолковать. Спасибо тебе в превосходной степени... Я есть человек девятнадцатого века. Трудное время. Злое время. Но это есть мое время. Там есть все человеки моего времени. И я должен вместе с ними делать бой против злого, против плохого, за счастливую будущую. Вот когда я осуществлял летание сюда, я видел: один бобби — так мы называем полисмен — поднимал свой великий кулак, чтобы бить крохотный голодный человек. Я должен летать обратно и схватить этот великий кулак. Я не схвачу — может быть, никто не схватит. И великий кулак будет бить, долго бить... Я должен вернуться в свое время. Иначе я есть дезертир. В будущую не есть возможность уходить в одиночку. Только вместе со всеми человеками своего времени.

— Правильно! — воскликнул Ленька. — Вот теперь мне совсем-совсем ясно, почему Клаша-партизанка с нами не захотела. Ты понял? — спросил, повернувшись к Гешке.

— Еще пораньше тебя!

— Да? Если хочешь знать, я еще там, на месте, понял.

— Ничего ты не понял!..

Этому спору не суждено было разгореться.

Потому что ребята вдруг заметили, что Путешественник во времени исчез. Вместо него снова появился папа. За ним, на кирпичном выступе, слегка покачивалась мешковина.

— Где же Путешественник во времени? — Ленька оглядывался по сторонам. — Вот только что здесь стоял, на вашем месте. Куда это он исчез?

Гешкин папа точно знал куда.

— Улетел, — сказал он с уверенностью.

— Да? А на чем? Вон ведь она стоит — машина времени. Верно, Гешка?

— И ничего подобного! — ответил Гешка к его изумлению. Подошел к креслу,

пнул пренебрежительно ногой.— Вот вечно он путает, пап! То машину времени за какое-то паршивое зубодральное кресло принял, то теперь наоборот... Ну, Леня, ну, неужели ты не видишь?.. Зубодралка это, самая настоящая зубодралка! А машина времени улетела. Вместе с Путешественником. Вот прилетит снова — сам увидишь, какая большая разница!

Леня виновато поежился...

И тогда папа сказал:

— Вы что, ночевать здесь собрались? Пошли, пошли!

Когда двигались по чердаку, Гешка спросил о том, что его сейчас тревожило больше всего:

— Пап, а мне здорово от мамы влетит?

— Влететь-то влетит, в этом можешь не сомневаться. Но есть и смягчающие вину обстоятельства,— обнадежил папа.— Не каждый же день совершаются такие чудесные путешествия. Я думаю, мама учтет...

Уже сойдя с лестницы, у самой двери подъезда, Леня нагнулся, поднял с пола что-то.

— Цветок... Отдадим в подарок?

Гешка сразу догадался, о ком он вел речь.

— Шлепе? Шлепе этому от Шлепы того.— Он рассмеялся.— Поймет, как считаешь?

— Не знаю. Может, и не поймет. Но все-таки отдадим. Пусть подумает!

Гешка толкнул дверь во двор.

Там все было на своем месте.

Светило заходящее солнце, окрашивая в розовый цвет крыши, трубы, верхушки деревьев.

Малыши-карандаши играли в песочнице под неусыпным надзором строгих дедов.

Катка азартно менялась с девчонками куклами, вырезанными из картона.

Шлепа, губастый и лохматый, что-то доказывал Витьке Синице, а тот не хотел верить, смеялся, мотал головой...

И как же это все хорошо!

Как хорошо, что Витька Синица еще не с усами.

Как хорошо, что Шлепа еще не младший помощник младшего дворника-робота и, может быть, им не станет, если как следует поразмыслит над тем, что ему расскажут ребята.

Как хорошо, что Катка еще не Екатерина Андреевна и еще не изобрела симпатичного робота Борика.

Все это еще впереди. Будущее впереди. Его надо делать, надо создавать, надо строить. И они, Гешка с Ленькой, придут туда не случайными ротозеями, не скучающими одиночками, а вместе со всеми, в учении, в борьбе и труде.

В борьбе и труде!

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ?	5	А ТЕМ ВРЕМЕНЕМ...	.50
ЧЕТЫРЕ ВСТРЕЧИ, НЕМНОГО СТРАННЫЕ, НО ОТНЮДЬ НЕ НЕВЕРОЯТНЫЕ	7	ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОИ	54
С МАМОЙ...	—	ЧТО БЫЛО ЗАВТРА	59
С БАБУШКОЙ...	8	МАМА! ПАПА!... И БЫВШАЯ КАТЬКА!	71
С ЧЕМОДАНОМ...	.10	ВИТЬКА С УСАМИ	76
С РЫЖЕЙ КОШКОЙ...	.13	СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ... СОВСЕМ-СОВСЕМ	
ВОСЬМОЕ ЧУДО СВЕТА	.15	ЛЫСЫИ	.82
ЧТО БУДЕТ ВЧЕРА	.25	СМЭХ И ГРЭХ	86
ЗВЕЗДОЧКИ НА ГРУДЬ	.37	ХОРОШО В ГОСТЯХ	93
		САМОЕ ГЛАВНОЕ ВРЕМЯ	99